

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2/2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, ВРИО директора Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и финансовых рынков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ им. Г.В. Плеханова

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель
директора по научной работе Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой
прикладной институциональной экономики экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ивашенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ВРИО директора Института научной информации по общественным
наукам (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем
рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2021

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 09.04.2021.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 1279-21

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2021

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Комолов О.О.

Марксистская теория глобализации и новые тенденции в мировой экономике. 9

Верников А.В.

Диагностика патологии института
(на примере гарантирования банковских вкладов) 27

Анохов И.В.

Время астрономическое и время экономическое. 48

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Бухвальд Е.М.

Пространственные аспекты «Концепции-2020» и реализация
целевых установок политики регионального развития 67

Цедилин Л.И.

Конверсия и коммерция: опыт преобразования и перспективы
развития ОПК России 84

Хабибуллина З.Р.

От креативного работника – к человеку ноономики. 97

Меджидов З.У.

Предпосылки и перспективы формирования зон территориального
развития в Республике Дагестан. 107

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

Калабихина И.Е., Белянов А.А.

Обзор микросимуляционных и агентных подходов
в демографических исследованиях 127

Илимбетова А.А.

Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы 144

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Турсунов Б.О.

Зависимость циклической динамики текстильной
промышленности Республики Узбекистан от динамики
промышленного производства 156

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Китова А.Л.

Сравнительный анализ состояния здоровья населения регионов
Уральского федерального округа 166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андрюшин С.А., Карминский А.М.

Современные финансовые институты и рынки, их регулирование
в кризисных условиях: международный опыт и российская
практика (обзор выступлений участников тематической
конференции «Банки и финансовые рынки» Четвертого
Российского экономического конгресса) 182

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

Дмитрий Евгеньевич Сорокин 199

Поль Вячеславович Савченко 201

CONTENTS

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Komolov O.O.	
The Marxist Theory of Globalization and New Trends in the World Economy.	9
Vernikov A.V.	
Institutional Pathology and its Diagnostics (the Case of Deposit Insurance)	27
Anokhov I.V.	
Astronomical Time and Economic Time.	48

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Buchwald E.M.	
Spatial Aspects of "The Concept-2020" and the Implementation of the Targets of the Regional Development Policy	67
Tsedilin L.I.	
Conversion and Commerce: Transformation Experience and Development Prospects for Russia's Defense and Industrial Complex.	84
Khabibullina Z.R.	
From the Creative Worker – to the Homo Noonomics	97
Medzhidov Z.U.	
Prerequisites and Prospects for the Formation of Zones of Territorial Development in the Republic of Dagestan	107

DEMOGRAPHY ISSUES

Kalabikhina I.E., Belyanov A.A.	
Review of Microsimulation and Agent-Based Approaches in Demographic Research	127
Ilimbetova A.A.	
Adaptation and Integration of Migrants: Conditions, Goals, Approaches	144

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Tursunov B.O.

Dependence of the Cyclical Dynamics of the Textile Industry
of the Republic of Uzbekistan on the Dynamics of Industrial
Production 156

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Kitova A.L.

Comparative Analysis of the Health Status of the Population
of the Regions of the Ural Federal District 166

SCIENTIFIC LIFE

Andryushin S.A., Karminsky A.M.

Modern Financial Institutions and Markets, their Regulation
in Crisis Conditions: International Experience and Russian Practice
(Review of the Speeches of the Participants of the Thematic
Conference "Banks and Financial Markets" of the Fourth Russian
Economic Congress) 182

IN MEMORY OF SCIENTISTS

Dmitry Evgenievich Sorokin 199

Paul Vyacheslavovich Savchenko 201

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

О.О. КОМОЛОВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Автор статьи описывает эволюцию марксистской теории глобализации капитализма, выделяя в ней несколько этапов, систематизируя и сопоставляя подходы различных представителей отечественного и зарубежного марксизма разных эпох. Начинает он свое исследование с работ основоположников направления (К. Маркс, Ф. Энгельс), затем рассматривает работы марксистов эпохи зарождения империализма (В.И. Ленин, Р. Люксембург, Р. Гильфердинг) и завершает трудами неомарксистов конца XX – начала XXI вв. (И. Валлерстайн, Д. Харви, С. Амин, Дж. Арриги, А.В. Бузгалин). Применение современной марксистской теории глобализации позволяет углубить понимание интеграционных и дезинтеграционных процессов, а также объяснить причины обострения экономического и политического противостояния между акторами мировой экономики в условиях «Великой стагнации».

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, К. Маркс, В.И. Ленин, Дж. Арриги, С. Амин, мир-системный анализ.

JEL: B14, B24, B51, F62.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_9_26.

Классический марксизм: глобализация как проводник капиталистических кризисов

В эпоху первой промышленной революции противоречия капиталистического развития стали проявлять себя в форме регулярных экономических кризисов. Главным направлением, критиковавшим прежние концепции и раскрывавшим данные противоречия, стал марксизм. В основе исследований марксистов лежал исторический подход, который позволял более полно выявлять причинно-следственные связи в работе рыночной системы. Явления описывались в их развитии, экономические законы не провозглашались вечными и естественными, а их изменения рассматривались в контексте динамичного исторического движения.

Такой подход предопределил рассмотрение процесса развития капитализма безотрывно от интернационализации экономических связей. В соответствии с положениями исторического материализма, источником развития капиталистического способа производства на первой его фазе – первоначального накопления капитала конца XV – начале XVIII вв. – стали, в частности, захват и эксплуатация колоний, работорговля и активная протекционистская политика государств. «Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства. «Общества-монополии» (Лютер) были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал», – писал К. Маркс в I томе «Капитала» [1, с. 763].

Предметом исследований К. Маркса и Ф. Энгельса был домонополистический капитализм, или «капитализм свободной конкуренции». Данное понятие необходимо брать в кавычки. Если внутренний рынок Англии оставался немонополизированным в конце XVIII – начале XIX в., то в мировой промышленности эта страна, будучи единственной подлинно индустриальной экономикой, обладала монопольным положением. Это обстоятельство сделало английский капитал главным проводником политики фритредерства: в 1860-х годах Великобритания подписала ряд двусторонних соглашений о свободной торговле с европейскими странами. Они отменяли взаимные ограничения на импорт и таможенные пошлины. Экономикам Латинской Америки и Азии под угрозой применения военной силы были навязаны договоры, лишавшие их свободы тарифной политики и открывавшие их рынки для британских производителей. Примером таких отношений может служить Нанкинский договор, навязанный Китаю после его поражения в войне 1840–1842 гг. Договор устанавливал Китаю выгодные для Британии внешнеторговые пошлины, английский капитал получал право на концессии и режим наибольшего благоприятствования. Кроме Китая жертвами неравноправных договоров стали Османская империя, Персия, Сиам, Япония.

Особенность таких экономических отношений заключается не только в обретении лидерами мировой экономики новых источников накопления капитала. «Свободная торговля» стала каналом международного распространения капиталистических отношений и, как следствие, кризисов. В 1849 г. Маркс и Энгельс писали: «Из всей экономической истории немцы могли бы знать, что у них нет собственной экономической истории, что им приходится расплачиваться за английские кризисы, тогда как в периоды перепроизводства в Англии

им перепадают лишь грошовые выгоды» [2, с. 350]. Это утверждение объясняет природу капиталистических кризисов в странах, находящихся на ранних стадиях индустриального развития. Их производство еще не доросло до уровня крупного машинного, а значит, не созрели условия к возникновению собственных кризисов перепроизводства. Таким образом, глобализация капитализма на ранних этапах его развития играет роль проводника экономических кризисов, превращая их из локальных в региональные, а затем и в мировые.

По Марксу, кризисные явления в системе международного разделения труда имеют схожие причины, что и кризисы перепроизводства внутри национальных экономик. Источником кризисов является ключевое противоречие капитализма между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов. Общественный характер производства выражается в растущем разделении труда, специализации производства и кооперации в промышленности. В полной мере эти тенденции проявляют себя лишь на стадии машинного производства. Значит, и кризисы перепроизводства возникают и развиваются преимущественно в секторе крупной машинной индустрии и затем распространяются на мелкое производство. Оно выступает в роли придатка фабричной индустрии, поставляя ему сырье и предметы потребления, выполняя отдельные вспомогательные производственные функции. Кризис, вызванный перепроизводством в крупной промышленности, распространяется на мелкотоварный сектор, где возникает уже свое перепроизводство, обусловленное трудностями сбыта и падением цен.

Развитие капитализма в XIX в. показало, что интернационализация хозяйственных связей переносит описанные Марксом закономерности на международный уровень, ставя на место крупных и мелких производителей страны, соответственно, с более и менее развитым капиталистическим производством. Первоначально кризис возникает в стране, где обостряются противоречия капиталистического накопления и крупной машинной индустрии. Затем он распространяется на страны, находящиеся на стадии мелкотоварного и мануфактурного производства. Таким образом, выход страны на мировой рынок создает в ней риск импорта кризиса перепроизводства из более развитой экономики. Так, кризис перепроизводства в Англии 1825 г. спустя некоторое время нанес удар по экономике Российской Империи. Сжатие внутренней торговли в России произошло из-за падения экспортных доходов на 22% в 1825–1826 гг. Наибольшие потери понесли экспортно-ориентированные мануфактуры: доходы от продажи шерсти упали на 70%, лесоматериалов – на 33%, льна и пеньки – на 20% [3, с. 350].

По мере промышленного развития стран Европы и США, расширения международных экономических связей и становления единого

мирового капиталистического пространства возникают предпосылки *глобального экономического цикла*. Если до конца первой четверти XIX в. кризисы имеют английское происхождение, а затем развитие крупной промышленности в США, Германии и Франции формирует условия капиталистических кризисов за пределами британской экономики, то кризис 1857 г. представляет собой уже полноценный кризис мирового масштаба. Чтобы он стал возможным, необходимо было наличие крепких экономических связей: торговых и кредитных, а также борьба за рынки между развитыми капиталистическими странами и формирование на ее основе единых мировых цен. Это, в свою очередь, не могло возникнуть без выхода мировой торговли, средств коммуникации (телеграф), транспорта (сеть железных дорог, паровой флот) на новый качественный уровень, становление которого началось в 1850-х годах.

Мировые промышленные циклы становятся не просто следствием совпадения периодов роста и спада в национальных экономиках, а отражают начало нового этапа в развитии капитализма в единой, глобализированной системе, основанной на международном разделении труда, международном кредите и товарообороте, глобальной конкуренции. В этих процессах Маркс видел каналы, по которым противоречия капиталистического способа производства будут распространяться на весь мир, тем самым ускоряя его развитие и углубляя внутренние противоречия. По его утверждению, «все законы, изложенные в классических трудах по политической экономии, строго непогрешимы только при предположении, что с торговли сняты всякие оковы, что конкуренция абсолютно свободна не только внутри какой-нибудь одной страны, но и во всем мире» [4, с. 265]. Маркс ссылается на Рикардо и утверждает, что труд как товар в этих условиях будет также снижаться в цене до такой степени, «что вы сможете купить его чрезвычайно дешево, точно так же, как перец или соль» [4, с. 265]. В результате «все остальные законы политической экономии будут действовать с возросшей силой, с большей точностью, так и закон народонаселения, о котором говорит Мальтус, при господстве свободы торговли получит такое широкое развитие, какое только можно вообразить» [4, с. 265].

Стоит отметить, что реалии конца XX – начала XXI вв. доказывают правоту Маркса. Новый виток глобализации, двигателем которой стала либерализация экономики и внешнеэкономических связей, позволил перенести производственные мощности в регионы с низкой оплатой труда. Возникшая конкуренция между продавцами и наемными работниками в центре и на периферии мировой экономики вызвали резкое замедление роста зарплат в развитых странах, а в некоторых случаях и вовсе привели к ее снижению [5, р. 424].

Признавая угрозы, которые несет нерегулируемая торговля общественным интересам, Маркс подчеркивает, что свободный рынок

быстро спотыкается о собственные противоречия как на национальном, так и на международном уровне. Их углубление порождает обострение классовой борьбы: «Значит ли это, что мы против свободы торговли? Нет, мы стоим за свободу торговли, потому что с введением ее все экономические законы с их самыми поразительными противоречиями будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира; и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата» [4, с. 265].

Глобализация и империализм

Значительный вклад в развитие марксистской теории глобализации сделал В.И. Ленин, объектом исследования которого стал капитализм, вступивший на качественно новую ступень своего развития – империализм. Закономерное следствие рыночной конкуренции и закона накопления капитала – монополизация экономики – значительно видоизменила международные экономические отношения. Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В условиях империализма происходит слияние банковского и промышленного капитала, образование на их симбиозе монопольного финансового капитала, концентрация под его контролем собственности на природные ресурсы, правовой монополии на патенты и средства транспорта. Завершение территориального раздела мира крупнейшими капиталистическими державами обеспечивает условия для эксплуатации колоний метрополиями, которые начинают использовать их в большей степени как место приложения капитала, чем рынок сбыта.

Переход целого ряда стран Европы и Америки к фабричному производству обостряет борьбу национальных капиталов на международном уровне. Это обстоятельство меняет отношения между классом капиталистов и государством, которое выражается в растущем вмешательстве государства в экономику. Вызревание капиталистических отношений на новых территориях принесло с собой новый протекционизм с применением покровительственных пошлин, защищавших экспортоориентированные отрасли от внешней конкуренции. Такие меры ускоряли процессы монополизации, поскольку становились эффективным инструментом повышения рентабельности: на внутреннем рынке за счет установления монопольных цен, на внешнем – посредством зачистки рынка от конкурентов политикой демпинга. Рост нормы прибыли ускорял наступление кризисов перепроизводства и проблемы перенакопления капитала. Как отмечает Ленин, «пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается

не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в остальные страны» [6, с. 350].

Попыткой решить проблему перенакопления становится экспорт капитала – вывоз стоимости, предназначенной для производства прибавочной стоимости за границей. Она принимает форму ссудного капитала и в виде займов для менее развитых стран, которые заручаются поддержкой банков-кредиторов, гарантирующих сбыт заемщикам. Так, борьба за рынки сбыта обретает форму конкуренции за места приложения ссудного капитала. Одновременно нарастает экспорт капитала в производительной форме. Локализация производства в отсталой стране повышает спрос со стороны местного населения. Страны, лидеры капиталистического мира, – Германия и США, где монополистические процессы продвинулись дальше – выступают в роли экспортеров производительного капитала. Англия и Франция, в которых промышленное развитие замедлилось в конце XIX – начале XX вв., благодаря накопленным ранее богатствам, осуществляли экспорт преимущественно ссудного капитала [7, с. 65].

Большую роль в развитии теории империализма играет полемика Ленина с другим марксистским теоретиком – Р. Гильфердингом. В трактовке понятия финансового капитала для Гильфердинга главным был вопрос о характере взаимодействия крупного капитала в промышленности и банковском секторе. Роль последнего он видел в установлении контроля над материальным производством ради устранения в нем конкуренции, что обеспечивало бы условия для стабильного прибыльного приложения ссудного капитала [8, с. 217]. Для Ленина главным вопросом был сам факт сращивания банковского и промышленного капитала в форме монополий, а также обретения финансовой олигархии власти над рынком: «Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т. п., закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам» [6, с. 350]. Господство финансового капитала делает возможным осуществлять контроль над финансовым рынком и использовать финансовые инструменты для дальнейшей экспансии.

В начале XX в. позиция Гильфердинга не была лишена эмпирических оснований, поскольку основным источником банковской прибыли выступал процент, взимаемый с прибавочной стоимости, созданной в промышленности. Однако вместе с развитием глобальных финансовых рынков и эволюцией фиктивного капитала все большая доля прибыли финансового капитала приходится на финансовые спекуляции, роль банковского кредита как формы движения ссудного капитала

становится второстепенной, а основным местом его концентрации является рынок ценных бумаг. Способность крупнейших финансовых групп через инструменты финансового рынка занять господствующее положение в любой отрасли современной экономики почти любой страны мира является наиболее яркой иллюстрацией того, как финансовая олигархия, по Ленину, закрепляет свое господство и облагает все общество данью монополистам.

Большой вклад в развитие теории глобализации внесла видный теоретик марксизма Р. Люксембург. В своем труде «Накопление капитала» она сделала акцент на вопросе реализации прибавочной стоимости в условиях капитализма, преодолевшего границы национальных государств. Ее подход, исходя из марксистских представлений о природе капитализма, опирается на тезис Смита о естественных границах развития разделения труда и теории «третьих лиц» Т. Мальтуса. Суть концепции заключается в следующем.

С одной стороны, источником развития капиталистической экономики является постоянное углубление разделения труда. При этом, что отмечали еще классики, одновременно с ростом производительности разделение труда повышает риски устойчивости экономической системы в целом, поскольку заставляет производителя встраиваться во все более сложные производственные цепочки, где успех реализации его продукции связан уже не столько с его мастерством и навыками управления сколько с положением других ее участников. Как следствие, когда степень риска станет настолько большой, что дальнейшее движение по пути разделения труда окажется невозможным, капиталистическая система попадет в тупик. Выход из этого тупика существует лишь для национальной системы, поскольку она имеет возможность к расширению на региональном, а затем и на международном уровне. Однако такое расширение непременно достигнет пределов и остановится.

С другой стороны, рыночной экономике для самовоспроизводства необходимо сбывать часть стоимости товара, которая превышает издержки производства и является источником прибыли. В соответствии с теорией Т. Мальтуса [9] она не может быть приобретена ни работниками, которые способны купить только часть стоимости, произведенную их трудом, ни капиталистами, поскольку они стремятся к минимизации личного потребления ради накопления капитала. Таким образом, чтобы весь произведенный продукт был реализован, в экономической системе должны присутствовать «третьи лица» – землевладельцы, бюрократия, генералитет. Их непроизводительное потребление позволяет рыночной экономике сохранять состояние равновесия.

Интегрируя эти положения в марксистскую модель расширенного воспроизводства, Люксембург пыталась усовершенствовать теорию

накопления капитала Маркса, который абстрагировался от анализа внешнеэкономических факторов. Главный удар критики принимала на себя идея Маркса о том, что роль внешней торговли заключается лишь в замещении товаров местного производства предметами иной потребительной или натуральной формы. Она не оказывает влияния на отношения стоимости, в т. ч. выражаемые через обмен средств производства на предметы потребления, отношения постоянного, переменного капитала и прибавочной стоимости. «Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание», – пишет Маркс [1, с. 534]. Люксембург утверждала, что именно международная торговля становится каналом сбыта прибавочной стоимости, которая, по ее мнению, не может быть реализована в рамках национальной экономики.

«Кто же является покупателем, потребителем той части всех общественных товаров, продажа которой только и делает возможным накопление?», – задается вопросом Люксембург [10, с. 84]. И отвечает на него: «Ясно одно: этими покупателями не могут быть ни рабочие, ни капиталисты» [10, с. 84], т. е. представители «не капитализированной» части экономики, страны, стоящие на докапиталистических ступенях развития. Отсюда империализм она определяет «политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды» [10, с. 320]. В конечном счете распространение капиталистических отношений на территорию всей планеты сделает невозможным их дальнейшее воспроизводство, что приведет к автоматическому краху капитализма.

Идеи Люксембург подвергались значительной критике со стороны представителей марксизма. Так, Ленин фактически раскритиковал их еще до того, как ее работа вышла в свет, поскольку схожие идеи в России продвигали сторонники народничества. Он утверждал, что проблема перенакопления, выражающаяся в кризисах перепроизводства, вызвана не нехваткой рынков сбыта, а анархией капиталистического производства и периодическим отклонением цены от стоимости. В долгосрочной же перспективе капитализм способен сам безгранично расширять спрос: его главным источником являются капиталисты, приобретающие все больше средств производства в процессе накопления капитала. Таким образом в капитализме возникает «производство ради производства» – противоречие, так и не понятое Люксембург. «Но это – противоречие не доктрины, а действительной жизни; это – именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства, – утверждал Ленин. – Именно это расширение про-

изводства без соответствующего расширения потребления и соответствует исторической миссии капитализма и его специфической общественной структуре: первая состоит в развитии производительных сил общества; вторая исключает утилизацию этих технических завоеваний массой населения» [11, с. 46].

В теоретических спорах Ленина, Гильфердинга и Люксембург трудно определить однозначного победителя. По мере развития империализма XX в. усугублялась проблема перенакопления капитала в развитых капиталистических странах, преодолеть которую посредством традиционного кризиса перепроизводства становилось все сложнее. Каналом сброса внутреннего «давления» системы стал не только вывоз капитала, но и подчинение внешних рынков менее развитых стран, а также финансиализация, т. е. превращение финансового капитала в фиктивный. На основе синтеза и критического переосмысления идей вышеупомянутых теоретиков сложилась следующая ступень эволюции марксистской теории глобализации, одним из выражений которой стала интеграция неомарксизма и мир-системного анализа.

Неомарксизм и мир-системный анализ

Вопрос интернационализации капитализма с точки зрения международной торговли развивает Д. Харви. С позиций экономической географии он критически относится к определению глобализации как специфической черты современного этапа развития капитализма XX–XXI в., доказывая, что за этим термином на самом деле скрывается исторически свойственная системе тяга к географической экспансии [12, р. 7]. Харви предлагает оценивать явление глобализации через призму неравномерности пространственно-временного развития капитализма. Международная экспансия капитала основана на принципе «накопления путем изъятия» [13, р. 145], которую автор рассматривает как продолжение теории Маркса о первоначальном накоплении: «Это включает превращение в товар и приватизацию земли с насильственным изгнанием крестьян, превращение разных форм собственности (общинной, коллективной, государственной и т. д.) в частную. Подавление прав общин, превращение в товар рабочей силы и подавление альтернативных (свойственных коренным жителям) способов производства и потребления. Колониальное, неоколониальное и империалистическое присвоение ценностей (включая природные ресурсы). Переход к денежной форме обмена и налогообложения, особенно земли, работоторговля, ростовщичество, национальный долг и кредитная система как форма первоначального накопления» [13, р. 145]. Господствующая в мировой экономике страна создает свою

«пространственно-временную фиксацию» для глобального накопления капитала [13, р. 99]. Этот термин означает инфраструктуру, позволяющую доминировать в торговле, прямых инвестициях, эффективно эксплуатировать дешевую рабочую силу в других странах, то есть создавать выгодные и комфортные условия для капитала своей страны.

Согласно И. Валлерстайну, глобальная капиталистическая система представлена тремя зонами: центром, периферией и полупериферией. К центру относятся страны, в которых капитализм развивался наиболее активно (Западная Европа, Северная Америка) [14, р. 351]. Все субъекты мирового капитализма встроены в систему глобального разделения труда. Исторически периферия выступала в роли поставщика ресурсов (природных и человеческих) странам центра, выступающим в роли выгодоприобретателя этой системы. Формы отношений между центром и периферией менялись на всем протяжении истории капитализма с XVI в., начиная с колонизации и работорговли, заканчивая современными отношениями экономической и политической эксплуатации глобального «Юга» глобальным «Севером».

Страны связаны участием в капиталистической мир-системе крепкими нитями, которые не позволяют участнику мировой экономики легко вырваться из объятий этой системы. Отношения глобальной эксплуатации играют в общественном развитии схожую роль, что и подчинения труда капиталу в отношениях между социальными классами. В классовых обществах эксплуатация труда позволяет сконцентрировать небольшой прибавочный продукт в руках привилегированных классов, которые выступали проводниками научного и культурного прогресса. В условиях мирового капитализма глобальная эксплуатация превращает отдельные страны в технологические локомотивы, топливом для которых является часть прибавочного продукта, созданного на периферии. Однако признавая историческую необходимость эксплуатации, необходимо ставить вопрос о существовании таких же объективных исторических границ данного явления.

С позиций мир-системного анализа движение капиталистической экономики характеризуется последовательным расширением интеграционных связей между субъектами мировой экономики, которое сменяется периодами дезинтеграции. Смена этих фаз обусловлена циклическим характером развития капиталистического способа производства. Наиболее последовательно он описан в работах итальянского экономиста Дж. Арриги, который выделил несколько его этапов – системных циклов накопления капитала (СЦНК), состоящих из двух фаз: накопления материального капитала и финансовой экспансии, которые он строит по известной формуле Маркса $D-T-D'$: на фазах материальной экспансии денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую

силу и природные ресурсы; а на фазах финансовой экспансии растущая масса денежного капитала «освобождается» от своей товарной формы, и накопление осуществляется посредством финансовых сделок, как в сокращенной формуле у Маркса: $D-D'$ » [15, с. 44]. Применяя данную конструкцию для анализа капитализма как мир-системы, Арриги выделил четыре системных цикла накопления, «каждый из которых характеризуется фундаментальным единством основной движущей силы и структуры мировых процессов накопления капитала: генуэзский цикл XV–начала XVII в., голландский цикл конца XVI – третьей четверти XVIII в., британский цикл второй половины XVIII – начала XX в. и американский цикл, который начался в конце XIX в. и продолжается на нынешней фазе финансовой экспансии» [15, с. 45]. В рамках каждого СЦНК существует свой гегемон, концентрирующий вокруг себя страны центра мирового капитализма, которые, в свою очередь, подчиняют себе периферию и полупериферию. В каждом СЦНК возникают точки качественного изменения системы, сигнализирующие о моменте наступления кризисов, которые можно трактовать как точки бифуркации мир-системы, то есть качественного изменения, либо становления нового цикла накопления. Арриги выделяет кризисы двух типов: сигнального и терминального. Под первым понимается переход системы из фазы материальной экспансии в финансовую, что сопровождается ускорением глобализации. Второй тип кризиса знаменует переход к следующему циклу накопления с доминированием нового гегемона в мир-экономике. Борьба за доминирование сопровождается глобальной дезинтеграцией, которая выражается в противостоянии наиболее сильных в экономическом, политическом и военном смысле стран за место нового гегемона.

Данный подход к развитию мир-системы также позволяет пролить свет на сменяемые колебания стадий «экономической свободы» и «экономического регулирования». Так, «Генуэзский режим качнул маятник от крайне регулирующего духа капиталистических городов-государств конца XIV – начала XV в. (наилучшим олицетворением которого служит венецианский государственно-монополистический капитализм) к сравнительной экономической свободе системы капиталистических «наций», которые в XVI в. регулировали расширенную европейскую валютную и торговую систему избранных рынков сначала Антверпена и Лиона, затем – безансонских и, наконец, пьяченцских ярмарок», – пишет Арриги [15, с. 315–316]. С переходом к голландскому СЦНК маятник начал обратное движение – «к прямому участию правительств в поддержке и организации мировых процессов накопления капитала либо напрямую, либо через формирование акционерных компаний, призванных выполнять правительственные функции во внеевропейском мире» [15, с. 315–316]. Следующее движение маятника случилось

с ростом и переходом к британскому циклу, «который действительно воспроизвел феномены XVI в. «с десятикратной силой», создав системные условия, при которых американский корпоративный капитализм сначала возник, а затем стал доминирующей структурой накопления всего мира экономики» [15, с. 315–316]. Таким образом, явление глобализации, тенденции расширения и ограничения интеграционных процессов мировой экономики современным марксизмом рассматривается через призму смены СЦНК, где гегемон задает правила игры и оказывает наиболее сильное влияние на динамику и развитие международных экономических связей.

Отношения между членами мир-системы С. Амин объясняет через теорию «империалистической ренты» [16]. Она описывает безвозмездную передачу части прибавочной стоимости, созданной населением периферии или полупериферии, и присвоение ее капиталом стран центра. Значит, бедность, наблюдаемая в странах периферии, не является результатом недостаточного включения этих субъектов в международное разделение труда. Наоборот, такие страны обречены на блокированное развитие [17] из-за наличия устойчивых внешнеэкономических связей с центром капиталистического мира. Необходимым условием для извлечения империалистической ренты является экономическая зависимость. Ее теоретической основой является различие цен и стоимостей товаров в модели Маркса о превращении стоимости в цену производства. Диспропорция и асимметрия цен в мировой торговле возникает потому, что отрасли с высоким органическим строением капитала продают товар по ценам, превосходящим стоимость, отрасли с низким органическим строением – ниже стоимости.

Экономическая зависимость имеет несколько форм. Страны периферии специализируются на нескольких экспортоориентированных, трудоемких производствах с низкой добавленной стоимостью (добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, обрабатывающие производства низкой степени передела). При этом отрасли с высокой добавленной стоимостью располагаются преимущественно в странах центра. Перераспределение прибавочной стоимости периферии в пользу центра происходит через занижение уровня оплаты труда на периферии, контроль над ценами со стороны стран центра и закрепление за ними наукоемких технологий через систему патентов, а также потери отдельных стран периферии в связи с девальвацией национальных валют, чистым оттоком капитала и уплатой процентов по внешнему долгу.

С. Амин утверждал, что освобождение от экономической зависимости стран, существующих по правилам глобальной капиталистической системы, невозможно. Единственным условием догоняющего развития для них является «отделение» (delinking) от сложившихся отношений международного разделения труда [18, р. 62]. Отделение

не означает автаркию. Основная идея этой теории в том, что экономическая политика периферийных государств должна заключаться в централизованном перераспределении ресурсов и прибавочного продукта с целью удовлетворения потребностей внутреннего развития, а не повышения международной конкурентоспособности (продовольственная безопасность, полная занятость, установление минимального размера оплаты труда и т. п.). Амин признает, что осуществить полное отделение от экономической зависимости невозможно, однако даже частичное продвижение по этому пути можно считать успехом для страны.

«Я использую термин «отделение», предложенный мной около полувека тому назад и, похоже, теперь замененный в современном дискурсе синонимом «деглобализация»», – пишет Амин [19, р. 28]. Страны, прошедшие стремительную индустриализацию во второй половине XX в., смогли укрепить свои позиции в мировой экономике и политике и теперь бросают вызов пяти привилегиям империализма, которые выражаются в контроле над технологиями, доступом к природным ресурсам планеты; глобальной интеграцией монетарной и финансовой систем; системами коммуникации и информации; оружием массового поражения» [19, р. 28]. Кризис мировой экономики обострил экономические и политические противоречия. Противостояние между центром и периферией усилилось и, как считает Амин, будет лишь обостряться. И если «новые растущие страны хотят двигаться вперед, их общества будут вынуждены обратиться к моделям развития с опорой на собственные силы, используя национальные планы и укрепляя взаимное сотрудничество» [19, р. 28]. Таким образом, Амин видел проблему дезинтеграции мирового капитализма как попытку наиболее сильных стран периферии освободиться от экономической зависимости и направить мировую экономику по пути многополярности. А глобализация, которая довела до апогея неолиберальную идеологию, не сможет приспособиться к современным условиям и обречена на провал.

Современные отечественные марксисты А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, развивая подход основоположников и критически переосмысливая методы советского марксизма, акцентировали внимание на противоречиях глобальной капиталистической системы по второй половине XX в. [20]. Согласно их подходу, противоречия монополизированного, но слабо регулируемого капитализма привели к мировым войнам и Великой депрессии. Необходимость выхода из тупика развития в рамках старой модели вкупе с распространением мировой социалистической системы вынудили капитал пойти по дороге социализации, формирования государств всеобщего благосостояния, широкого внедрения достижений научно-технического прогресса

в материальное производство с участием государств. В 1970-е годы значимость прежних факторов развития стала снижаться. Ответом капитала, который пошел ранее на большие для себя уступки, стала безудержная экспансия по всему миру и большее перераспределение доходов в свою пользу. Нужно при этом подчеркнуть, что такой переход стал возможен за счет большого продвижения по пути научно-технического прогресса, осуществленного в послевоенное десятилетие. Общество приблизилось к информационной революции, которая, в свою очередь, обусловила материальные возможности формирования новой модели. Ускоренные темпы финансиализации и мировая экспансия капитала ознаменовали переход к неолиберализму, результатом господства которого стал кризис 2007–2009 гг. Ослабление, а затем и гибель мировой системы социализма вместо возможного противодействия данным процессам только способствовали им, так как, во-первых, для западных корпораций открывались новые рынки, и, во-вторых, давалась идеологическая подпитка сторонникам либерализации экономики, ссылавшимся на нежизнеспособность альтернативных моделей.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов в качестве ключевого содержания глобализации выделяют новую роль устойчиво укрупнявшихся ТНК, преодолевавших всякие национальные границы. Они стали не только центром мировой системы производства, но и источником формирования выгодных для себя моделей образа жизни населения, культурных, образовательных парадигм и т. д. Кризис 2007–2009 гг. пошатнул доверие к глобальной экономической системе, создал новые точки напряженности и обострения конкурентной борьбы, но принципиальным образом ее не изменил.

Интерпретация глобализации как особого феномена, связанного с могуществом и расширением ТНК, внесло существенную новизну в марксистский взгляд при изучении данной проблемы. При этом такой подход не противоречит, а дополняет «традиционную» исследовательскую ориентацию на взаимодействие национальных экономик при рассмотрении проблем мировой торговли. Надо подчеркнуть, что его появление во многом было предопределено общей логикой развития капитализма.

Монополизация ключевых секторов экономики, где требуются большие ресурсы для развития, стремление компаний к расширению рынков являются имманентными чертами капитализма. Формирование нынешних ТНК, таким образом, является закономерным. Глобализация, хотя и приобрела новые формы, не стала противоречить прежней логике капитала, ориентированного на максимальное расширение, в том числе сквозь национальные границы. При этом, несмотря на могущество и географическую экспансию, ТНК не оторваны от своих

национальных корней. Как правило, производство координируется «из дома», наиболее высококвалифицированные кадры, обеспечивающие высокую добавленную стоимость, работают также на «родине». Связь крупнейших компаний со странами своего зарождения сохраняется, как и заинтересованность государств в развитии отечественных корпораций. Таким образом, межстрановые потоки товаров и услуг по-прежнему отражают тактические предпочтения участников внешней торговли и векторы развития глобализации.

Заключение

В оценке и объяснении природы глобализации современный марксизм являет собой интеграцию трех ключевых направлений политико-экономической мысли, основателями которых являются В.И. Ленин, Р. Гильфердинг и Р. Люксембург. Их критическое переосмысление и объединение с теориями зависимого развития выразилось в появлении мир-системного анализа как самостоятельного направления экономической мысли, многие представителей которого тем не менее относили и относят себя к марксизму [21, с. 136].

С позиций современного марксизма ведущие страны определяют характер и направления глобализации, ускорение и торможение которой подвержено цикличности. Эпоха «Великой стагнации», начавшаяся после преодоления острой фазы мирового финансового кризиса 2007–2009 гг., сигнализирует о достижении американским СЦНК точки бифуркации. Развитие терминального кризиса системы сопровождается обострением экономической и политической борьбы между крупнейшими акторами мировой экономики, где на защиту интересов национального капитала встают государства. Деглобализация мировой экономики в настоящее время проявляется в следующем: 1) в снижении интенсивности международных экономических связей (с 2008 по 2018 гг. доля международной торговли и инвестиций в мировом ВВП сократилась с 36,2 до 33,3%¹, а чистых ПИИ – с 5,1 до 1,8%²); 2) в росте протекционистских тенденций (в период с 2009 по 2020 гг. государствами было принято более 11,5 тыс. мер, направленных на регулирование внешней торговли, трансграничных потоков капитала и миграции, $\frac{3}{4}$ из них носили протекционистский харак-

¹ Trade and tariff data. WTO. www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm (дата обращения: 10.09.2020).

² FDI (% of GDP). World Bank. data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS (дата обращения: 10.12.2020).

тер³); 3) в кризисе региональной экономической интеграции (на пост-советском и европейском пространстве).

Главной силой, бросающей вызов гегемону нынешнего СЦНК в лице США, является Китай. Он проводит активную политику, направленную на освоение новых рынков сбыта и мест приложения капитала по всей планете. Для этого он пытается сформировать собственную «пространственно-временную фиксацию», в т. ч. через реализацию таких проектов, как «Один пояс – Один путь» и политики «помощь в обмен на ресурсы» в Африке и Латинской Америке. Как следствие, Китай является главным объектом санкционного давления в мире⁴, в первую очередь со стороны США, капитал которой не заинтересован в глобальном расширении его влияния. В результате такой борьбы Китай может добиться «отделения» от отношений экономической зависимости со странами центра и построить мир-экономику с собственной доминантной ролью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическое положение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 6.
3. Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1959. Т. 1.
4. Маркс К. Речь д-ра Маркса о протекционизме, свободе торговли и рабочем классе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 4.
5. Komolov O.O. Deglobalization and the "Great Stagnation" // International Critical Thought. 2020. V.10. № 3. Рр. 424–439.
6. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд. политической литературы, 1969. Т. 27.
7. Афанасьев В.С., Абдулов Р.Э., Медведева Ю.М. Труд... как единственный фактор производства // Вопросы политической экономии. 2019. № 4 (19). С. 64–75.
8. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: ГИЗ, 1922.
9. Malthus T. Principles of Political Economy: Considered with a View to Their Practical Applications – Augustus M.: Kelley, 1964.
10. Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1. 5-е изд. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

³ Total number of implemented interventions. Global trade alert. www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 11.12.2020).

⁴ Country exposure to interventions, Global trade alert. www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

11. Ленин В.И. Развитие капитализма в России// В.И. Ленин. ПСС. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы. 1969. Т. 3.
12. Harvey D. Globalization in question // Rethinking Marxism. 1995. V. 8. №. 4. P. 1–17.
13. Harvey D. The New Imperialism // Oxford university press, 2003.
14. Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world-system // International Sociology. 2000. V. 15(2). P. 251–267.
15. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
16. Amin S. The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent // Monthly Review. 2012. Vol. 64. Iss. 03. monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-and-the-imperialist-rent.
17. Amin S. Unequal Development. An Essay on Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: Monthly Review Press, 1976.
18. Amin S. Delinking: towards a polycentric world/ translated by Michael Wolfers. Zed Books Ltd, London and New Jersey, 1985.
19. Amin S. The implosion of global capitalism the challenge for the radical left // Andreasbieler.net. [www.andreasbieler.net/wp-content/workshop/Amin%20-%20implosion%20and%20audacity%20E%20rev%20final%20\(2\).pdf](http://www.andreasbieler.net/wp-content/workshop/Amin%20-%20implosion%20and%20audacity%20E%20rev%20final%20(2).pdf).
20. Бугзалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» reloaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: Ленанд, 2018.
21. Джаббаров Д.Б., Маслов Г.А. Современный зарубежный марксизм: социальное развитие, человек, государство // Вопросы политической экономии. 2018. № 3. С. 124–138.

REFERENCES

1. Marx K. Capital. Critique of Political Economy. Vol. I. // K. Marx, F. Engels. Works. State Publishing House of Political Literature. M., 1960. V. 23. (In Russ.).
2. Marx K., Engels F. Economic Situation // K. Marx, F. Engels. Works, State Publishing House of Political Literature, M., 1960. V. 6. (In Russ.).
3. Mendelssohn L.A. Theory and history of economic crises and cycles, V.1. Publishing house of Socio-economic literature M., 1959. (In Russ.).
4. Marx K. Speech by Dr. Marx on protectionism, freedom of trade and the working class. // K. Marx, F. Engels, Works, State Publishing House of Political Literature. M., 1960. V. 4. (In Russ.).
5. Komolov O.O. Deglobalization and the “Great Stagnation” // International Critical Thought. 2020. V.10. № 3. P. 424-439.
6. Lenin V.I. Imperialism as the Highest Stage of Capitalism // V. I. Lenin, Complete Works, fifth edition, Publishing House of Political Literature M., 1969. V. 27. (In Russ.).
7. Afanasyev V.S., Abdulov R.E., Medvedeva Yu.M. Labor as the only factor of production // Political Economy Issues. 2019. No. 4 (19). Pp. 64–75. (In Russ.).
8. Hilferding R. Financial capital. The newest phase in the development of capitalism. M., GIZ, 1922. (In Russ.).
9. Malthus T. Principles of Political Economy: Considered with a View to Their Practical Applications. Augustus M., Kelley, 1964.
10. Luxemburg R. Capital accumulation vol. 1 fifth edition – State socio-economic publishing house. M., 1934.

11. *Lenin V.I.* The development of capitalism in Russia // V. I. Lenin, Complete works, fifth edition. Publishing house of political literature. M., 1969. V. 3. (In Russ.).
12. *Harvey D.* Globalization in question // Rethinking Marxism. 1995. V. 8. №. 4. P. 1–17.
13. *Harvey D.* The New Imperialism – Oxford university press, 2003.
14. *Wallerstein I.* Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world-system // International Sociology. 2000. V. 15 (2). Pp. 251–267.
15. *Arrigi J.* The Long Twentieth Century. Money, power and the origins of our time. M.: Publishing House “Territory of the Future”, 2006.
16. *Amin S.* The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent // Monthly Review. 2012. Vol. 64. Issue 03. monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-and-the-imperialist-rent.
17. *Amin S.* Unequal Development. An Essay on Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: Monthly Review Press, 1976.
18. *Amin S.* Delinking: towards a polycentric world / translated by Michael Wolfers – Zed Books Ltd. London and New Jersey, 1985.
19. *Amin S.* The implosion of global capitalism the challenge for the radical left // Andreasbieler.net. [www.andreasbieler.net/wp-content/workshop/Amin%20-%20implosion%20and%20audacity%20E%20rev%20final%20\(2\).pdf](http://www.andreasbieler.net/wp-content/workshop/Amin%20-%20implosion%20and%20audacity%20E%20rev%20final%20(2).pdf).
20. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global capital. V. 2. Theory: Global hegemony of capital and its limits (“Capital” re-loaded). Ed. 3rd, rev. and n. add. M.: Lenand, 2018. (In Russ.).
21. *Dzhabborov D.B., Maslov G.A.* Contemporary foreign Marxism: social development, man, state // Questions of political economy. 2018.No. 3. P. 124–138. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Komolov Oleg Olegovich – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate at the Center for Research in International Macroeconomics and Foreign Economic Relations of the Federal State Budgetary Institution of Science (the RAS) – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
oleg_komolov@mail.ru

THE MARXIST THEORY OF GLOBALIZATION AND NEW TRENDS IN THE WORLD ECONOMY

The author of the article describes the evolution of the Marxist theory of globalization of capitalism, highlighting several stages in it, systematizing and comparing the approaches of various representatives of domestic and foreign Marxism from different eras. He begins his research with the works of the founders of the direction (K. Marx, F. Engels), then examines the works of the Marxists of the era of the birth of imperialism (V.I. Lenin, R. Luxemburg, R. Hilferding) and ends with the works of neo-Marxists of the late XX-early XXI centuries. (I. Wallerstein, D. Harvey, S. Amin, J. Arrigi, A. V. Buzgalin). The application of the modern Marxist theory of globalization makes it possible to deepen the understanding of integration and disintegration processes, as well as to explain the reasons for the aggravation of the economic and political confrontation between the actors of the world economy in the conditions of the “Great Stagnation”.

Keywords: *globalization, de-globalization, K. Marx, V.I. Lenin, J. Arrighi, S. Amin, world-systems analysis.*

JEL: B14, B24, B51, F62.

А.В. ВЕРНИКОВ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ДИАГНОСТИКА ПАТОЛОГИИ ИНСТИТУТА (на примере гарантирования банковских вкладов)

При диагностике проблем, возникающих в работе нового, сконструированного института, вместо априорной постановки диагноза и «подгонки» под него эмпирического материала автор предлагает проанализировать теоретические конструкты и выбрать тот из них, который наилучшим образом способен объяснить тот или иной конкретный феномен. Диагноз, в свою очередь, предлагается отделить от причин и факторов, приведших к возникновению патологии. Конкретным примером (кейсом), выбранным автором для данного исследования, послужил институт государственного гарантирования частных банковских вкладов в России. Введение этого института породило стереотипы финансового поведения как вкладчиков, так и банков, которые автор склонен квалифицировать как общественно вредные. Общество понесло существенные материальные издержки, которые к тому же были несправедливо распределены. Авторский диагноз возникшей патологии сводится к избыточности нового института в современных российских условиях; диагноз же некорректной работы («дисфункции») института автор отвергает. Среди возможных причин патологии – нецелевое применение института, ошибки при его внедрении и захват института группами заинтересованных лиц.

Ключевые слова: прикладной институциональный анализ, исследование сочетанием методов, конструирование институтов, патология института, нецелевое использование института.

JEL: E65, G21, G28, P34.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_27_47.

Введение¹

Конструирование экономических институтов часто предполагает их заимствование из какой-либо иной институциональной среды [44]. Формально введенный таким образом институт может не прижиться, быть заблокированным или отторгнутым. В его работе может возникнуть сбой; сам он способен переродиться или мутировать. Симптомы

¹ Статья развивает основные идеи научного доклада (препринта) автора [5]. Автор благодарит А.И. Вольнского, В.В. Вольчика, М.С. Круглову, А.А. Курышеву, А.Я. Рубинштейна, А.Ю. Стрижак, участников семинаров и конференций в Институте экономики РАН, НИУ ВШЭ, Южном федеральном университете и Университете Лунда (WINIR 2019), а также анонимного рецензента.

в виде аномально высоких общественных издержек и недовольства критической массы экономических агентов легко наблюдаемы, тогда как установить истинные причины гораздо сложнее.

В российской литературе по институциональной теории диагноз проблемы обычно постулируется сразу и выносится в заголовок, а эмпирический материал служит лишь иллюстрацией, более или менее удачной. Каков этот диагноз – во многом зависит от научных интересов авторов или от интеллектуальной моды. Так, после выхода популярной книги давно известные нам институты могут вдруг оказаться «инклюзивными» либо «экстрактивными». Подобным образом практически любое общественное явление, не нравящееся пишущему статью автору, имеет высокие шансы быть объявленным «институциональной ловушкой», невзирая на свою совсем не институциональную природу.

В данном исследовании автор на примере конкретного института, а именно гарантирования частных банковских вкладов, используя индуктивный метод вместо дедуктивного, предлагает сравнить способность разных институциональных теоретических конструктов объяснить то или иное эмпирическое явление².

Институциональная теория уже давно оперирует метафорами, позаимствованными из других областей знания, обычно из физики и биологии [22]. В порядке эксперимента в этой статье для описания институциональной динамики в экономике введено несколько терминов из области медицины – патология [21], симптом, анамнез (сведения о развитии болезни), диагноз, генез (происхождение), терапия.

Логика изложения такова. Сначала приведены признаки патологии института, затем варианты диагноза (ненужность или неэффективность самого института, переход его в некорректный режим работы). Поскольку патология может иметь различный генез, то рассматривается несколько гипотез, почерпнутых в работах по институциональной динамике и теории общественного выбора (атрофия института, рассогласованность, неудачная реализация общественного выбора, нецелевое использование или захват группами интересов) [12; 16; 14]. Не нашедшая подтверждения гипотеза отбрасывается.

2. Краткий анамнез

Различные системы защиты частных банковских вкладов весьма распространены в современном мире, прежде всего в Европе [32]. Теоретическое объяснение их необходимости строится на том, что

² Исследование с помощью сочетания методов (mixed methods research) получило признание как исследовательский подход, если судить по числу цитирований статьи об этом [37] в системе Google Академия (16 952 на 28.12.2020).

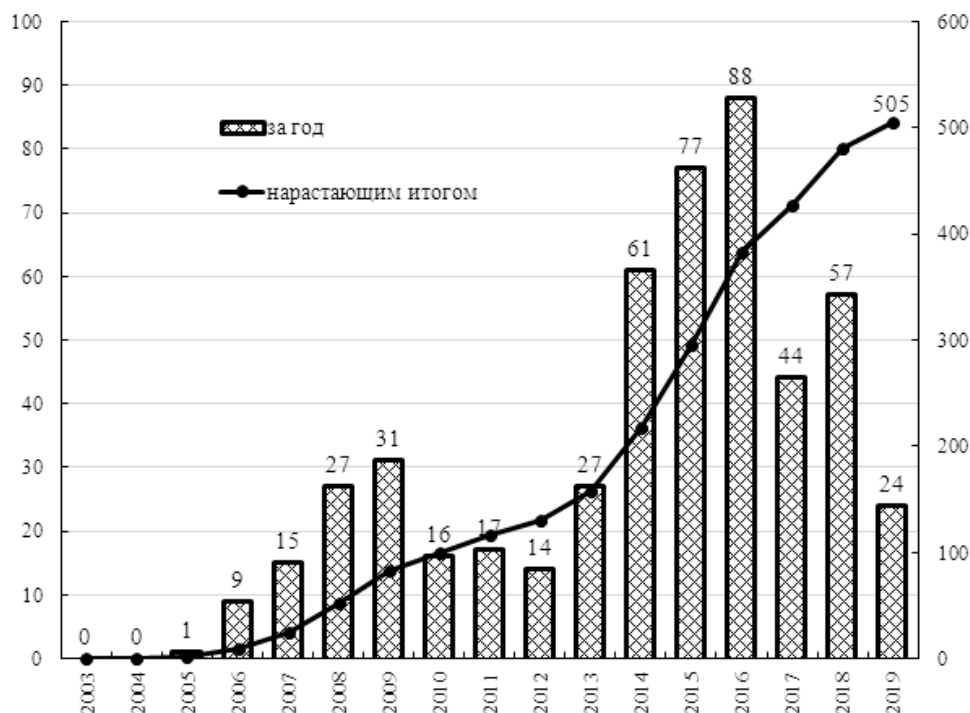
сам банк не в силах преодолеть кризис ликвидности, спровоцированный «набегом вкладчиков». Но при этом издержки общества от банкротства банка столь велики, что государству выгоднее построить свой подстраховочный механизм – safety net [27; 33; 28]. Расчёт на то, что гарантии возврата вклада снижают склонность его владельца паниковать из-за негативной информации о банке, повышает стабильность депозитной базы. На первый взгляд, это сугубо частная проблема самого банка. Однако в реальности лидерам банковского сектора, в союзе со средним классом, удастся убедить общество в общественной значимости этой проблемы и даже принудить его взять на себя финансовую ответственность. Концепция мериторных благ [42], определенный уровень потребления которых государство поддерживает своими ресурсами, была разработана совсем не для банковских вкладов. Тем не менее сберегательное дело фактически приобрело аналогичный статус и поглощает сопоставимые объёмы общественных ресурсов [3].

Явная (explicit) защита частных банковских вкладов – это новый институт³, возникший и развившийся в иной среде и трансплантированный в Россию в 2003 г. Гарантирование вкладов открыло доступ к сбережениям населения почти тысяче банков, в том числе мелких и региональных, большинство из которых прежде не развивали эту линию бизнеса [30]. Обострилась ценовая конкуренция между банками, запустился механизм отрицательного отбора. За период 2003–2019 гг. произошло 508 страховых случаев, т. е. обанкротились или лишились лицензий свыше половины от общего числа банков, участвующих в системе страхования вкладов (см. рис. 1).

Совокупный объём выплаченных вкладчикам компенсаций достиг 2 трлн руб. (см. рис. 2), или 36,3 млрд долл. в пересчете по среднему курсу за соответствующий год. При этом, по данным Агентства по страхованию вкладов (АСВ), за 2004–2019 гг. в Фонд обязательного страхования вкладов (ФОСВ) от банков в виде страховых взносов поступило лишь 1 трлн руб. (здесь и далее [5]). Первое время на выплаты вкладчикам шли средства, собранные с банков в качестве страховых взносов (см. рис. 3). Однако уже в 2015 г. львиная доля накопленных ресурсов ФОСВ была израсходована. Если называть вещи своими именами, то система оказалась финансово несостоятельной, и выплаты страхового возмещения вкладчикам рухнувших банков продолжились благодаря тому, что в 2015–2017 гг. АСВ получило на эти цели в долг от Банка России 842 млрд руб.⁴ Таким образом, накопившийся за годы действия

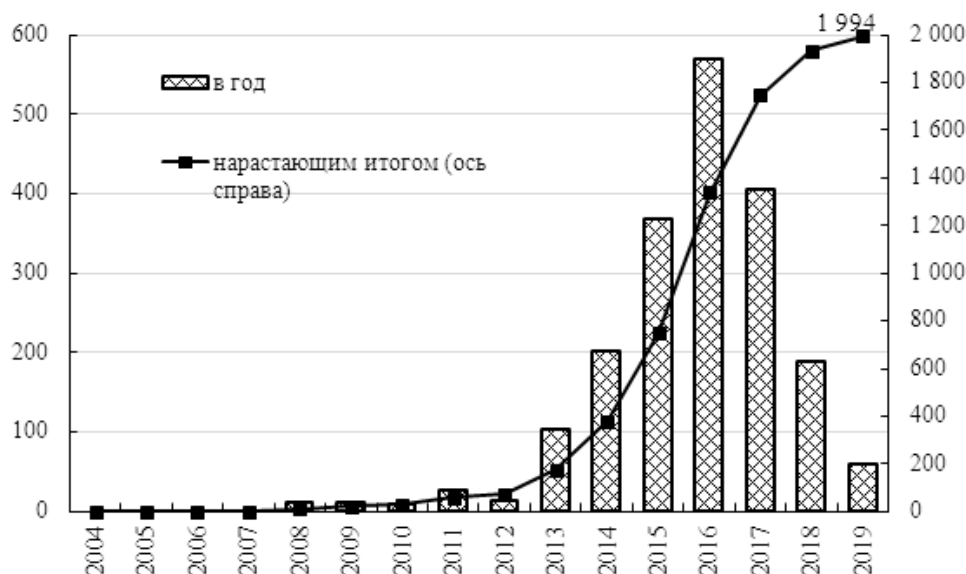
³ Институтом в статье считается гарантирование банковских вкладов, включая законы об этом учреждении и обеспечивающие их выполнение организации.

⁴ www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/613325.

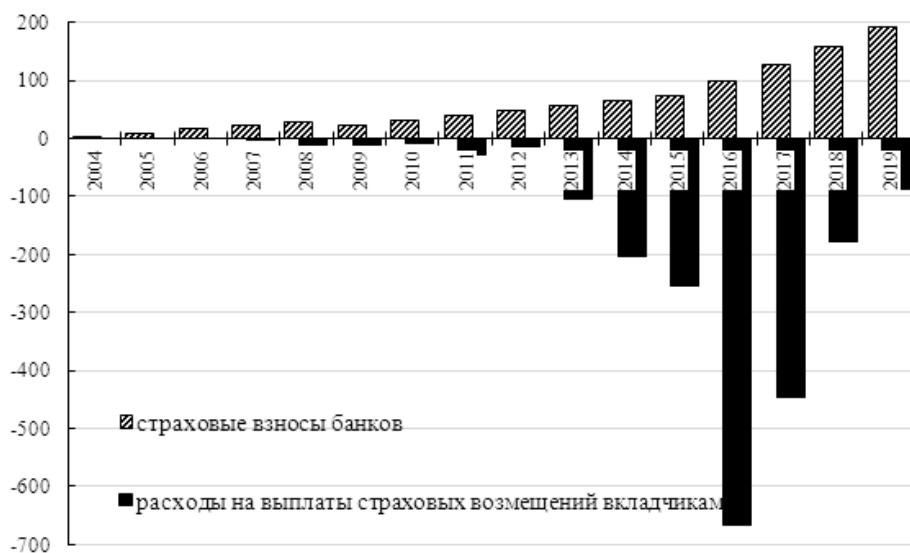
Источник: составлено автором по: АСВ (годовые отчеты).

Рис. 1. Число страховых случаев в системе страхования вкладов (данные на конец 2019 г.)

Источник: составлено автором по: АСВ (годовые отчеты).

Рис. 2. Объем выплаченных вкладчикам компенсаций (млрд руб.)

Источник: составлено автором по: АСВ (годовые отчеты о движении денежных средств Фонда обязательного страхования вкладов).

Рис. 3. Поступления и платежи Фонда обязательного страхования вкладов (млрд руб.)

системы дефицит ее ресурсов, составивший 1 трлн руб. (кумулятивные взносы банков в ФОСВ минус выплаты вкладчикам), был покрыт в основном из внешнего источника.

К публикуемым АСВ данным необходимо прибавить расходы на санацию нескольких крупных банков, которые не попали в статистику страховых случаев по линии АСВ⁵, а именно: Банка Москвы, банков «Траст» и «Открытие», Промсвязьбанка, а также некоторых других. В каждом случае государству пришлось вливать сотни миллиардов рублей для покрытия дефицита и, в том числе, обязательств перед вкладчиками. Следовательно, общая сумма прямых общественных издержек может быть вдвое выше, чем показано на рис. 2.

Значительная часть поступивших вкладов населения направляется инсайдерами таких банков (его владельцами и высшими менеджерами) на покрытие убытков банка либо выводится из банка и расхищается. Об этом можно судить по числу судебных исков и объему требований со стороны АСВ на заемщиков и аффилированных лиц банков, чьим вкладчикам АСВ выплатило возмещение, а также по величине отрицательного капитала этих банков. Претензионная и судебная работа, в том числе за рубежом, позволяет вернуть в конкурсную массу лишь малую долю выведенных средств [3].

⁵ Банк России учредил Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС) для самостоятельного проведения санации крупных банков.

В момент пика (2016 г.) выплаты вкладчикам только по линии АСВ достигли 0,7% годового ВВП страны (рассчитано автором по данным АСВ [3, с. 52]). Полученные от Банка России для этих выплат ресурсы являются возвратными и постепенно погашаются из текущих доходов АСВ. Однако они были предоставлены на льготных, нерыночных условиях, по низкой ставке и на длительный срок. Поскольку ресурсы Банка России в конечном итоге принадлежат всему обществу, то разница между номинальной величиной предоставленного АСВ кредита и его чистой приведенной стоимостью составляет основу тех прямых материальных потерь, которые понесло общество ради поддержания на плаву системы страхования вкладов. В финансировании этой системы косвенно участвуют все граждане, включая и тех, у кого вообще нет сбережений и даже банковского счета. Гарантирование вкладов, таким образом, перераспределяет материальные блага – от вкладчиков и стейкхолдеров надежных банков к вкладчикам и стейкхолдерам ненадежных, от консерваторов к оппортунистам, от общества и государства к частному сектору.

Хотя годы пиковых выплат вкладчикам, вероятно, уже позади, однако остались неясные издержки гарантирования вкладов, прежде всего в виде «moral hazard» (недобросовестного поведения), которые сложно квантифицировать [36]. Гарантирование вкладов в сочетании с санацией проблемных банков за счет средств государства и общества породило массовый оппортунизм вкладчиков. Эмпирические исследования показывают, что вкладчики перестали интересоваться финансовым состоянием банка, которому они доверяют свои сбережения [30], особенно в пределах застрахованной суммы. Этот «обезболивающий» или «отупляющий» («numbing») эффект сохранился даже во время кризиса [38].

3. Возможный диагноз

3.1. Гипотеза 1: Избыточный (ненужный) институт

Одна из типовых ошибок при конструировании институтов путем заимствования из-за рубежа – это выбор неподходящего или вообще ненужного института. Страны обычно внедряют у себя гарантирование вкладов под сильным политическим давлением изнутри или извне [29]. Выбора у них часто нет: так, все члены Европейского союза обязаны иметь хотя бы одну общенациональную систему защиты вкладов с участием государства и минимальной величиной покрытия, эквивалентной 100 тыс. евро, хотя эта величина для некоторых стран неадекватно высока.

В России до 2003 г. существовала имплицитная (неявная) гарантия возвратности вкладов в крупнейшем государственном сберегательном учреждении, и этот неформальный институт нормально работал. Основные участники экономических отношений (ведущие банки, дер-

жавшие основной объем депозитов, и их вкладчики) предъявляли слабый спрос на формализацию государственных гарантий по вкладам [2]⁶. Явное (explicit) гарантирование вкладов было введено хотя и без прямого давления извне, однако под существенным влиянием зарубежного опыта, прежде всего США [8, с. 66, 214]. Согласно теории коллективных действий [12], группа заинтересованных лиц навязала свою волю обществу и «продавила» принятие нужного закона. «Силы противодействия» новому институту [9] в данном случае состояли лишь из небольшого числа чиновников, а также стейкхолдеров «олигархических» банков, не желавших вносить страховые взносы в новую систему и раскрывать дополнительную информацию.

Хотя внедрение данного института не было обусловлено объективными обстоятельствами, однако в обществе отчетливо ощущался запрос на заботу со стороны государства ввиду нестабильности и разгула мошенничества в финансовой сфере и понесенных населением потерь [5]. Как в 1990-е годы, так и по сей день, в массовом сознании живет надежда на государственную опеку, помощь и покровительство, а также стремление переложить ответственность за свои решения на чужие плечи [11, с. 167]. В этой связи сложно квалифицировать данный институт как абсолютно ненужный для общества.

Другое дело, что в зрелой рыночной экономике (например, на родине гарантирования вкладов – в США) вклады находятся в частных банках, а государство создает с помощью своих гарантий дополнительный контур безопасности и этим частично компенсирует рыночную нестабильность. Аналогичную роль гарантирование вкладов могло бы играть и в России, но при условии, что сберегательное дело стало бы преимущественно частным. Предложения раздробить и/или приватизировать Сбербанк действительно были, но не прошли. По обязательствам своих банков государство уже и так несет субсидиарную ответственность, а гарантии по линии АСВ, по сути, эту ответственность дублируют. Таким образом, на мой взгляд, гипотеза относительно избыточности (излишности) данного института для экономики России подтверждается.

3.2. Гипотеза 2: Неэффективный институт

Получившее в научной литературе широкое распространение словосочетание «неэффективный институт» [15, с. 11] требует в каждом случае обоснований и технических пояснений, поскольку дело часто не в самом институте или в его конструкции, а в конфликте с другими институтами или в ошибках при внедрении. На неэффектив-

⁶ Выгоды и издержки различных групп стейкхолдеров были подробно рассмотрены автором ранее [2].

ную работу института могут указывать высокие *издержки*. Вопреки предположению классической модели Даймонда-Дибвига [33], даже идеально работающая схема гарантирования вкладов не является бесплатным удовольствием, а всегда генерирует издержки. К явным и поддающимся счету издержкам можно отнести расходы на поддержание работы самой системы гарантирования, а также разницу между произведенными страховыми выплатами и теми суммами, которые удалось получить от реализации активов рухнувших банков, за вычетом затрат на взыскание [35]. Неявные издержки возникают из-за выполнения государством роли кредитора последней инстанции и искажения ценообразования на банковские продукты и услуги. Эти эффекты обычно не учитывают, что занижает общую величину издержек и представляет государственные системы гарантирования в более выгодном свете [36]. Общественные издержки гарантирования вкладов в России оказались высокими, о чём уже было сказано выше.

Среди всех видов эффективности, по которым можно оценить институт, самый первый – это целевая эффективность или результативность [20], т. е. анализ выполнения изначально возлагавшихся на институт функций. Апологеты гарантирования вкладов приписывают положительную динамику депозитов населения появлению этого института – это преувеличение и логическая ошибка *«Post hoc, ergo propter hoc»*, хотя «после этого» не значит «по причине этого». На сберегательную активность населения в начале первого десятилетия повлияло в первую очередь восстановление экономики после кризиса, реальный рост личных доходов и стабилизация курса рубля. В контексте привлечения вкладов именно в частные банки и изменения структуры отрасли цель была в основном достигнута, хотя и ненадолго: доля частных банков на рынке депозитов населения увеличилась с 20% в 2002 г., когда гарантий еще не было, до 35% в 2007 г. После очередного кризиса она опять стала сокращаться, и в итоге банки с государственным участием контролируют сейчас $\frac{3}{4}$ рынка депозитов (расчет по данным Банка России [5, с. 20]), т. е. даже чуть больше, чем было перед запуском системы гарантирования. Усилия и жертвы оказались напрасными. Сокращение же числа банковских крахов в последнее время является заслугой не гарантирования вкладов, а основного финансового регулятора (Банка России).

Даже при отсутствии явной системы гарантирования вкладов, государству все равно пришлось бы тратить свои средства на выплату компенсаций при появлении массы пострадавших вкладчиков; такие прецеденты были в 1990-е годы. Однако масштаб проблемы изначально был бы кратно меньшим при отсутствии гарантий по вкладам. Частным банкам (к Банку Москвы это не относится) просто не удалось бы собрать у населения подобные суммы, а неустойчивым и тер-

пящим бедствие банкам тем более. В этом смысле система страхования вкладов и ее головная организация – АСВ, выплачивая компенсацию пострадавшим вкладчикам, ликвидируют последствия самого же страхования, действуя при этом весьма четко, профессионально и по-бюрократически эффективно.

«Неэффективный» институт, обладающий также устойчивостью/равновесностью (а какой институт ею не обладает?), российские авторы после 1999 г. склонны называть «институциональной ловушкой». Общий смысл этого явления был давно известен из литературы, правда, под другими названиями – «path dependence», «lock-in effect» [43], хребодный эффект [10] и т. д. Первоначально выдвинутый важный квалифицирующий признак, что «ловушка» возникает в результате неудачных институциональных реформ [15], вскоре «потерялся», так как мешал авторам объявлять «ловушкой» практически любое из наблюдаемых ими экономических явлений, процессов и учреждений [4]. Кто-то считает «институциональную ловушку» частным случаем дисфункции института [19], кто-то, наоборот, причиной [17].

Гарантирование банковских вкладов несет признаки общественной неэффективности и одновременно устойчивости, что проявляется в высоких общественных издержках (см. п. 2), в возникновении и закреплении институций, вредных для общества в целом, т. е. укоренившихся привычек и правил социальных взаимодействий, стереотипов поведения. Одна из таких институций – это перекалывание ответственности за свои финансовые решения на государство, по сути, инфантилизм⁷, что проявляется через распространившееся безразличие к качеству своего банка и нежелание тратить усилия на поиск информации о нем. Другой обычай – это целенаправленный поиск вкладчиком максимальной процентной ставки по вкладам, невзирая на надежность банка. Появились «серийные вкладчики», раз за разом открывающие депозиты в банках, находящихся в предбанкротном состоянии, ради максимизации процентного дохода, что приобрело характер аддикции.

Гарантирование вкладов стало самоподдерживающимся институтом, который эволюционирует в сторону повышения ответственности государства и защищенности клиентов банков. Максимальный размер страхового возмещения повышался уже 4 раза (нынешнее значе-

⁷ Международная классификация болезней МКБ-10 причисляет психический инфантилизм к специфическим расстройствам личности. Среди его проявлений – неспособность к принятию самостоятельных решений, эгоцентризм и пренебрежение коллективными интересами. На мой взгляд, это адекватно описывает суть поведения некоторых акторов в связи с гарантированием вкладов.

ние 1,4 млн руб., а для граждан в «сложных жизненных ситуациях» – 10 млн руб.), и это наверняка не конец. Есть инициатива распространить гарантии АСВ на выплаты возмещений по всем видам страхования. Зато сложно привести пример решения или законодательной инициативы по повышению ответственности вкладчика за свой выбор. Здесь наблюдается движение по неоптимальной траектории, скорректировать которую с течением времени все сложнее.

3.3. Гипотеза 3: Некорректная работа института

Я не вижу оснований считать, что гарантирование вкладов функционирует в России некорректно⁸ или производит какие-то особые эффекты, не известные науке. Поощрять недобросовестное поведение, оппортунизм, инфантилизм и иждивенчество, провоцировать банки на слишком рискованные вложения, способствовать приватизации их прибылей и социализации убытков, создавать условия для хищения средств вкладчиков – это, судя по мировому опыту, признаки вполне штатного функционирования данного института, каждый из которых подтвержден эмпирическими исследованиями.

Среди специалистов существует консенсус по поводу того, что гарантирование вкладов государством подрывает рыночную дисциплину и распространяет «moral hazard» [45; 25; 24; 29], т. е. поощряет недобросовестное и безответственное поведение граждан и финансовых учреждений. Частные вкладчики, чьи вклады гарантированы или застрахованы, перестают интересоваться финансовым состоянием и деятельностью своих банков и не готовы «наказывать» банки оттоком своих вкладов [40] – они склонны к иждивенчеству. На российских данных тоже проводились эмпирические исследования, которые лишь подтвердили общую закономерность [13; 40; 38]. Явление «moral hazard» носит настолько глобальный характер, что во Всемирном банке разработали для сравнения национальных систем гарантирования «moral hazard index» (индекс поощрения вкладчиков к недобросовестному поведению) [31]. Позже на смену ему пришел показатель с более политкорректным названием – «индекс защищенности» (safety net index, SNI) – композит, рассчитываемый методом главных компонент через оценку каждого параметра отдельно, с учетом того, какой вариант предоставляет вкладчикам большую защищенность [32].

В таком случае отсутствуют основания утверждать, что именно в России «что-то пошло не так». Аномальным, по мировым меркам, был, пожалуй, масштаб тех проблем и потерь общественных средств,

⁸ Английское слово malfunctioning [41, p. 672], т. е. сбой, нарушение или расстройство функции, некорректная работа общественного института, часто «переводят» модным иностранным словом «дисфункция» [16; 20].

которые породило здесь гарантирование вкладов. Далеко не в каждой стране банкротится половина входящих в систему банков (свыше 500), а счет расхищенным банками средствам вкладчиков идет на десятки миллиардов долларов.

4. Возможные причины

4.1. Гипотеза 1: Атрофия института

Распространенная «болезнь» переносимых из другой среды институтов – это их атрофия [16, с. 29], под которой понимается их невосприимчивость. Однако институт гарантирования вкладов весьма восприимчив. Он активно применялся уже с третьего полного года своего действия (см. рис.1). Всего за годы действия системы имело место 523 страховых случая, а общее число вкладчиков, обратившихся за получением страхового возмещения, превысило 4,2 млн человек.

4.2. Гипотеза 2: Рассогласование институтов

В 1990-е годы вопрос о совместимости американских институтов, которые пытались имитировать, с российской культурной традицией на государственном уровне не поднимался, а зря: «трансплантированные институты часто «не приживаются» или «болеют»» [16, с. 24, 25]. Многие институциональные инновации вступали в конфликт с местными учреждениями и отторгались. Однако гарантирование банковских вкладов является исключением: его патерналистская направленность оказалась весьма созвучна базовым институциям российского общества, среди которых перераспределение благ [1; 7] и перекладывание рисков с индивида на государство и общество. Государственный патернализм плавно перетек из старой формы (имплицитные гарантии сохранности вклада в государственном банке) в новую (официальная система страхования вклада в частном банке). Институт отлично интегрировался в систему, был положительно воспринят и получил широкую социальную базу.

Определенный институциональный конфликт можно усмотреть между гарантированием вкладов и институциями прорыночной направленности (дисциплина и личная финансовая ответственность), которым не удалось стать доминирующими в банковской сфере [3].

4.3. Гипотеза 3: Неудачная реализация общественного выбора

Сбой в работе института англо-саксонского происхождения экономисты определенного направления склонны списывать на ошибки властей принимающей страны («не так внедряли») либо на неготовность местной среды («страна не та, народ не тот»). Впрочем, есть при-

знаки того, что гарантирование вкладов в России действительно внедрялось не тогда и не так.

Алгоритм вызывал с самого начала большие вопросы и сомнения, и это частично объясняет, почему прохождение законопроекта продлилось почти 10 лет – с 1993 г. по 2003 г. [8]. Лишь благодаря счастливому (для страны, но не для инициаторов законопроекта) стечению обстоятельств гарантирование вкладов не возникло еще в 1993 г.; тогда последствия были бы еще серьезнее. Но даже и в 2003 г. и сам банковский сектор, и банковский надзор и регулирование еще не достигли достаточной степени зрелости. В стране действовало 1 277 финансовых учреждений, считавшихся банками, часто безосновательно. Отсутствовали важные правовые институты – например, закон о несостоятельности кредитных организаций и их ликвидации. Власти пошли по форсированному, революционному пути вместо эволюционного, когда естественный отбор оставил бы в частном банковском секторе немногих, заслуживающих доверия участников. По замыслу сторонников гарантирования вкладов, его введение и жесткий отбор банков в новую систему должны были идти параллельно укреплению банковского надзора [8, с. 283]. Это стало серьезной ошибкой. Наведение порядка в банковском секторе должно было *предшествовать* введению гарантий по вкладам. К концу 2020 г. банков осталось лишь 371, из которых 338 имеют право привлекать вклады населения. Эти цифры дают представление о том, сколько слабых и недобросовестных участников было в начале периода. Если бы гарантии вводились сейчас, общественные последствия были бы другими. Эту ошибку можно отнести к «провалам» государства (state failure).

Другой ошибкой, на мой взгляд, стало вовлечение в систему гарантирования вкладов Сбербанк России, которое не предполагалось вплоть до последнего этапа прохождения законопроекта. Вклады в Сбербанке и так уже были и остаются под защитой государства, независимо от того, является ли главным акционером Сбербанк Банк России или федеральное правительство.

4.4. Гипотеза 4: Нецелевое использование института

Под нецелевым использованием института [14]⁹ я понимаю его применение для решения любых других задач, помимо той, которая изначально ставилась перед ним создателями и законодателем. Это близко по смыслу к понятию эксаптации, т. е. использованию существующего института в новой роли, которая не была для него предус-

⁹ «Институты могут быть использованы нецелевым образом, когда мотивы и характер обращения к ним имеют мало общего с предполагаемым назначением и смыслом данных институтов» [14, с. 28].

мотрена, причем это увязывает институциональные изменения с эволюционной парадигмой [6 с. 64]. Нецелевое использование может расцениваться и как признак перерождения института [16, с. 29–30], мутации.

В США и Западной Европе гарантирование вкладов изначально было призвано подстраховывать здоровые в целом банки от кризиса ликвидности. В России же разработчики законопроекта намеревались использовать его для достижения нештатных целей, для которых существуют другие институты и способы. Имеется в виду обеспечение ресурсами недавно возникших частных банков, не пользовавшихся доверием вкладчиков, и подрыв монопольного положения Сбербанка на рынке частных вкладов [2]. Как вскоре выяснилось, недоверие вкладчиков к большинству частных банков было вполне обоснованным, а гарантирование вкладов, по сути, вмешалось в конкурентные отношения на стороне одной из групп их участников. Был еще один оригинальный замысел – использовать страхование вкладов как инструмент для «расчистки» банковского сектора [8, с. 282–283, 308]. Однако это удалось, в лучшем случае, частично, так как при приеме банков в систему страхования были допущены многочисленные компромиссы. Изначальная конструкция гарантирования вкладов позволяет ему подстраховывать качественную часть банковского сектора. Однако при низком качестве большинства участников гарантирование вкладов, наоборот, создает питательную среду для их роста и размножения. Таким образом, нецелевое использование имело место.

4.5. Гипотеза 5: Захват института и подмена цели его введения

Воздействие на формальный институт через контроль над правительственным учреждением или регулирующим органом [39; 23; 8; 26] позволяет влиятельной группе интересов подменить исходную цель, и тогда работающий в штатном режиме и согласно своей конструкции институт начинает служить другой цели. Допустим, новый институт вводится в русло проведения патерналистской политики (например, защита уязвимых слоев населения от чрезмерных финансовых потерь), однако фактически обслуживает интересы лишь части граждан, причем далеко не самых нуждающихся в защите и опеке.

О том, кто именно захватил институт, можно косвенно судить по тому, кто стал бенефициаром (благополучателем) его действия. В случае гарантирования вкладов – это обеспеченные слои городского среднего класса и стейкхолдеры частных коммерческих банков. Лимит возмещения (1,4 млн руб.) в семь раз превышает среднюю величину сберегательного вклада, которая, по данным «РИА Рейтинг», в конце

2019 г. составила 200 тыс. руб., а без учета Москвы – лишь 142 тыс. руб. (медианная величина вклада еще меньше)¹⁰. Средний размер фактически выплаченного страхового возмещения вырос с 66 тыс. руб. в 2005 г. до 634 тыс. руб. и 528 тыс. руб. в 2017 г. и 2018 г. соответственно (расчитано по данным АСВ) [3, с. 51]. У самых уязвимых слоев населения отсутствуют сбережения в таких объемах, поэтому расширение гарантий не принесло им особой пользы.

Значит, можно предположить подмену цели¹¹ общественного выбора в ходе его реализации [18]. При проталкивании законопроекта о гарантировании вкладов на первый план выдвигались аргументы патерналистского характера о защите вкладчиков [3]. Защита прав и законных интересов вкладчиков провозглашена главной целью системы¹². Как теперь понятно, преимуществами страховой защиты в наибольшей мере воспользовалась обеспеченная часть среднего класса, прежде всего в крупных городах. Патернализм оказался несколько декларативным.

Стейкхолдеры же частных банков подчинили гарантирование вкладов своим целям, присваивая выгоды и социализируя издержки. Выразилось это в использовании собранных у населения вкладов для покрытия убытков банков и небанковского бизнеса, после 2008 г. часто убыточного. Завышением процентной ставки форсированно привлекались частные вклады, даже накануне краха или отзыва лицензии, без намерения отдавать вкладчикам эти средства, а зачастую и с целью хищения. В общем числе банковских крахов увеличилась доля преднамеренных и криминальных банкротств, финансовое состояние банкротящихся банков ухудшилось. Регулятору пришлось воздействовать на предлагаемые банками вкладчикам условия, прежде всего завышенную по сравнению со среднерыночной ставку привлечения ресурсов, и ввести дифференцированные взносы в ФОСВ в зависимости от рискованности проводимой банком политики.

Наконец, пользу получила государственная бюрократия, возникшая в данной сфере. Через ФОСВ за 2004-2019 гг. прошло 2,4 трлн руб. На содержание АСВ тратится свыше 5 млрд руб. в год. Такой поток ресурсов формирует мощную группу интересов и позволяет продвигать их в обществе, включая законодательную и экспертную среду [5, с. 31].

¹⁰ ria.ru/20191125/1561126844.html.

¹¹ На мой взгляд, подмена цели – это один из вариантов манипулирования институтом, а не наоборот, когда манипулирование выступает одним из видов нецелевого использования [14].

¹² www.asv.org.ru/insurance.

5. Заключение

Развитие патологии нового, искусственно сконструированного (методом копирования из-за рубежа) института диагностируется и объясняется с помощью различных концепций, т. е. предлагается сочетание нескольких методов исследования. Гарантирование частных банковских вкладов в России стало конкретным примером (кейсом), на котором я попытался проиллюстрировать свой подход. Основными симптомами возникшей патологии я считаю аномально высокие общественные издержки и их несправедливое распределение, а главное – формирование устойчивых моделей девиантного поведения у основных действующих лиц (банковских вкладчиков и самих банков).

Мой диагноз патологии нового института сводится в основном к его относительной избыточности (или излишности) в конкретных условиях России. Ввиду господства государственных банков в структуре депозитов населения, в 2003 г. вполне можно было обойтись без формализации гарантий возвратности вклада во всех остальных банках страны. Здесь можно говорить об изначально ошибочном выборе, сделанном обществом. Гипотезу же о некорректной работе (или так называемой «дисфункции») института я отбрасываю, потому что негативные эффекты от гарантирования вкладов являются вполне штатными и подтверждаются эмпирическими исследованиями. Что касается «неэффективности» института, то это методологически сложный и спорный вопрос.

Возможные причины развития патологии таковы:

- нецелевое применение нового института (вместо предотвращения системных кризисов ликвидности – привлечение вкладов в заведомо ненадежные банки и реструктуризация банковского сектора через процедуру приема в систему гарантирования);
- ошибки при внедрении института (введение гарантий по вкладам до очищения банковского сектора от многочисленных неподходящих участников; распространение новой схемы на государственные банки);
- захват института группами заинтересованных лиц из числа частных вкладчиков, стейкхолдеров коммерческих банков, чиновников и политиков.

Атрофию института или институциональный конфликт идентифицировать в данном случае не удалось.

Данная статья освещает лишь диагностику патологии, без разработки подходов к ее лечению. Поэтому ограничусь здесь двумя соображениями.

Во-первых, инфантильное расстройство, разновидностью которого я считаю зависимость индивида от чрезмерного покровительства государства в финансовой сфере, нуждается в коррекции через усиление

мотивации, связанной с присущими рыночной экономике институциями дисциплины и личной ответственности. Это вытекает из концепции базовых и дополняющих институтов внутри каждой системы [7].

Во-вторых, лечение некоторых заболеваний невозможно без осознания самим пациентом своего состояния и наличия воли к излечению. Применительно к гарантированию вкладов в России эта предпосылка сейчас отсутствует. Российский социум пока не осознал проблему. Общественное мнение относит триллионы рублей похищенных средств вкладчиков из сотен банков и столь же значительные расходы по выплате им возмещений на счет каких угодно причин, вплоть до форс-мажорных, но не гарантирования вкладов, хотя именно оно запустило причинно-следственные связи [5]. Судя по российскому научному дискурсу, данный институт не вызывает возражений и кажется безальтернативным даже местным экономистам-либертарианцам и уж тем более многочисленным сторонникам государственного вмешательства в экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 37–48.
2. Верников А.В. Кому и зачем было нужно гарантирование банковских вкладов? // *Экономическая социология*. 2019. Т. 20. № 2. С. 104–121. DOI:10.17323/1726-3247-2019-2-104-121.
3. Верников А.В. Патернализм государства и гарантирование банковских вкладов // *Вопросы теоретической экономики*. 2020. № 1. С. 46–60. DOI:10.24411/2587-7666-2020-10104.
4. Верников А.В. «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 25–37. DOI:10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037.
5. Верников А.В. Концепция институциональных ловушек: попытка применения к анализу нового института (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2020.
6. Вольчик В.В. Эволюционный подход к анализу институциональных изменений // *Terra Economica*. 2012. Т. 10. № 4. С. 62–69.
7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭПП СО РАН, 2001.
8. Кротов Н.И. История создания российской системы страхования банковских вкладов (Свидетельства очевидцев. Документы). М.: Экономическая летопись, 2009.
9. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию // *Вопросы экономики*. 2005. № 5. С. 5–27.
10. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М.: УРСС, 2000.
11. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: КНОРУС, 2017.

12. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995.
13. Пересецкий А.А. Рыночная дисциплина и страхование депозитов // Прикладная эконометрика. 2008. Т. 3. № 11. С. 3–14.
14. Полищук Л. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–44.
15. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.
16. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
17. Полтерович В.М. Предисловие редактора. В кн.: Попов Е.В., Лесных В.В. Институциональные ловушки Полтеровича и трансакционные издержки. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006.
18. Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10. № 4. С. 38–57.
19. Сухарев О.С. Новый институционализм: «ловушки», трансакционные издержки, «теорема Коуза» и время // Terra Economica. 2012. Т. 10. № 3. С. 39–57. DOI:10.24412/2410-4531-2012-3-39-57.
20. Сухарев О.С. Теория дисфункции институтов и экономических систем (к 15-летию разработки данной теории в России) // Журнал экономической теории. 2014. №1. С. 27–40.
21. Фролов Д.П., Лаврентьева А.В. Институциональные патологии в экономике (маркетинг территорий, социальная ответственность бизнеса, банкротство, ипотека) // Современная экономика: проблемы и решения. 2012. № 7 (31). С. 35–46.
22. Фролов Д.П. Метафоризм институционализма: физикализм Vs биологизм // Terra Economica. 2013. Т. 11. № 3. С. 34–51. DOI:10.24412/2410-4531-2013-3-34-51.
23. Яковлев А.А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 1. С. 27–52.
24. Allen F., Carletti E., Goldstein L., Leonello A. Moral hazard and government guarantees in the banking industry // Journal of Financial Regulation. 2015. Vol. 1. № 1. P. 30–50.
25. Anginer D., Demirgüç-Kunt A., Zhu M. How does deposit insurance affect bank risk? Evidence from the recent crisis // Journal of Banking and Finance. 2014. Vol. 48. P. 312–321.
26. Barkow R. Insulating agencies: Avoiding capture through institutional design // Texas Law Review. 2010. Vol. 89. № 1. P. 15–79.
27. Bryant J. A model of reserves, bank runs, and deposit insurance // Journal of Banking and Finance. 1980. Vol. 4. № 4. P. 335–344.
28. Calomiris Ch. Building an incentive-compatible safety net // Journal of Banking and Finance. 1999. Vol. 23. № 10. P. 1499–1519.
29. Calomiris Ch., Jaremski M. Stealing deposits: Deposit insurance, risk-taking, and the removal of market discipline in early 20th-century banks // Journal of Finance. 2018. Vol. 74. № 2. P. 711–754.
30. Chernykh L., Cole R. Does deposit insurance improve financial intermediation: Evidence from the Russian experiment // Journal of Banking and Finance. 2011. Vol. 35. № 2. P. 388–402.

31. Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. Determinants of deposit insurance adoption and design // *Journal of Financial Intermediation*. 2008. Vol. 17. P. 407-438.
32. Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. Deposit insurance around the world: A comprehensive analysis and database // *Journal of Financial Stability*. 2015. Vol. 20. P. 155-183.
33. Diamond D., Dybvig Ph. Bank runs, deposit insurance, and liquidity // *Journal of Political Economy*. 1983. Vol. 91. No. 3. P. 401-419.
34. Hellman J., Jones G., Kaufmann D. Seize the state, seize the day: state capture and influence in transition economies // *Journal of Comparative Economics*. 2003. Vol. 31. No. 4. P. 751-773.
35. Hogan T., Luther W. The explicit costs of government deposit insurance // *Cato Journal*. 2014. Vol. 34. No. 1. P. 145-170.
36. Hogan T., Luther W. The implicit costs of government deposit insurance // *The Journal of Private Enterprise*. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 1-13.
37. Johnson R., Onwuegbuzie A. Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // *Educational Researcher*. 2004. Vol. 33. No. 7. P. 14-26.
38. Karas A., Pyle W., Schoors K. Deposit insurance, banking crises, and market discipline: Evidence from a natural experiment on deposit flows and rates // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013. Vol. 45. No. 1. P. 179-200.
39. Laffont J.-J., Martimort D. Transaction costs, institutional design and the separation of powers // *European Economic Review*. 1998. Vol. 42. No. 3-5. P. 673-684.
40. Martínez-Pería M.-S., Schmukler S. Do depositors punish banks for bad behavior? Market discipline, deposit insurance, and banking crises // *Journal of Finance*. Vol. 56. No. 3. P. 1029-1051.
41. Merton R.K. Social structure and anomie // *American Sociological Review*. 1938. No. 3. P. 672-682.
42. Musgrave R. "Merit goods". In: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. 1987. Vol. 3. P. 452-453.
43. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. New York: Cambridge University Press, 1990.
44. Rodrik D. Institutions for high-quality growth: What they are and how to acquire them // *Studies in Comparative International Development*. 2000. Vol. 35. P. 3-31.
45. Thies C., Gerlowski D. Deposit insurance: A history of failure // *Cato Journal*. 1989. Vol. 8. No. 3. P. 677-693.

REFERENCES

1. Bessonova O. Distributive economy (razdatok) as a Russian tradition // *Social Sciences*. 1994. 3, 37-48 (In Russ.).
2. Vernikov A. Explicit deposit guarantee in Russia: Who needed it and what for? // *Journal of Economic Sociology*. 2019. 20 (2), 104-121 (In Russ.). DOI:10.17323/1726-3247-2019-2-104-121.
3. Vernikov A. State paternalism and deposit guarantee // *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*. 2020. 1, 46-60 (In Russ.). DOI:10.24411/2587-7666-2020-10104.
4. Vernikov A. How much substance is there behind the concept of «institutional trap»? // *Journal of Institutional Studies*. 2020. 12 (2), 25-37 (In Russ.). DOI:10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037.

5. Vernikov A. The concept of institutional traps: An attempt of application to the analysis of a new institution / Working Paper. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020 (In Russ.).
6. Volchik V. Evolutionary approach to the analysis of institutional change // Terra Economica. 2012. 10(4), 62–69 (In Russ.).
7. Kirdina S. Institutional Matrices and the Development of Russia. 2nd edition. Novosibirsk: IIE SB RAS, 2001 (In Russ.).
8. Krotov N. The History of the Russian Deposit Insurance System. Moscow: Ekonomicheskaya letopis', 2009 (In Russ.).
9. Kuzminov Ya., Radaev V., Yakovlev A., Yasin Ye. Institutions: From import to raising // Voprosy Ekonomiki. 2005. 5, 5–27 (In Russ.).
10. Nesterenko A. Economics and Institutional Theory. Moscow: URSS, 2000 (In Russ.).
11. Nureyev R., Latov Yu. Economic History of Russia: An Attempt of Institutional Analysis. Moscow: KNORUS, 2017 (In Russ.).
12. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Moscow: FEI 1995. (In Russ.).
13. Peresetsky A. (2008). Market discipline and deposit insurance // Applied Econometrics. 2008. 3(11), 3–14 (In Russ.).
14. Polishchuk L. (2008). Misuse of institutions: Its causes and consequences // Voprosy Ekonomiki. 2008. 8, 28–44 (In Russ.).
15. Polterovich V. Institutional traps and economic reforms // Economics and Mathematical Methods. 1999. 35(2), 3–20 (In Russ.).
16. Polterovich V. Transplantation of economic institutions // Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii. 2001. 3, 24–50 (In Russ.).
17. Polterovich V. The editor's foreword. In: Popov E., Lesnykh V. Polterovich's Institutional Traps and Transaction Costs. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2006 (In Russ.).
18. Rubinshtein A., Gorodetsky A. State paternalism and paternalist failure in the theory of patronized goods // Journal of Institutional Studies. 2018. 10(4), 38–57 (In Russ.).
19. Sukharev O. New institutionalism: «Traps», transaction costs, «Coase theorem», and time // Terra Economica. 2012. 10(3), 39–57. DOI:10.24412/2410-4531-2012-3-39-57 (In Russ.).
20. Sukharev O. Theory of dysfunction of institutions and economic system (For the 15th anniversary of the development of this theory in Russia) // Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii. 2014. 1, 27–40 (In Russ.).
21. Frolov D., Lavrentyeva A. Institutional pathologies in economy (place marketing, corporative social responsibility, bankruptcy, mortgage) // Modern Economics: Problems and Solutions. 2012. 7(31), 35–46 (In Russ.).
22. Frolov D. Metaphorism of Institutionalism: Physicalism Vs Biologism // Terra Economica. 2013. 11(3), 34–51 (In Russ.). DOI:10.24412/2410-4531-2013-3-34-51.
23. Yakovlev A. Evolution of business-state interaction strategies in the Russian economy // Russian Journal of Management. 2005. 3(1), 27–52 (In Russ.).
24. Allen F., Carletti E., Goldstein I., Leonello A. Moral hazard and government guarantees in the banking industry // Journal of Financial Regulation. 2015. 1(1), 30–50.
25. Anginer D., Demirgüç-Kunt A., Zhu M. How does deposit insurance affect bank risk? Evidence from the recent crisis // Journal of Banking and Finance. 2014. 48, 312–321.

26. *Barkow R.* Insulating agencies: Avoiding capture through institutional design // *Texas Law Review*. 2010. 89(1), 15–79.
27. *Bryant J.* A model of reserves, bank runs, and deposit insurance // *Journal of Banking and Finance*. 1980. 4(4), 335–344.
28. *Calomiris Ch.* Building an incentive-compatible safety net // *Journal of Banking and Finance*. 1999. 23(10), 1499–1519.
29. *Calomiris Ch., Jaremski M.* Stealing deposits: Deposit insurance, risk-taking, and the removal of market discipline in early 20th-century banks // *Journal of Finance*. 2018. 74(2), 711–754.
30. *Chernykh L., Cole R.* Does deposit insurance improve financial intermediation: Evidence from the Russian experiment // *Journal of Banking and Finance*. 2011. 35(2), 388–402.
31. *Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L.* Determinants of deposit insurance adoption and design // *Journal of Financial Intermediation*. 2008. 17, 407–438.
32. *Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L.* Deposit insurance around the world: A comprehensive analysis and database // *Journal of Financial Stability*. 2015. 20, 155–183.
33. *Diamond D., Dybvig Ph.* Bank runs, deposit insurance, and liquidity // *Journal of Political Economy*. 1983. 91(3), 401–419.
34. *Hellman J., Jones G., Kaufmann D.* Seize the state, seize the day: state capture and influence in transition economies // *Journal of Comparative Economics*. 2003. 31(4), 751–773.
35. *Hogan T., Luther W.* The explicit costs of government deposit insurance // *Cato Journal*. 2014. 34(1), 145–170.
36. *Hogan T., Luther W.* The implicit costs of government deposit insurance // *The Journal of Private Enterprise*. 2016. 31(2), 1–13.
37. *Johnson R., Onwuegbuzie A.* Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // *Educational Researcher*. 2004. 33(7), 14–26.
38. *Karas A., Pyle W., Schoors K.* Deposit insurance, banking crises, and market discipline: Evidence from a natural experiment on deposit flows and rates // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013. 45(1), 179–200.
39. *Laffont J.-J., Martimort D.* Transaction costs, institutional design and the separation of powers // *European Economic Review*. 1998. 42(3–5), 673–684.
40. *Martínez-Pería M.-S., Schmukler S.* Do depositors punish banks for bad behavior? Market discipline, deposit insurance, and banking crises // *Journal of Finance*. 56(3), 1029–1051.
41. *Merton R.K.* Social structure and anomie // *American Sociological Review*. 1938. 3, 672–682.
42. *Musgrave R.* “Merit goods”. In: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. 1987. 3, 452–453.
43. *North D.* *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. New York: Cambridge University Press, 1990.
44. *Rodrik D.* Institutions for high-quality growth: What they are and how to acquire them // *Studies in Comparative International Development*. 2000. 35, 3–31.
45. *Thies C., Gerlowski D.* Deposit insurance: A history of failure // *Cato Journal*. 1989. 8(3), 677–693.

ABOUT THE AUTHOR

Andrei Vernikov is Doctor of Economic Sciences and a Senior Research Fellow at the Institute of Economics RAS, Moscow, Russia
vernikov@inecon.ru

INSTITUTIONAL PATHOLOGY AND ITS DIAGNOSTICS (THE CASE OF DEPOSIT INSURANCE)

The novelty of this paper is that a malfunction of a newly designed institution is diagnosed by mixed methods, setting a menu of theoretical options, each of which has some explanatory capacity. I depart from the tradition of setting a diagnosis *ex ante* and then illustrating it with suitable empirical evidence. I also suggest separating the diagnosis from the factors that may have generated a pathology. This methodology is applied to analyze the specific case of the institution of deposit insurance in Russia. Its introduction produced massive moral hazard among bank depositors and banks alike, thus fomenting behavior patterns that I deem socially destructive. The resulting huge social costs were unfairly distributed. I attribute the pathology to the redundancy of the new institution, whereas the institutional dysfunction hypothesis is rejected. The pathology in the deposit insurance may have resulted from its intentional misuse, implementation flaws, and capture by pressure groups.

Keywords: *applied institutional analysis, mixed methods research, institutional design, institutional pathology, misuse of institution.*

JEL: E65, G21, G28, P34.

И.В. АНОХОВ

кандидат экономических наук, доцент
Всероссийского научно-исследовательского института
железнодорожного транспорта

ВРЕМЯ АСТРОНОМИЧЕСКОЕ И ВРЕМЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

Целью статьи является исследование значения фактора времени в микроэкономике. Методологической основой исследования является концепция всеобщей организационной науки А.А. Богданова, в соответствии с которой предложена трактовка экономического времени как обязательного условия взаимодействия организованных комплексов. Объектом исследования является промышленное предприятие. Показано, что промышленное предприятие оперирует несколькими видами времени: эталонным астрономическим, макроэкономическим, микроэкономическим и внутрипроизводственным. Во внутренней среде предприятия время позволяет синхронизировать активности разных его подразделений между собой и с внешней активностью.

Ключевые слова: *время, экономика времени, информация, цикл, функции, производство, промышленность.*

JEL: D21, L20, A12, P00.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_48_66.

Введение

Время относится к фундаментальным понятиям человеческой цивилизации. Однако понятие времени наряду с понятием пространства «как в философии, так и в естествознании остаются онтологически недоопределенными» [9, с. 119]. Множатся определения времени, его разновидности и их трактовки.

Ньютон полагал, что существует абсолютное, истинное время, которое «само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью» [10, с. 30]. Этому соответствует тезис Э. Дюркгейма о том, что «категория времени – это ... абстрактная и безличная рамка, которая охватывает не только наше индивидуальное существование, но и существование всего человечества» [6, с. 64–65].

Сегодня человечество в своей практической деятельности опирается на *астрономическое время*, основанное на наблюдениях за движе-

нием небесных тел. П.А. Сорокин и Р. Мертон указывают, что «астрономическое время однообразно, однородно; оно чисто количественно, лишено качественных свойств» [13, с. 115]. Однако, по их мнению, использование такого времени имеет конвенциональный характер и является результатом уплотнения социального взаимодействия. Они формулируют понятие социального времени, кардинально отличающегося от астрономического времени.

Неоднородность и относительность времени отмечается в естественнонаучных исследованиях. Так, Лейбниц полагал, что «ни пространство, ни время не могут существовать сами по себе, независимо от тел, исключая существование в виде идей в уме Бога. Пространство является порядком сосуществования, а время – порядком последовательности явлений» [14, с. 54]. Дж. Уитроу [14] фактически признает неоднородность времени и оперирует такими его разновидностями, как абсолютное, относительное, цикличное, индивидуальное, биологическое, математическое и релятивистское. П. Дэвис считал, что «время – это самый элементарный аспект повседневного опыта человека» [5, с. 19].

Относительный и субъективный характер времени фиксируется и в биологических исследованиях: «птицы могут поддерживать определенный курс по положению Солнца и с помощью какого-то вида «внутренних часов»» [14, с. 80]. Можно заключить, что и суточная ритмичность, и биологические часы, определяемые скоростью физиологических процессов организма, внутренне присущи всем живым существам.

В современных гуманитарных исследованиях время не воспринимается в ньютоновском понимании, т. е. в качестве «однородного, бесконечно делимого и непрерывного» [13, с. 112]. Однако и астрономическое время не удовлетворяет требованиям их теоретических моделей и результатам практических экспериментов. В этой связи разрабатываются концепции психологического, социального, экономического и других видов времени.

В экономических исследованиях время трактуется как экономический ресурс, который допускает альтернативное использование, а значит и конкуренцию за него, и его куплю-продажу. Это означает, что по отношению ко времени допустимо применение всего аналитического аппарата экономической науки: неявных затрат, общей и предельной полезности, доходности. К. Маркс полагал, что «общество оплачивает эти товары тем, что употребляет на их производство часть находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно, оно покупает их при помощи определенного количества рабочего времени, которым оно – это данное общество – может располагать» [8, с. 204].

Современные экономические исследования строят свои модели на понятии времени как наиболее дефицитного ресурса. По мнению

D. Harvey [19, с. 138], темпоральность, или организация времени, является фундаментальной чертой современного капитализма. В. Adam характеризует индустриальный капитализм как переход от ориентации на задачи к ориентации на часы работы, а также как переход от времени работы «к работе со временем» [16, с. 165].

N. Folbre [18, с. 12] разработал теорию распределения времени, согласно которой время фактически является всеобщим эквивалентом, позволяющим сопоставлять труд с рыночными заменителями: «можно заплатить кому-то другому, чтобы он выполнил эту задачу за вас» [18, с. 12], если экономические расчеты показывают выгодность этого. Возникшая альтернативность в использовании времени привела к выделению в его составе «качественного времени» [21, с. 601], т. е. свободного от разнообразных обязанностей.

В результате этих исследований, придавших времени товарный характер, оно стало формой социального неравенства [20]. Однако, на наш взгляд, роль фактора времени в экономике не исчерпывается только этим аспектом и требует «концептуального переосмысления роли времени в экономических исследованиях» [2, с. 41].

Время как всеобщий метроном

Для суждения о времени человек использует наблюдение за *эталонным процессом*. Это внешний и наиболее важный для хозяйственной жизни человека процесс с ярко выраженной цикличностью, с которым человек синхронизирует свою деятельность. Это могут быть солнечные и лунные циклы, времена года, периоды разлива рек, суточные циклы и др. Непрерывная последовательность периодических смен циклов эталонного процесса представляет собой *эталонное время*, которое доступно внешнему наблюдению.

Сегодня в качестве такого всеобщего эталонного процесса избрана 1 секунда, равная «9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133» [4, с. 3]. Такое определение единицы времени является результатом общественной договоренности. В этом качестве может использоваться и любой другой процесс, обладающий свойством периодичности. Чем более интенсивна и технологична деятельность человека, тем более высокочастотным должно быть эталонное время.

Исходя из этого, с экономической точки зрения *время* – это атрибут циклических материальных или социальных процессов, с которыми человек синхронизирует свою активность. В качестве эталона выбирается тот циклический процесс, который утилитарно наиболее важен для человека. Это, в свою очередь, означает, что такой эталонный процесс соотносится с человеком как надсистема и встроенная в нее

система. В этом смысле время для человека неотделимо от его деятельности. Неслучайно Аристотель определил время как «меру движения и нахождения [тела] в состоянии движения» [1, с. 401].

Наличие эталонного времени крайне важно для хозяйственной деятельности. Даже временное его отсутствие дезориентирует отдельного человека и лишает его возможности судить обо всех процессах без исключения и действовать адекватно. Известны опыты пребывания человека в полностью изолированном помещении. Как отмечают спелеологи или космонавты [17], это изменяет физическую активность и биологические процессы человека. В случае коллективной производственной деятельности время играет еще и роль синхронизатора активностей всех субъектов экономики. Знание времени надсистемы позволяет корректно встраивать активность в ее фазы: производственному рабочему – начинать работу в нужных фазах процесса производства; аграрию – осуществлять сельскохозяйственные работы в нужный сезон; предпринимателю – активизироваться при благоприятной рыночной конъюнктуре.

Эталонный процесс и эталонное время становятся важнейшим фактором хозяйственной жизни человека только после их институционализации, т. е. после формального утверждения или неформального принятия их в качестве главного механизма социально-экономической регуляции человеческого сообщества. После такой институционализации эталонный процесс и эталонное время начинают выполнять функцию *всеобщего метронома*, т.е. обеспечивать синхронизацию текущего эталонного времени и человеческой активности, одинаково понимаемую всеми членами данного сообщества.

Всеобщий метроном должен удовлетворять следующим требованиям:

1. Иметь четкую и устойчивую цикличность, т. е. должны наблюдаться фазы напряжения и расслабления (даже если это касается периодов излучения атома изотопа цезия).
2. Иметь жизненно важное, экзистенциальное значение для хозяйствующих субъектов.
3. В случае коллективного труда – одинаково восприниматься и трактоваться всеми сотрудниками, т. к. «ни одна концепция движения невозможна вне категории времени» [13, с. 112].

Роль метронома в экономике

По мере развития производства, появления техносферы и отдаления человека от природной среды естественная цикличность (солнца, луны, времени года, водных объектов и др.) перестает играть определяющую роль, а фокус внимания человека смещается во внутрисоци-

альную и технологическую область, в которой суждение о времени возникает из наблюдения за соотношением активности разнокачественных процессов. Именно их взаимная относительная скорость и начинает определять понимание времени. Например, на современном металлургическом предприятии природные циклы (время года, время суток) перестали иметь какое-либо значение, а эталонным процессом надсистемы стал цикл макроэкономического спроса на готовый металл, который определяет все микроэкономические и внутрипроизводственные процессы в металлургии.

Если, например, при натуральном хозяйстве важнейшей задачей производителя является синхронизация собственной активности с эталонным процессом (прежде всего с сезоном года), то в современной экономике его первоочередной задачей стало отслеживание наиболее важных процессов в обществе, экономике и техносфере. Это, в свою очередь, кардинально изменило мотивацию и интенсивность хозяйственной деятельности производителя. Теперь он должен не просто осуществлять действия, предписанные в данное астрономическое время, а организовать дело так, чтобы выполнить максимум циклов своей активности за единицу времени эталонной активности надсистемы – общества, экономики и/или техносферы. Другими словами, теперь источником его благ является не природа, а общество и техносфера, а единственным способом увеличения притока этих благ является предугадывание и опережение действий других субъектов – опережение *во времени*. Это означает, что суждение об эталонном времени (в качестве которого теперь может выступать, например, цикл экономической конъюнктуры) способно менять интенсивность внутренней производственной деятельности.

Таким образом, современный производитель оперирует не только эталонным астрономическим временем, но также и относительным временем [15, с. 52], складывающимся из сравнения собственной активности и активности надсистемы и других горизонтальных систем (см. рис. 1). Во второй половине данной статьи будет показана трактовка надсистемы, систем и подсистем с точки зрения концепции всеобщей организационной науки А.А. Богданова.

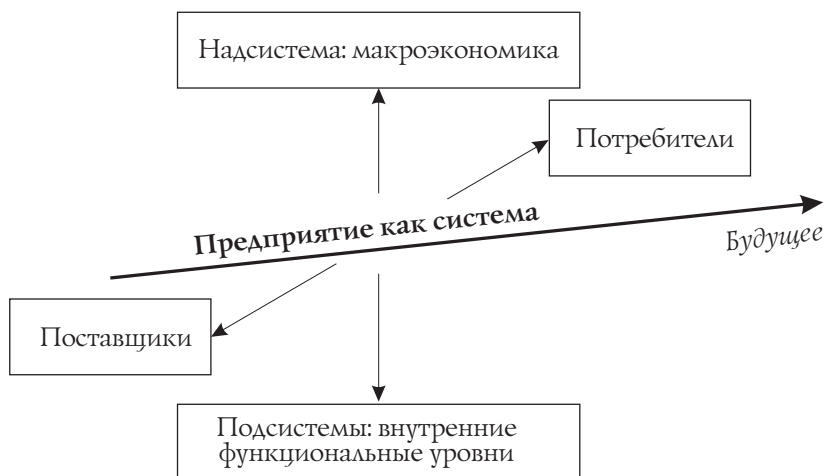
На рис. 1 проиллюстрирован тезис о том, что современное промышленное предприятие оперирует несколькими видами времени:

1) относительное время:

- эталонное время надсистемы (макроэкономики);
- время горизонтальных систем (микроэкономики);
- внутрипроизводственное время;

2) абсолютное время:

- астрономическое время, которое теперь является способом перекодировки одного относительного вида времени в другой.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Надсистема, система и подсистема

Вот условный пример перекодировки астрономического, макро- и микроэкономического времен:

Макроэкономическое время. Устойчивый рост занятости, всех видов доходов и инвестиций является одним из признаков оживления экономики. Для окончательного преодоления макроэкономического застоя правительство страны запланировало масштабные меры по стимулированию совокупного спроса.

Абсолютное время. Практическая реализация правительственных мер по стимулированию совокупного спроса запланирована на календарный момент времени t .

Микроэкономическое время. С момента времени t ожидается резкий рост спроса на промышленную продукцию предприятия. Для заблаговременной подготовки к этой дате требуется активизация внутрипроизводственных подразделений, так чтобы их циклы были завершены в этот момент времени t .

Внутрипроизводственное время. Рост объема готового продукта к моменту времени t требует увеличения оборотных средств и трудовых ресурсов на $X\%$ в момент времени $t-n$ (где n – это длительность цикла физического производства), для чего заключены дополнительные снабженческие и трудовые контракты.

Относительные виды времени (макроэкономическое, микроэкономическое и внутрипроизводственное) являются производными от сравнительной интенсивности двух и более субъектов, которые в терминологии А.А. Богданова можно обозначить как *организованные комплексы*, определяемые им как «целое больше суммы своих частей». По его мнению, все организованные комплексы взаимодействуют друг с другом

либо напрямую, либо опосредованно, так как «все связано, все влияет, все действует одно на другое» [3, с. 121]. Исходя из этого, всякое сближение или отдаление этих комплексов меняет интенсивность их взаимодействия, а значит, и восприятие относительного времени.

В этом смысле каждый организованный комплекс (и промышленное предприятие в том числе) способен менять интенсивность взаимодействия с другими комплексами, а тем самым *управлять экономическим временем*. В данном случае под управлением экономическим временем подразумевается изменение интенсивности деятельности организованного комплекса по сравнению с интенсивностью деятельности других организованных комплексов.

Можно привести следующий пример: «в 40-е годы замена штампа на заводе компании Тойота занимала от двух до трех часов. В 50-е годы, по мере распространения выравнивания производства во всей компании, переналадка стала занимать менее часа, затем время сократилось до 15 минут. В конце 60-х годов на нее уходило уже не более 3 минут» [11, с. 76]. Это означает, что компания Тойота повысила интенсивность деятельности, благодаря внесению в процесс производства новой технологии (т. е. новой информации), в результате чего ее *внутрипроизводственное время стало опережать макроэкономическое и микроэкономическое время*. Таким образом, фактор информации способен влиять на относительное время и поэтому является важным инструментом управления временем.

Следствием этого процесса (ускорения интенсивности производства и сжатия внутреннего времени) является возникновение разности между промышленным предприятием и внешней средой, которые, в свою очередь, имеют существенные последствия: «наш мир есть вообще мир разностей; только разности напряжений энергии проявляются в действии, только эти разности имеют практическое значение» [3, с. 117]. Такая разность вызывает переток материи, энергии и информации от менее организованных комплексов к более организованным. Кроме того, происходит организационное сближение промышленного предприятия с другими организованными комплексами, иначе специализированными (прежде всего с поставщиками и потребителями), что вызывает ускорение уже и их времени, затрагивая даже макроэкономические процессы.

В свою очередь, и сами организованные комплексы изменяются. С точки зрения А.А. Богданова, каждый организованный комплекс имеет свои фазы сжатия и расширения [3, с. 206]. Применительно к промышленному предприятию его фазы привязаны к соответствующим макроэкономическим фазам. В фазе макроэкономического расширения предприятие внутренне усложняется, появляются все новые подсистемы (отделы, цеха, службы) и выстраиваются новые

надсистемы (картели товаропроизводителей, холдинги, общие транспортно-логистические мощности). В фазе сжатия предприятие пространственно уменьшается, становится более однородным и упрощенным. Сжатие – это предельное состояние данного организованного комплекса, выравнивающее частотные характеристики его составных частей и обеспечивающее тем самым восстановление их единства. В этом случае изменяется эталонное макроэкономическое время, вследствие чего меняется соотношение активностей, а также приток и отток активов промышленного предприятия.

Время как объект управления

Хозяйствующий субъект способен управлять временем в том смысле, что он может самостоятельно выбирать в макроэкономике эталонный процесс, с которым он синхронизирует свою активность, а также ключевые точки такой синхронизации. В качестве такого эталонного процесса могут выступать циклы экономического спроса, предложения, государственной политики, инвестиций, интенсивности транспортных систем, обновления основных средств и др.

Выбрав такой эталонный процесс, промышленное предприятие перестраивает в соответствии с ним свою внутреннюю среду. С точки зрения способности реагировать на изменение времени эталонного процесса внутренняя среда неоднородна и может быть классифицирована по следующим уровням (видам активности):

1) физический уровень, на котором осуществляется соединение труда, информации, энергии и вещества в готовый продукт. Время цикла равно продолжительности непрерывного труда человека, необходимого для превращения оборотных средств в готовый продукт. Базовый актив – труд человека;

2) распределительный уровень, на котором подготавливаются условия для производства на физическом уровне. Базовый актив – оборотные средства. Время цикла равно периоду, необходимому для *приведения в готовность* оборотных средств к их непосредственному соединению в готовый продукт с помощью труда человека и основных средств. Данный функциональный уровень может быть представлен такими подразделениями, как отдел техники безопасности, склады, транспортные службы, отдел кадров, отдел материально-технического снабжения и сбыта, отдел контроля качества, ремонтно-механический участок, энергетическое хозяйство, служба общепита, здравпункт;

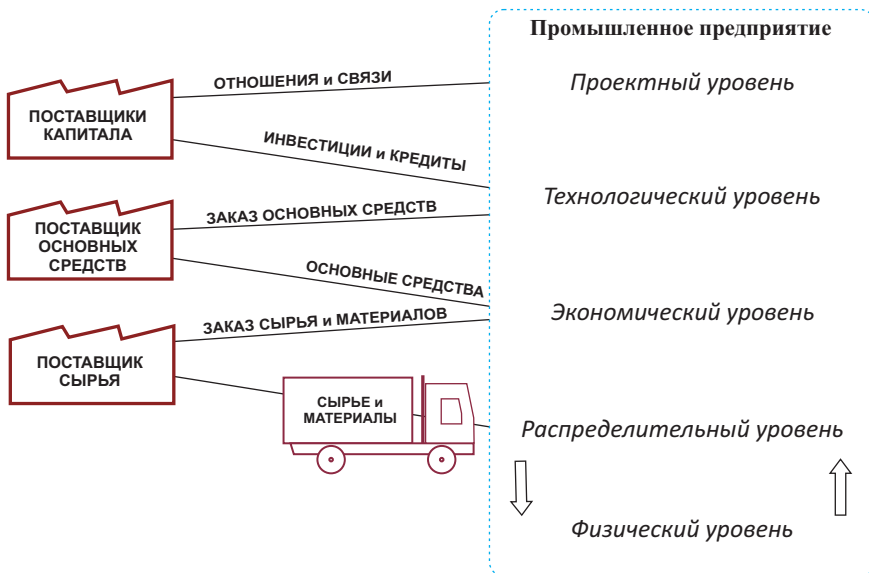
3) экономический уровень, на котором осуществляется поддержка производства с помощью денежных средств и их эквивалентов. Время цикла определяется временем, необходимым для обеспечения дееспособности распределительного и физического уровней от момента

оплаты сырья до момента получения дохода от продаж готового продукта (т. е. финансовый цикл). Базовый актив – денежные средства. Данный функциональный уровень может быть представлен такими подразделениями, как бухгалтерия, экономический отдел, финансовый департамент, отдел договоров;

4) технологический уровень, на котором разрабатываются и воспроизводятся технологии снабжения, производства и сбыта. Время цикла определяется продолжительностью подготовки технологий экономического, распределительного и физического уровней (т. е. длительность технологического цикла). Данный функциональный уровень может быть представлен такими подразделениями, как технологический отдел, управление технической подготовки производства, департамент научных исследований, маркетинговая служба, отдел стратегического развития;

5) проектный уровень, на котором подготавливается план по встраиванию производства в региональную и глобальную экономику. Время цикла определяется периодом, необходимым для встраивания промышленного предприятия в макроэкономический цикл. Базовый актив – проект. Данный функциональный уровень может быть представлен такими подразделениями, как отдел стратегического планирования, правление, аппарат генерального директора, совет директоров.

Каждый из указанных уровней (кроме физического) имеет непосредственные отношения с внешней средой (см. рис. 2).

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Зависимости между внешней средой и функциональными уровнями промышленного предприятия

Как следствие, во внутренней среде промышленного предприятия используются разные виды производственного времени:

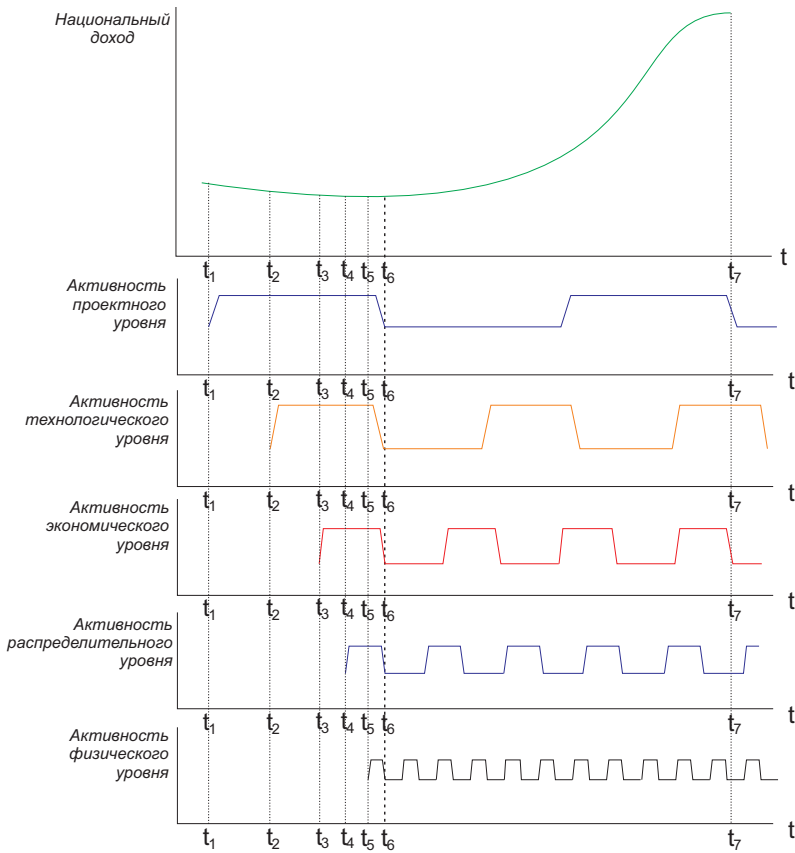
- астрономическое, применяемое на всех уровнях производства (прежде всего на проектном уровне);
- физическое время – время, необходимое для превращения оборотных средств в готовый продукт;
- распределительное время – время запуска очередного цикла снабжения и сбыта;
- экономическое время – время запуска очередного цикла расходов и доходов;
- технологическое время – время запуска очередного цикла подготовки технологий снабжения, производства и сбыта;
- проектное время – время запуска очередного цикла адаптации к макроэкономической активности.

С помощью указанных видов времени каждый функциональный уровень синхронизирует свою деятельность и длительность своего цикла с вышестоящим уровнем и с субъектами внешнего рынка.

По мере повышения функционального уровня интенсивность процессов и внутрипроизводственное время ускоряются из-за увеличения интенсивности контактов с другими субъектами. Например, в сельском хозяйстве (т. е. на физическом уровне) субъективное время течет медленнее, чем в торговле (т. е. на экономическом уровне).

Представляется достаточно очевидным тезис о том, что субъект может управлять только таким объектом, который имеет меньшую длительность цикла. В силу этого тезиса по длительности цикла и уровню иерархии все функциональные уровни следует ранжировать следующим образом (по возрастанию): физический, распределительный, экономический, технологический, проектный. Если длительность цикла вышестоящего уровня оказывается меньше длительности цикла нижестоящего уровня, то часть такого цикла следует передать внешнерыночным субъектам. В противном случае управляемость внутренней среды оказывается под вопросом.

Одновременно с этим длительность цикла каждого уровня складывается под влиянием взаимодействия с поставщиками и подрядчиками. Без учета их производственных процессов невозможна интенсификация производства и ускорение внутреннего времени на промышленном предприятии. Теоретически взаимодействие отдельных функциональных уровней с внешнерыночными субъектами может быть ликвидировано, но это означало бы создание всех видов ресурсов только внутри фирмы, что многократно увеличило бы продолжительности всех видов циклов. Пользуясь же внешними ресурсами, предприятие фактически бережет свое время. С этой точки зрения предприятие – это та организационная форма, которая позволяет намного более эффективно

Источник: составлено автором.

Рис. 3. Точки синхронизации макроэкономического и внутрипроизводственного времени

управлять временем, чем, например, индивидуальная производственная деятельность. Неслучайно в этой связи признание топ-менеджера одного из крупнейших промышленных предприятий России: «Я понимаю и понимаю, что все, чем я управляю, – это временем людей» [7, с. 71].

Таким образом, предприятие имеет возможность *изменять параметры внутрипроизводственного времени, передавая ряд долгих процессов во внешнюю среду*.

Рассмотрим идеальное промышленное предприятие, которое способно предсказывать фазы макроэкономического цикла и в соответствии с этим синхронизировать свои функциональные уровни.

Предсказание состояния национальной экономики и передача соответствующей управленческой информации во внутреннюю среду предприятия возлагается на подразделения проектного уровня. Это происходит в некоторый момент времени t_1 , заблаговременно до начала фазы макроэкономического оживления в момент времени t_6 (см. рис. 3).

В стабильной макроэкономической ситуации вмешательства проектного уровня в деятельность других уровней не требуется, т. к. они способны действовать эффективно и автономно по заложенным в них алгоритмам. При серьезных макроэкономических изменениях внутренняя среда предприятия должна быть перестроена (в т. ч. с внедрением новых технологий) под влиянием и под контролем проектного уровня. На рис. 3 представлен случай, когда заблаговременная подготовка к новому макроэкономическому циклу предусматривает резкое расширение масштаба производства и/или переход на новую технологию производства.

В этом случае все функциональные уровни начинают свою деятельность в моменты времени t_1 – t_5 . Подразделения проектного уровня с помощью управленческой информации последовательно активизируют нижележащие уровни так, чтобы в момент t_6 каждый из этих уровней (прежде всего физический) смогли завершить свои производственные циклы, поставив готовый промышленный продукт на рынок. Соответственно, функциональные уровни активизируются в моменты времени t_2 – t_5 , исходя из длительности их циклов. Избыточно длительные процессы должны быть переданы внешним поставщикам.

Потоки как результат возникновения организованного комплекса

А.А. Богданов, постулируя, что «организованное целое ... практически больше простой суммы своих частей» [3, с. 117], приводит следующий пример: «Если дело идет, положим, о расчистке поля от камней, кустарников и корней и если один человек расчищает в день 1 десятину, то два вместе выполняют за день не двойную работу, а больше: $2\frac{1}{4}$ – $2\frac{1}{2}$ десятины» [3, с. 114]. Данный пример означает, что сложение сил этих двух человек образовало единое целое, которое теперь обладает большими возможностями в одном из аспектов бытия – в грубой ручной работе. Однако в другом виде деятельности (например, в столярной работе или в беге) результаты этого единого целого могут оказаться совершенно иными. Это означает, что данное организованное целое узкоспециализированное, что и позволяет добиваться выдающихся результатов. Неизбежным следствием такой специализации является объективная потребность в других благах, создаваемых соответствующими специализированными комплексами. Если окружающие условия благоприятствуют этому (т. е. имеются большая численность населения, рынок сбыта, транспортные пути, природные ресурсы и др.), то такие дополняющие организованные комплексы неизбежно появляются. Результатом этого будет тесно переплетенная совокупность организованных комплексов, которая сама по себе является комплексом более высокого порядка – *надсистемой*. Таким обра-

зом, под надсистемой понимается макроэкономическая совокупность организованных комплексов, каждый из которых в этой схеме рассматривается как система, обладающая собственными подсистемами (внутренними подразделениями).

Между организованными комплексами, надсистемой и менее организованной внешней средой немедленно возникают материальные и информационные потоки, которые постепенно преодолевают разного рода сопротивления (в виде, например, узких мест транспорта, логистики, систем расчетов). Появление таких потоков представляется неизбежным, т. к. «все связано, все влияет, все действует одно на другое» [3, с. 121].

Промышленное предприятие, как элемент структурированного потоком пространства, является средством уменьшения сопротивления внешней среды. Это достигается его более высокой внутренней организованностью, предоставляющей потоку возможность протекать сквозь себя не только без сопротивления, но и с повышением качества этого потока. Речь идет об увеличении скорости, обогащении состава, преобразовании качества, о присоединении силы других, ранее инертных ресурсов.

Материальными потоками могут быть подхвачены и два работника из вышеприведенного примера А.А. Богданова, но это будет носить спонтанный и краткосрочный характер. Долгосрочное же включение в потоки требует от этих работников уже сознательного и проектного подхода, прежде всего через погружение в информационную часть потока, т. е. через ознакомление с его интенсивностью, длительностью, перспективностью и участниками. В свою очередь такая информация усваивается во внутренней среде предприятия и приобретает характер импульса, который передается между уровнями следующим образом (см. рис. 4).

Источник: составлено автором.

Рис. 4. Циркуляция информации на промышленном предприятии

Движение функциональных уровней под влиянием макроэкономического цикла инициируется передачей импульса из внешней среды во внутреннюю среду промышленного предприятия. Этот импульс имеет информационный характер, который проявляется *в снижении затрат времени*. Наиболее заметен этот процесс в периоды смены технологий разных функциональных уровней, т. е. в периоды поступления новой информации.

Время функциональных уровней и синхронизация их активностей

С точки зрения управления временем промышленное предприятие должно синхронизировать длительность физического цикла, эластичность которого чаще всего ограничена, с длительностью отдельных фаз макроэкономического цикла. Циклы всех остальных уровней занимают промежуточное положение между этими двумя полюсами.

Из представленных выше соображений следует, что если промышленное предприятие нацелено на долгосрочное развитие, то между циклами его функциональных уровней должна наблюдаться следующая зависимость:

$$t_{pr} > t_t > t_{ec} > t_d > t_{ph}$$

где: t_{pr} – длительность проектного (project) цикла; t_t – длительность технологического (technology) цикла; t_{ec} – длительность экономического (economy) цикла; t_d – длительность распределительного (distributive) цикла; t_{ph} – длительность физического (physical) цикла.

Кроме того, за время повышательной макроэкономической фазы (участок t_6t_7 на рис. 3) на физическом уровне должно быть осуществлено максимальное количество физических циклов, а длительность каждого из которых должна быть минимизирована, т. е.:

$$\frac{T_{macro}}{\sum t_{ph}} \rightarrow 1, \quad t_{ph} \rightarrow \min,$$

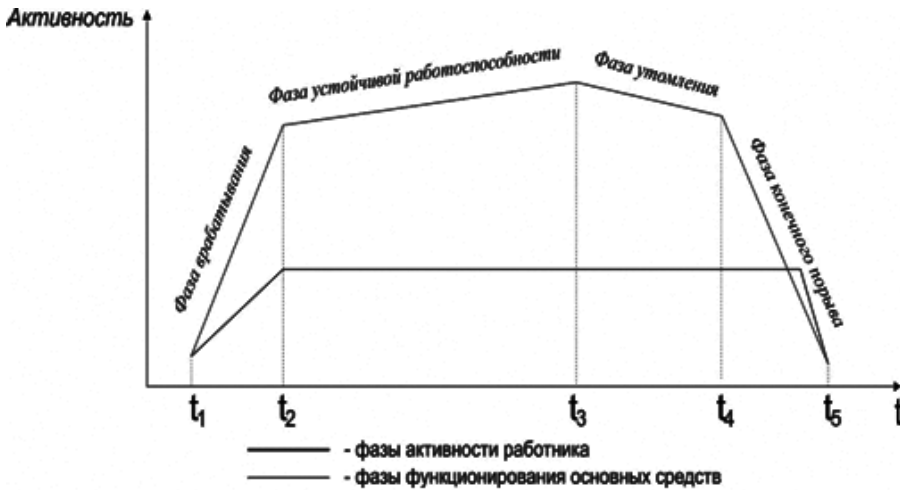
где: T_{macro} – длительность повышательной фазы макроэкономического цикла; t_{ph} – длительность физического (physical) цикла.

В соответствии с этим одна из важнейших задач промышленного предприятия – сокращение длительности физического цикла.

Циклы трудовой деятельности включают в себя следующие фазы: *вработывание* (рост работоспособности за счет синхронизации трудовых движений) – *устойчивая работоспособность* (оптимальный цикл напряжений и расслаблений) – *устомление* – *конечный порыв* (продолжение труда, несмотря на усталость) [12, с. 17].

Фазы вработывания и фазы конечного порыва являются основным резервом для сокращения длительности физического цикла. Эти фазы встречаются не только в работе человека. В функционировании основных средств такие фазы также в некоторой степени могут иметь место, например, при необходимости их регулярной очистки, калибровки, смазки, прогрева, протяжки, заправки, настройки.

В данной статье рассматривается феномен промышленного предприятия с серийным производством, поэтому эксплуатация основного капитала происходит под непрерывным управлением человека. На рис. 5 показано, что цикл активности работника полностью охватывает цикл функционирования основных средств.

Источник: составлено автором.

Рис. 5. Фазы активности физического уровня

На рис. 5 момент времени t_1 для старта очередного физического цикла задается вышестоящим распределительным уровнем. В этот момент на физический уровень передаются как оборотные средства, так и информация. Цикл активности включает две компоненты: время накапливания материального потока и информационного импульса (участок t_1t_2) и время его расходования (участок t_2t_5), или, в терминологии А.А. Богданова, фазы сжатия и расслабления.

По рис. 5 видно, что физический уровень максимально дееспособен только на участке t_2t_3 . Интересам предприятия соответствует удлинение данного оптимального участка на весь интервал t_1t_5 , чему препятствуют физиологические особенности и суточные ритмы человека. Отсюда следует, что кардинальная оптимизация производства на физическом уровне может быть достигнута только путем передачи функций человека автоматическим механизмам.

Информационный импульс передается на физический уровень только в случае необходимости существенной трансформации этого уровня. Чаще всего он представляет собой внедрение новой материало- и трудосберегающей технологии (например, технологии бережливого производства). Эффект от внедрения подобной технологии, как результат притока новой информации на физический уровень, приведет к снижению затрат времени на трудовые операции и операции, связанные с оборудованием.

Данный эффект может быть выражен количественно. Предположим, что на один цикл физического производства требуется xL часов времени работника и yK часов времени работы основных средств. Под действием информационного импульса (ΔI) длительность цикла физического производства $t_1 t_5$ (как показано на рис. 5) сократится на t единиц времени. Такой эффект от информационного импульса может быть выражен в единицах рабочего времени:

$$\Delta I = (xL - tL) + (yK - tK),$$

где: tL – уменьшение длительности трудового цикла труда в единицах времени; tK – уменьшение длительности цикла работы оборудования в единицах времени.

Однако управленческая информация способна и увеличивать время производственного цикла, например, в случае перехода к производству более мелких партий (что приведет к увеличению длительности цикла). И в этом случае формула будет выглядеть следующим образом:

$$I = (xL + tL) + (yK + tK).$$

Практическая минимизация цикла физического производства возлагается на распределительный уровень путем уменьшения фаз вработывания и конечного порыва. Но и сам распределительный уровень, а также другие вышестоящие функциональные уровни имеют аналогичные фазы вработывания и конечного порыва, которые должны быть предельно минимизированы. Длительность фаз вработывания всех уровней характеризует время отклика на поступившую информацию и меру их адаптивности к новым условиям.

Кроме того, из вышесказанного следует, что характер активности субъекта зависит от того, что он назначает источником синхронизации. Это определит момент начала его активности и гибкость адаптации собственной деятельности к изменению эталонной активности. Если этим источником назначен вышележащий функциональный уровень, то реакция начинается только после того, как сам этот уро-

вень набрал достаточную силу. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к запаздыванию ответной реакции, например, в силу недостаточной чувствительности нижележащего уровня. При этом внутренним синхронизирующим процессом должен служить проектный уровень, отслеживающий все уровни и заранее их активизирующий. Подобно тому, как мозг заблаговременно подготавливает части тела для совершения прыжка, так и проектный уровень подготавливает подразделения фирмы для очередной повышательной фазы макроэкономики.

Определяющим для каждого функционального уровня является вышележащий уровень, во временные рамки которого он должен вписать циклы своего доминирующего актива (то есть успеть реализовать свою временную нишу). Это и является его основной задачей.

Заключение

Управление временем на промышленном предприятии означает выбор того или иного эталонного процесса для синхронизации с ним своей деятельности. Предприятие стремится максимально приблизиться к своему витально важному эталонному процессу и максимально встроиться в его потоки вещества, энергии и информации. Это возможно только при приближении собственной внутренней среды к природе эталонного процесса.

Промышленное предприятие способно управлять внутрипроизводственным временем, ускоряя внутренние процессы относительно внешних. Для этого оно может использовать информационный фактор (например, новую технологию), а также передачу недопустимо длительных циклов во внешнюю среду.

Таким образом, кроме экономической оценки известных аспектов деятельности промышленного предприятия (рентабельность, производительность, оборачиваемость) следует оценивать и такие качества, как способность использовать эталонное время и адаптировать собственное физическое производство к макроэкономическому циклу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Том 3. Кн. 4. Гл. 12. М.: Мысль, 1981.
2. *Бирюков В.* Формирование концепции экономического времени в условиях смены научной парадигмы // *Общество и экономика*. 2019. № 5. С. 41–52.
3. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. Институт экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989.
4. ГОСТ 8.417-2002. Государственная система обеспечения единства измерений. Единицы величин.
5. *Дэвис П.* Пространство и время в современной картине Вселенной. М.: Мир, 1979.
6. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018.

7. Колесников С., Альтшулер И. ТЕХНОНИКОЛЬ – главная роль: эпизоды, портреты, смыслы. М.: Альпина Паблишер, 2014.
8. Маркс К. Капитал. Т. 3. Кн. 3. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985.
9. Минасян Л.А., Бейлин В.А., Лещева О.А. Пространство-время в современной научной картине мира // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 118–129.
10. Ньютон Ис. Математические начала натуральной философии. Соч. Т. VII. М.–Л., 1936.
11. Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства. М.: Ин-т комплексных стратегических исслед., 2006.
12. Руководство по физиологии труда / Под ред. З.М. Золиной, Н.Ф. Измерова. М.: Медицина, 1983.
13. Сорокин П.А., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6 (242). С. 112–119.
14. Уиттроу Дж. Естественная философия времени. М.: Едиториал УРСС, 2003.
15. Фридман А.А. Мир как пространство и время. М.: Наука, 1965.
16. Adam B. Within and beyond the Time Economy of Employment Relations: Conceptual Issues Pertinent to Research on Time and Work. //Social Science Information. 1993. 32(2). P. 163–84.
17. Bond M. The Power of Others: Peer Pressure, Groupthink, and How the People Around Us Shape Everything We Do Paperback. One world Publications, 2015.
18. Folbre N. A Theory of the Misallocation of Time. The Social Organization of Care, London; New York: Routledge. 2004. Pp. 7–24.
19. Harvey D. A Companion to Marx's Capital. New York: Verso, 2010.
20. Jacobs J.A., Gerson K. The Time Divide: Work, Family and Gender Inequality. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2005.
21. Näre L., Wide E. Local loops of care in the metropolitan region of Helsinki: A time-economy perspective. Journal of European Social Policy. 2019. Vol. 29(5). Pp. 600–613.

REFERENCES

1. Aristotle. Essays in four volumes. Volume 3. Book 4. Chapter 12. Moscow: Mysl, 1981. (In Russ.).
2. Biryukov V. Formation of the concept of economic time in the conditions of changing the scientific paradigm. 2019. No. 5. Pp. 41–52. (In Russ.).
3. Bogdanov A. A. Tectology: (Universal organizational science). In 2 books: Book 1. Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Ekonomika, 1989. (In Russ.).
4. State Industry Standard 8.417-2002. State system for ensuring the uniformity of measurements. Units of Values. (In Russ.).
5. Davies P. Space and time in the modern picture of the Universe. Moscow: Mir, 1979. (In Russ.).
6. Durkheim E. Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia. Moscow: Elementary Forms, 2018. (In Russ.).
7. Kolesnikov S., Altshuler I. TECHNOLIKOL – the main role: epizodes, portraits, meanings. Moscow: Alpina Publisher, 2014. (In Russ.).
8. Marx K. Kapital. Vol. 3. Book 3. Ch. 1. M.: Politizdat, 1985. (In Russ.).

9. *Minasyan L.A., Beilin V.A., Leshcheva O.A.* Space-time in the modern scientific picture of the world // *Voprosy filosofii*. 2019. No. 9. Pp. 118–129. (In Russ.).
10. *Newton Is.* Mathematical principles of Natural philosophy. Op. T. VII. M.-L., 1936. (In Russ.).
11. *It T.* Toyota production system. Moving away from mass production. Moscow: Institute of Complex Strategic Studies, 2006. (In Russ.).
12. *Manual of labor physiology* / Edited by Z.M. Zolina, N.F. Izmerova, M.: Meditsina, 1983. (In Russ.).
13. *Sorokin P.A., Merton R.* Social time: the experience of methodological and functional analysis // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. No. 6 (242). Pp. 112–119. (In Russ.).
14. *Whitrow J.* Natural philosophy of time. Moscow: Editorial URSS, 2003. (In Russ.).
15. *Friedman A.A.* The world as space and time. Moscow: Nauka, 1965. (In Russ.).
16. *Adam B.* Within and beyond the Time Economy of Employment Relations: Conceptual Issues Pertinent to Research on Time and Work. // *Social Science Information*. 1993. 32(2). P. 163–84.
17. *Bond M.* The Power of Others: Peer Pressure, Groupthink, and How the People Around Us Shape Everything We Do Paperback. One world Publications, 2015.
18. *Folbre N.* A Theory of the Misallocation of Time. The Social Organization of Care, London; New York: Routledge. 2004. Pp. 7–24.
19. *Harvey D.* A Companion to Marx's Capital. New York: Verso, 2010.
20. *Jacobs J.A., Gerson K.* The Time Divide: Work, Family and Gender Inequality. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2005.
21. *Näre L., Wide E.* Local loops of care in the metropolitan region of Helsinki: A time-economy perspective. *Journal of European Social Policy*. 2019. Vol. 29(5). Pp. 600–613.

ABOUT THE AUTHOR

Anokhov Igor Vasilievich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the “All-Russian Railway Research Institute of JSC Russian Railways”, Moscow, Russia
i.v.anokhov@yandex.ru

ASTRONOMICAL TIME AND ECONOMIC TIME

The aim of the article is to study the significance of the time factor in microeconomics. The methodological basis of the research is the concept of general organizational science by A.A. Bogdanov, according to which the interpretation of economic time as a prerequisite for the interaction of organized complexes is proposed. The object of the research is an industrial enterprise. It is shown that an industrial enterprise operates with several types of time: reference astronomical, macroeconomic, microeconomic and intraindustrial. In the internal environment of an enterprise, time allows you to synchronize the activities of its various departments with each other and with external activities.

Keywords: *time, time economics, information, cycle, functions, production, industry.*

JEL: D21, L20, A12, P00.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель Центра федеративных отношений и регионального
развития ФГБУН Институт экономики РАН

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ «КОНЦЕПЦИИ-2020» И РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается ряд положений Концепции-2020, касающихся попытки предопределить в этом документе стратегического планирования основные тренды пространственного развития российской экономики. Показано, что пространственный аспект перспективного видения в Концепции был представлен более скупой и менее конкретно, чем круг вопросов макроэкономического и отраслевого характера. В этой связи на фоне крупных очевидных провалов в достижении установок макроэкономического и социального характера степень реализации установок Концепции по проблемам пространственного развития констатировать значительно более сложно. В статье предпринята попытка оценить как позитивные, так и более проблемные ориентиры Концепции в сфере пространственного развития российской экономики и связь этих ориентиров с более поздними документами стратегического планирования, прежде всего со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.

Ключевые слова: Концепция-2020, стратегическое планирование, пространственное развитие; региональная политика, регионы России.

JEL: L51, R28.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_67_83.

Введение

Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года¹ (далее – Концепция) с полным основанием можно отнести к числу наименее удачных

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527.

попыток предвидеть и целенаправленно обеспечить долгосрочные приоритеты экономического и социального развития страны. Для иллюстрации этого тезиса достаточно сослаться только на несколько показателей. Так, Концепция предполагала выход российской экономики на траекторию долгосрочного устойчивого роста со средним темпом прироста ВВП около 6,4–6,5% в год. Фактически этот показатель (2008–2020 гг.) составил около 1%, а без учета особо сложного 2020 г. – только 1,2%. Согласно Концепции, доля инновационной продукции должна была увеличиться до 25–35% общего выпуска. Но фактически (данные 2019 г.) доля инновационных товаров, работ, услуг в объеме произведенных товаров, работ и услуг по Российской Федерации составила 5,3%, т. е. была даже ниже, чем на момент принятия Концепции (2007 г. – 5,5%). Это касается большинства других целевых индикаторов, включенных в Концепцию [1].

Характерно, что Концепция разрабатывалась и принималась на переломном для экономики России этапе, когда позитивный фон «тучных» лет начала 2000-х годов сменился достаточно долговременным трендом стагнации и падения ряда важнейших показателей [2]. В связи с этим сомнения в возможности сколько-нибудь полного достижения представленных в Концепции целевых индикаторов возникли практически сразу же после принятия этого документа [3].

К середине срока своего действия Концепция явно утратила характер рабочего документа для социально-экономического стратегирования и в функции целеполагания была заменена документами иного рода. Тем не менее, Концепция формально не отменялась и до «конца своих дней» находилась в базах правовой информации как действующий документ. При этом до последнего времени оставалась неясной ситуация с правовым статусом Концепции. С одной стороны, понятие «концепция» вообще не характерно для официальных документов регулятивной направленности, хотя содержательно по многим позициям Концепция, действительно, была близка к Стратегии социально-экономического развития. С другой стороны, документ диктовал необходимость федеральным органам исполнительной власти и исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации руководствоваться положениями Концепции при разработке программных документов, планов и показателей своей деятельности. Трудно сказать, решится ли Правительство РФ на «официальный» отчет об итогах реализации Концепции и анализ того, в какой мере ее положения были учтены «при разработке программных документов, планов и показателей своей деятельности». Однако мы полагаем, что такой отчет был бы крайне необходим, особенно с учетом нынешней ситуации неопределенности с подготовкой «базовой» Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г. и на последующую перспективу.

Дать исчерпывающий ответ на вопрос о реальных итогах реализации Концепции весьма затруднительно, поскольку за период ее действия существенно изменилась не только экономическая ситуация в стране. Существенно обогатилось все институционально-правовое «поле» социально-экономической политики государства. Был принят федеральный закон о стратегическом планировании²; утвержден большой блок документов стратегического планирования, включая и Стратегию пространственного развития Российской Федерации³. Неоднократно принимались и корректировались планы действий Правительства РФ. На заключительном этапе действия Концепции было принято два документа – два Указа Президента РФ⁴, сформировавших новый вектор целеполагания для российской экономики. Уловить тесную взаимосвязь между всеми этими документами, как в содержательном, так и в институционально-инструментальном плане, достаточно сложно. К тому же, как было отмечено выше, пока не дали результата попытки принять предусмотренную ФЗ №172 «базовую» Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации, которая формально могла бы стать преемником Концепции. Нельзя не учитывать и то, что заключительный год действия Концепции (2020 г.) характеризовался такими негативными социально-экономическими обстоятельствами, которые едва ли могли бы быть спрогнозированы более десяти лет назад.

Однако даже на негативном фоне оценки Концепции нельзя не видеть, что подготовка этого документа и анализ его итогов формируют определенный вклад в развитие теоретико-методологических основ и практики стратегического планирования, в т. ч. и в отношении регулирования пространственных характеристик национальной экономики [4; 5]. Тем самым создается возможность для последовательного более глубокого системного подхода к стратегированию трендов пространственного развития российской экономики и выявлению необходимых для их осуществления институтов и практических инструментов государственной политики регионального развития.

² Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.

³ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094.

⁴ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432; Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 424. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927.

Концепция-2020 в контексте проблем пространственного развития экономики России

Очевидный дисбаланс между раскрытием в Концепции отраслевых и пространственных проблем развития российской экономики на перспективу можно было бы объяснить давним, сохранившимся еще с советского периода отношением к пространственным аспектам экономической политики как важной, но все же второстепенной задаче. Однако экономические и социально-политические преобразования 1990-х годов, связанные, в частности, с переходом России от формального к реальному федерализму, придали вопросам пространственного развития качественно новое звучание. Пространственные пропорции развития производительных сил и их существенные изменения, по сути, обозначили себя как одна из наиболее значимых характеристик устойчивости и эффективности функционирования всего экономико-правового механизма федеративных отношений. К моменту принятия Концепции актуальность данного круга вопросов уже получила не только научное признание, но и подтверждение в документах официального характера.

Так, проблемы пространственного развития и региональной политики получили обстоятельное отражение в таком документе, как Указ Президента РФ об основных положениях региональной политики в Российской Федерации⁵. Несмотря на то, что действие данного документа формально прекращено, в нем, несомненно, наличествуют целевые установки, значимость которых сохраняется и сегодня. Документ не оперировал прямо понятиями «пространственного развития» или «пространственного регулирования», которые в нем сливались с проблематикой регионального развития и государственной политики в этой сфере. Однако в документе подчеркивалась значимость формирования в стране единого экономического, правового и даже этнокультурного пространства.

Два документа – Указ и Концепцию – разделяет достаточно длительный промежуток времени (12 лет). Однако действие Указа изначально не ограничивалось определенным сроком, и никаких иных документов по данному вопросу за данный период времени не принималось. Все это позволяло рассчитывать, что Концепция, как стратегический документ системного характера, воспримет наиболее важные положения Указа и раскроет возможности их практической реализации. Однако на деле этого не произошло. Прежде всего, обращает на себя

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 03 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации». government.ru/docs/all/18818.

внимание то, что в документе 1996 г. успех региональной политики государства во многом обуславливается последовательным развитием правовых и экономических основ федеративных отношений и системы местного самоуправления в стране. Далее, важнейшим принципом региональной политики государства декларировалась децентрализация власти путем закрепления за субъектами Российской Федерации возможно большего числа полномочий в сферах совместного ведения, а также усиление влияния населения на принятие решений федеральными органами государственной власти. Однако названный выше круг вопросов институционального характера в Концепции практически представлен не был [6], причем сложившаяся при этом модель «институционального нигилизма» стала характерной и для многих наших иных документов стратегического планирования.

Следует отметить и еще один очень важный момент. Указ 1996 г. ориентировал государственную политику пространственного регулирования на «сокращение чрезмерно глубоких различий в уровне социально-экономического развития регионов». Правда, какова эта «чрезмерность» и за какими рамками ее можно будет считать преодоленной, документ не пояснял. В известной степени этот вектор Указа 1996 г. позднее нашел свое раскрытие в таком документе, как Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)»⁶.

Здесь ставилась задача уменьшить различия в социально-экономическом развитии субъектов Федерации по уровню ВРП на душу населения с учетом покупательной способности и доходам на душу населения в 2 раза к 2010 г. и в 3 раза – к 2015 г. Однако специфика ситуации состояла в неопределенности выбранного параметра измерения названных различий (ВРП на душу населения с учетом покупательной способности и доходам на душу населения), а также в отсутствии в документе базового (текущего) значения этого параметра и, следовательно, всякой возможности отследить его динамику в дальнейшем. В итоге данная программа практически не осуществлялась, и ее действие было досрочно прекращено в 2006 г. [7; 8]. По крайней мере единственный позитив программы состоял в ясном понимании и утверждении того, что решение такой масштабной задачи пространственного регулирования, как сокращение межрегиональной экономической

⁶ Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально – экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)». www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=237835&dst=100009#006337571985004087. Распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2006 г. № 1454 реализация программы была завершена в 2006 г.

дифференциации, не может быть достигнутой только за счет какого-либо одного инструмента государственной политики регионального развития, а требует системных действий экономического, институционального и правового характера. Однако анализ показывает, что ни Концепция, ни какие-либо иные более поздние документы, так или иначе затрагивающие проблематику пространственного развития, выводов из неудачи с «программой выравнивания» не сделали.

Обращение Концепции к проблематике пространственного развития отличается двумя особенностями. Во-первых, оно содержательно очень ограничено, в частности, по сравнению с Указом № 803. Если Указ начинался с постановки ряда важных задач – реформирования российской модели федерализма и отношений местного самоуправления, то в Концепции эти вопросы были представлены, в лучшем случае, несколькими частными комментариями. Во-вторых, на общем фоне документа, изобилующем конкретными целевыми установками, ориентиры пространственного развития экономики России не подкрепляются какими-либо целевыми индикаторами. Действительно, по насыщенности и многообразию целевых показателей Концепция может считаться очевидным лидером среди всех разработок подобного рода, предпринятых в период российских социально-экономических реформ. Можно даже сказать, что составители Концепции находились в плену достаточно сильных оптимистических настроений и не учли истины: чем больше целевых индикаторов, тем сложнее отчитаться за их выполнение.

Однако проблема в том, что сфера количественно выраженных индикаторов, касающихся трендов пространственного развития российской экономики, в Концепции фактически сводится к нулю. Кроме того, от любого иного документа стратегического планирования Концепция заметно отличается отсутствием четко обозначенного сценарного варианта стратегирования. Приверженность «инновационному, социально ориентированному сценарию» развития российской экономики в документе постоянно фиксируется, но какие-либо возможные альтернативы этому сценарию, в т. ч. и вынужденные, не рассматриваются. Но если нет ясно выраженных альтернатив и условий их возникновения, то сам «сценарный подход» просто теряет всякий смысл. В итоге подобная негибкость перспективного видения, на наш взгляд, стала одной из главных причин того, что Концепция-2020 достаточно быстро утратила роль рабочего документа для социально-экономической политики государства, в т. ч. в региональном разрезе.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что Концепция полностью игнорировала пространственный или региональный аспекты перспективного социально-экономического развития. Напротив, в Концепции утверждалось, что одна из целей этого

документа – сформулировать «параметры пространственного развития российской экономики, цели и задачи территориального развития». Смысл целевого понятия «сбалансированное пространственное развитие» в Концепции определялось следующим образом: в стране сформируются новые территориальные центры роста, как в районах освоения новых сырьевых ресурсов, так и в традиционных регионах концентрации инновационного, промышленного и аграрного потенциала России; снизятся масштабы регионального неравенства; будет создана разветвленная транспортная сеть, обеспечивающая высокий уровень межрегиональной интеграции и территориальной мобильности населения. Хорошо заметно, что практически все позиции представлены здесь только в самом общем виде, не имеют четкой корреспонденции с понятием «сбалансированное пространственное развитие» и в плане реальной выполнимости оценены быть не могут.

В Концепции отмечалось, что одним из ключевых направлений ее реализации является переход к новой модели пространственного развития российской экономики. Под этим понималось решение таких задач, как формирование новых центров социально-экономического развития на базе развитой энергетической и транспортной инфраструктуры; создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий; сокращение дифференциации уровня и качества жизни населения на территории России с помощью мер социальной и региональной политики; укрепление системы стратегического управления региональным развитием; повышение комплексности и сбалансированности развития регионов и размещения производительных сил; повышение сбалансированности обязательств региональных и муниципальных властей и их финансовых возможностей. Из приведенных констатаций, также достаточно общего характера, не так просто уяснить, в чем суть предлагаемой в документе «новой модели пространственного развития российской экономики» и в чем конкретно ее отличия от «старой» модели, поскольку все перечисленные задачи многократно ставились и ранее.

Тем не менее за обилием общих слов, которыми в Концепции преимущественно оформлялись идеи пространственного развития российской экономики, в документе можно найти и некоторые важные положения, сохраняющие свою актуальность и в настоящее время. Концепция разделяла целеполагание при ее реализации на 2 этапа. При этом уже первому этапу (2008–2012 гг.) адресовалось решение такой задачи, как «снижение территориальной социально-экономической дифференциации до уровня, обусловленного объективными различиями регионов» (выделено нами – Е.Б.). Эту постановку мы полагаем

чрезвычайно важной. Найти ее в последующих официальных документах, касающихся проблем пространственного развития, нам не удалось, поскольку все они раз за разом лишь повторяли ритуальные заклинания на снижение территориальной социально-экономической дифференциации, без какого-либо намека на количественные и/или качественные признаки (параметры) этого снижения. В данном случае обнаруживается крупная проблема как научного, так и практического свойства, решение которой может обеспечить одну из основополагающих «рейперных точек» современной политики регионального развития в России. Однако для решения названной задачи недостаточно сформулировать, с той или иной мерой конкретности, задачу экономического выравнивания регионов. Необходимо обосновать основные институты и инструменты для ее решения. Вне этого мы неизбежно столкнемся с повторением неудачи с государственной программой 2001 г.

Особое значение в этой связи имеет практическая интерпретация и оценка раздела VII Концепции «Региональное развитие». В соответствии с документом предполагалось, что государственная политика регионального развития будет опираться на зоны опережающего экономического роста и систему долгосрочных (федеральных) целевых программ и их координацию с учетом определенных Концепцией перспективных направлений развития экономики регионов. Тезис, касающийся долгосрочных (федеральных) целевых программ, мы считаем очень важным и вернемся к нему позже.

Если оставить в стороне общие проблемы размещения производительных сил, где в самом документе все также сложно различить компоненты «новой» и «старой» модели пространственного развития, то наибольший интерес в этом разделе вызывает блок «Совершенствование системы государственного регионального управления». Между тем никаких четких ориентиров по развитию системы государственного и, тем более, муниципального управления, документ не включал, хотя и содержал ориентировку на повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, на усиление взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти. Однако и здесь неизбежно оставались «открытыми» некоторые весьма важные вопросы. Так, например, не ясно, как можно измерить эффективность государственного управления, в частности, по такой его компоненте, как политика регионального развития. Это касается и того, насколько вообще можно говорить в нашей стране о повышении эффективности государственного и муниципального управления вне четких представлений о развитии действующих институтов федерализма и местного самоуправления.

Концепция–2020 и новый этап стратегирования пространственного развития Российской Федерации

Как мы полагаем, основной смысл обращения к итогам реализации пространственных компонентов Концепции-2020 заключается в извлечении уроков и выводов для существенного совершенствования этого вектора социально-экономического стратегирования в стране. Ключевое значение здесь, безусловно, будет иметь радикальное обновление Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Если сравнить документы 2008 г. и 2017 г., то хотя первый и именуется «концепцией», на момент своего принятия вполне смотрелся как рабочая стратегия, а документ 2017 г., хотя и именуется «стратегией», на деле уже изначально оценивался экспертами как «концепция» или просто как «декларация о намерениях» [9; 10].

Конечно, Стратегия пространственного развития не формировалась как некое логическое продолжение Концепции-2020 в части проблематики регионального развития. Кроме того, принятию Стратегии пространственного развития предшествовали два других важных нормативно-правовых документа, в которых нашли отражение основные положения и порядок разработки Стратегии, а также мониторинга и контроля ее реализации. Речь идет о Постановлении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870⁷ и об Указе Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13⁸. Однако, как неоднократно отмечали эксперты [11], реальное влияние этих нормативно-правовых документов на Стратегию пространственного развития оказалось очень ограниченным. Многие положения этих документов не были учтены, т. к. реализовать их в указанной Стратегии в полной мере оказалось просто невозможным. Например, это касается положения Постановления № 870 о необходимости отразить в Стратегии механизмы ее реализации. Формально такой раздел в Стратегии наличествует, но его адекватность принципиальным установкам документа вызывает определенные сомнения, особенно в отношении институтов и инструментов федеральной политики регионального развития. Здесь в Стратегии явно не удалось добиться системности и взаимодействия институтов и инструментов этой политики, их целевой ориентированности на

⁷ Постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации». www.base.garant.ru/71170676/.

⁸ Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/.

решение конкретных задач пространственного регулирования и пр. Это касается и развития программных инструментов этого вектора социально-экономической политики государства. Как обоснованно отмечал П.А. Минакир, «...приходится констатировать, что стратегия пространственного развития по существу не имеет ни объекта, ни субъекта. В этих условиях разумно предположить, что речь идет о некоем желательном для государства образе (*vision*) российского пространства как инструмента для решения внутренних социально-экономических и геостратегических задач» [12, с. 15].

Так, выше мы уже отмечали важность положений Концепции-2020 относительно адекватного программного обеспечения целевых установок в сфере пространственного регулирования в экономике. Действительно, в ходе многочисленных обсуждений предварительных вариантов (проектов) Стратегии пространственного развития неоднократно высказывалась мысль о том, что принятие этого документа приведет к существенному расширению программного обеспечения государственной политики регионального развития, в частности, в рамках блока государственных программ «Сбалансированное региональное развитие». Однако на деле этого не произошло. Единственной программной новацией в данном случае стала государственная программа развития сельских территорий⁹. В отсутствие указаний на дополнительные государственные программы трудно предположить возможность комплексного решения проблем малых и моногородов России, системного учета особенностей различных по характеру «геостратегических» территорий России, практического запуска каких-либо преобразований в поселениях, включенных в обширный список «потенциальных точек» экономического роста. Обилие самых общих постановок и отсутствие программной «развертки» основных целевых задач Стратегии пространственного развития имеет и то негативное последствие, что невозможно исчерпывающе оценить «стоимость» Стратегии и, следовательно, дать разумительный ответ на вопрос: сколько «стоит» Стратегия и вообще, есть ли у государства средства, чтобы в полной мере реализовать ее в полном объеме и в установленные сроки.

Известной альтернативой программных инструментов осуществления задач стратегического характера в последние годы стали национальные (федеральные) проекты. Однако сфера их действия не имеет всеобъемлющего характера. Как подчеркивали Е.Б. Ленчук и В.И. Филатов, «вне рамок федеральных проектов осталось, по сути,

⁹ Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326085/.

два важнейших направления социально-экономического развития – инновационное развитие и модернизация экономики и сбалансированное региональное развитие» [13, с. 22].

В итоге в государственной политике регионального развития сформировался некий «институциональный разброс» с явным дефицитом системного, целеориентированного подхода. Сельским территориям, как было отмечено выше, адресуется государственная программа. Моногородам должен содействовать особый Фонд поддержки (сейчас передан в систему ВЭБа). Для малых городов нет ни программы, ни специального фонда; их поддержка осуществляется отдельными грантами из различных государственных программ и проектов, прежде всего социально-культурной направленности. Меры поддержки в отношении «геостратегических территорий» и «точек роста» также не имеют системной основы; даже нет четких представлений о том, должны ли эти «территории» и «точки» получить такую целевую поддержку от государства или в полной мере опираться на механизмы «саморазвития».

В еще большей мере Стратегия пространственного развития «отделилась» от положений Указа № 13, хотя, по сути, они описывают один и тот же объект и систему государственного регулирования. Например, в Указе № 13 достаточно обстоятельно были представлены вопросы совершенствования российской модели федерализма, прежде всего в контексте межбюджетных отношений, как одного из важнейших рычагов государственной политики регионального развития и ее воздействия на пространственную структуру экономики. А в Стратегии пространственного развития этому вопросу реального внимания уделено не было. Программный подход в обеспечении стратегически необходимых изменений институционального характера реализован не был, хотя программные новации по развитию федеративных отношений и российского местного самоуправления ныне более чем востребованы¹⁰.

Наконец, ждет своего часа и реализация одного из ключевых положений Концепции-2020 относительно снижения территориальной социально-экономической дифференциации до уровня, обусловленного объективными различиями регионов. Нельзя сказать, что акцент Концепции-2020 на проблему территориальной социально-экономической дифференциации был инициирован

¹⁰ Только в 2020 г. Президентом РФ В.В. Путиным была озвучена инициатива «начать разработку проекта новых Основ государственной политики в сфере развития местного самоуправления на период до 2030 года взамен аналогичного документа, принятого еще в 1999 г. (Заседание Совета по развитию местного самоуправления. www.kremlin.ru/events/president/news/62701).

наличием в этой сфере неких трендов алармистского характера. На самом деле за 10 лет, предшествовавших принятию этого документа (1998–2007 гг.), децильный коэффициент экономической дифференциации субъектов Федерации сначала возрастал (максимум в 2000 г.), а затем стал снижаться, вернувшись на уровень 1997–1998 гг. За период действия Концепции этот показатель также испытывал колебательные движения, но в целом в 2018 г. он оставался на уровне ниже 2000 г. (см.: [7] и расчеты к.э.н. А.В. Кольчугиной: [14]). Казалось бы, особых оснований для беспокойства в этом плане нет. Однако все документы, так или иначе затрагивающие проблемы пространственного развития, по-прежнему как заклинание повторяют ориентировку на снижение экономической дифференциации субъектов Федерации.

В этой связи в данном направлении сейчас просматриваются две равные по значимости и сложности задачи.

Первая состоит в том, чтобы найти тот самый уровень экономической дифференциации, который закономерно предопределен *«объективными различиями регионов»*. В конце концов исследования могут показать, что нынешний, в среднем вполне устоявшийся за 20 лет уровень такой дифференциации и является объективным по своей природе, и, следовательно, все призывы к «сокращению дифференциации» просто не имеют оснований. Кроме, того, как обоснованно отмечалось нашими учеными, неравномерность и диспропорции территориального развития могут выступать не только тормозом, но и стимулом экономического роста за счет действия фактора межрегиональной конкуренции [15].

Вторая задача состоит в том, чтобы в рамках общего механизма реализации Стратегии пространственного развития четко выделить тот круг институтов и инструментов, с которыми можно связать надежды на сокращение межрегиональной экономической дифференциации, если, конечно, доказано, что такое сокращение объективно возможно и необходимо [16].

В действующем варианте Стратегии пространственного развития с различной степенью конкретизации упоминается большой круг институтов и инструментов экономического регулирования, которые в различном сочетании и в разных условиях могут действовать как в сторону снижения межрегиональной экономической дифференциации, так и в сторону ее усиления. С этих позиций в Стратегии пространственного развития должны быть четко определены условия использования таких инструментов регулирования, как перспективные экономические специализации субъектов Федерации; статус «геостратегических» регионов России; порядок локализации и поддержки различных перспективных «точек» экономического роста.

Что касается качественного и количественного определения того уровня экономической дифференциации, который закономерно пре-
допределен «объективными различиями регионов», то пока эта задача нашей экономической наукой не решена. Не случайно, как было отмечено выше, после Концепции-2020 идея ориентации государственной политики регионального развития именно на такой уровень в официальных документах более не воспроизводилась. То, что высказывалось по этому поводу различными экспертами, носило, скорее, характер неких ориентиров, нежели решения этой задачи по существу. Предлагавшиеся при этом варианты подходов к разрешению данной проблемы можно классифицировать следующим образом: ресурсно-экономические подходы; финансово-бюджетные подходы и подходы, основанные на анализе социально-трудовых процессов.

Ресурсно-экономический подход основывается на том, что никакое выравнивание регионов не дается даром. В рамках этого подхода предлагается обоснование некоей «точки», за которой экономические издержки выравнивания будут превышать все возможные выгоды от дальнейшего сокращения межрегиональной дифференциации. Действительно, если не считаться с издержками, Магадан можно превратить в Сочи, но цена такого «выравнивания» будет неприемлемо высокой.

Финансово-бюджетный подход к решению проблемы оптимального уровня выравнивания исходит из того, что существует точка, при которой будет достигнуто максимально возможное самофинансирование субъектов Федерации с минимизацией функций финансового выравнивания со стороны федерального центра.

Подход, основанный на анализе социально-трудовых процессов, исходит из того, что желаемый и экономически приемлемый уровень сокращения межрегиональной экономической дифференциации будет характеризоваться сокращением или даже прекращением межрегионального перемещения трудовых ресурсов, связанного с нехваткой и/или низким качеством рабочих мест в отдельных регионах, с адекватным состоянием социальной инфраструктуры и пр.

Каждый из названных подходов имеет свои достоинства и недостатки.

Ресурсно-экономический подход представляется вполне убедительным, однако попытка перевести его в конкретные экономические расчеты неизбежно натолкнется на многие трудности. Кроме того, приходится считаться с тем, что преодоление межрегиональной дифференциации не является чисто экономической проблемой. Здесь в не меньшей мере задействованы факторы социально-политического характера, требования национальной и экономической безопасности России и пр. Именно поэтому требование по сокращению межрегиональной экономической дифференциации в настоящее время содер-

жится в двух основных действующих документах по безопасности Российской Федерации¹¹.

Финансово-бюджетный подход затрагивает наиболее «чувствительный» срез проблемы экономической дифференциации. Действительно, можно было бы предположить, что минимизация числа дотационных регионов с возможностью финансово-бюджетной обеспеченности и ресурсов «саморазвития» большинства других регионов будут свидетельствовать о том, что проблема экономической дифференциации утрачивает критическое значение. Однако и здесь есть «подводные камни». Они связаны с тем, что в действительности достижение финансово-бюджетной обеспеченности и ресурсов «саморазвития» для регионов связано не только с наращиванием их экономического и налогового потенциала, но и со степенью централизации доходов консолидированного бюджета страны. Именно этот механизм предопределяет сохранение в настоящее время большой группы так называемых «искусственно-дотационных субъектов Федерации». При этом пропорции межбюджетного распределения этих доходов могут достаточно быстро превращать дотационные регионы в финансово самостоятельные и наоборот.

Наконец, подход, основанный на анализе социально-трудовых процессов, исходит из того, что ясным сигналом к достижению экономически и социально обоснованного предела политики выравнивания является сокращение экономически мотивированной миграции трудовых ресурсов в направлении более качественных и высокооплачиваемых рабочих мест. Такой подход также имеет определенные основания, но его дезавуирует тот факт, что миграция трудовых ресурсов часто имеет не экономические, а социальные и даже чисто личностные причины.

Все это говорит о том, что задача о критериях оптимального уровня выравнивания российских регионов, поставленная еще в Концепции-2020, все еще находится в стадии научного осмысления, а ее решение может быть найдено только на основе сочетания нескольких методологических подходов.

Заключение

Оценка итогов реализации Концепции-2020 дает основания для многих выводов и рекомендаций практического характера, в т. ч. и в связи с задачами пространственного регулирования в российской

¹¹ Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. № 683. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/; Указ Президента РФ от 13 мая № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/.

экономике. Эти рекомендации должны найти отражение прежде всего в обновленном варианте Стратегии пространственного развития Российской Федерации, который, как мы полагаем, должен быть подготовлен уже с учетом положений «базовой» Стратегии социально-экономического развития страны. Ключевые ориентиры Стратегии должны получить развертку в виде системы государственных программ и проектов, что позволит не только сформировать логическую последовательность решения поставленных задач, но и определить их реальную стоимость для государства.

Новый вариант Стратегии должен отвечать требованиям достаточной конкретности основных положений документа и соответствующих ему целевых индикаторов. Во многом этом относится и к проблеме межрегиональной экономической дифференциации. В Стратегии должен быть не только воспроизведен тезис Концепции- 2020 относительно сокращения этой дифференциации до уровня, обусловленного объективными различиями регионов, но и показаны пути обоснования такого уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дегтярев В.А. Концепция-2020: неутешительные итоги / В сб.: Университетские чтения-2020. Пятигорский государственный университет. 2020. С. 100–104.
2. Бухвальд Е.М. «Концепция-2020» и уроки кризисного развития // Федерализм. 2020. № 2 (98). С. 5–19.
3. Шевченко А.А. Концепция-2020 и современные реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2009. № 4. С. 13–21.
4. Пичурин И.И. Обоснованность положений «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Теория и практика мировой науки. 2019. № 4. С. 2–5.
5. Семин А.Н., Пичурин И.И., Третьяков А.П. Концепция долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года: особенности и результаты реализации. М.-УрГЭУ, 2019.
6. Бренделева Е.А. Институциональные реформы в рамках Концепции-2020 // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3 (18). С. 28–31.
7. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 76–91.
8. Ртищев А.В., Русин В.Н., Касаев Б.С. Тенденции развития регионов и реализация Концепции-2020. М.: Институт экономики и предпринимательства, 2013. С. 96–99.
9. Ткаченко А.А. Стратегия пространственного развития России до 2025 года и приоритеты регионального развития / В сб.: Россия: тенденции и перспективы развития. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2020. С. 158–162.
10. Алиев А.Т., Суртаева О.С., Савельев А.В. Стратегия пространственного развития России: оценка перспектив реализации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 5. С. 53–57.

11. Рождественская И.А. Механизмы реализации Стратегии пространственного развития России: возможности и риски // Самоуправление. 2020. Т. 2. №1 (118). С. 348–351.
12. Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С.15.
13. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Совершенствование методологических подходов к формированию системы стратегического планирования в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 9–26.
14. Герасимова И.А. Тенденции экономического неравенства в Российской Федерации в 1995–2006 гг.: пространственный аспект // Концепции. 2009. № 1. С. 42–60.
15. Морошкина М.В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 4 (105). С. 297–310.
16. Глинский В.В., Серга Л.К. Регулируемая дифференциация как механизм устойчивого развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 638–657.

REFERENCES

1. Degtyarev V. A. Concept-2020: disappointing results // In the collection: University readings-2020. Pyatigorsk State University. 2020. Pp. 100–104. (In Russ.).
2. Buchwald E.M. "Concept-2020" and the lessons of the crisis development // Federalizm. 2020. No. 2 (98). Pp. 5–19. (In Russ.).
3. Shevchenko A.A. Concept-2020 and the modern realities // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. 2009. No. 4. Pp. 13–21. (In Russ.).
4. Pichurin I. I. Substantiation of the provisions of the "Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020" // Theory and Practice of World Science. 2019. No. 4. Pp. 2–5 (In Russ.).
5. Semin A. N., Pichurin I. I., Tretyakov A. P. The concept of long-term development of the Russian Federation for the period up to 2020: features and results of implementation. Moscow – Ural state university of economics. 2019. (In Russ.).
6. Brendeleva E.A. Institutional reforms in the framework of the Concept-2020 // Bulletin of MGIMO University. 2011. No.3 (18). Pp. 28–31. (In Russ.).
7. Bakhtizin A.R., Buchwald E.M., Kolchugina A.V. Leveling the regions of Russia: illusions of the program and the realities of the economy // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 1. Pp. 76–91. (In Russ.).
8. Rtischev A.V., Rusin V.N., Kasaev B.S. Regional development trends and implementation of the Concept-2020. M.: Institute of Economics and Entrepreneurship, 2013. Pp. 96–99. (In Russ.).
9. Tkachenko A.A. Strategy of spatial development of Russia until 2025 and priorities of regional development // In the collection: Russia: trends and prospects of development. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation, 2020. Pp. 158–162. (In Russ.).
10. Aliev A.T., Surtayeva O.S., Savelyev A.V. Strategy of spatial development of Russia: assessment of implementation prospects. 2020. Vol. 16. No. 5. Pp. 53–57. (In Russ.).
11. Rozhdestvenskaya I. A. Mechanisms of implementation of the Strategy of spatial development of Russia: opportunities and risks. 2020. Vol. 2. No. 1 (118). Pp. 348–351 (In Russ.).

12. Minakir P. A. "Strategy of spatial development" in the interior of the concepts of spatial organization of the economy. 2018. No. 4. P. 15. (In Russ.).
13. Lenchuk E.B., Filatov V.I. The Improvement of methodological approaches to the formation of the strategic planning system in Russia. 2020. No. 4. Pp. 9–26. (In Russ.).
14. Gerasimova I.A. The trends of economic inequality in the Russian Federation in 1995–2006: spatial aspect. 2009. No. 1. Pp. 42–60. (In Russ.).
15. Moroshkina M.V. Spatial development of Russia: regional disparities // Regionology. 2018. Vol. 26. No. 4 (105). Pp. 297–310. (In Russ.).
16. Glinsky V.V., Serga L.K. Regulated differentiation as a mechanism of the sustainable development // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2020. Vol. 222. No. 2. Pp. 638–657. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Buchwald Evgeny Moiseevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) Moscow, Russia
buchvald@mail.ru

SPATIAL ASPECTS OF "THE CONCEPT-2020" AND THE IMPLEMENTATION OF THE TARGETS OF THE REGIONAL DEVELOPMENT POLICY

The article considers a number of provisions of the Concept-2020 concerning the attempt to determine in this strategic planning document the main trends of the spatial development of the Russian economy. It's shown that in the Concept the spatial aspects of the perspective vision was presented more sparingly and less specifically than the range of issues of a macroeconomic and sectoral nature. In this regard, against the background of large obvious failures with the achievement of the goals of the macroeconomic and social character, the degree of implementation of the goals of the Concept on the problems of spatial development is much more difficult to state. The article attempts to assess both positive and more problematic guidelines of the Concept in the field of spatial development of the Russian economy and the relationship of these guidelines with more recent strategic planning documents, primarily with the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025.

Keywords: *Concept-2020; strategic planning, spatial development; regional policy, Russian regions.*

JEL: L 51; R28.

Л.И. ЦЕДИЛИН

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

КОНВЕРСИЯ И КОММЕРЦИЯ: ОПЫТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОПК РОССИИ

В статье рассматриваются причины неудачной конверсии оборонно-промышленного комплекса (ОПК) России конца 1980-х – начала 1990-х годов. Отмечается нечеткая постановка целей и задач конверсии, как процесса диверсификации НИОКР и производства, а также чрезмерная ориентация исследований и производств на технико-технологические параметры, задаваемые военными госзаказами. Показан недоучет требований рыночной экономики, в т. ч. в сфере финансирования НИОКР, экспорта вооружений и кредитного обеспечения ОПК.

Ключевые слова: конверсия, технологии двойного назначения, финансирование военных и гражданских НИОКР, экспорт вооружений, задолженность предприятий ОПК.

JEL: H56, O32, O38.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_84_96.

В настоящее время вновь становится актуальной тема конверсии предприятий оборонной промышленности. В современных отечественных публикациях, однако, речь идет не столько о конверсии как таковой, сколько об освоении предприятиями российского ОПК продукции гражданского назначения [1]. Подчеркивая насущную потребность в диверсификации российской «оборонки», авторы отмечают тот факт, что успехи в этой области скорее единичные и весьма скромные, не позволяющие говорить о благоприятной в целом тенденции. Во всяком случае примеры успешности стратегий диверсификации взяты в основном из практики западных стран и Китая. В настоящей работе предлагается рассмотреть ряд соображений экономико-политического характера. Речь идет о следующих проблемах:

- формулировка целей и задач конверсии – диверсификации;
- анализ технологий двойного назначения и вопросов финансирования НИОКР;
- экономические аспекты экспорта вооружений;
- проблемы собственности и мотивация предприятий ОПК;
- кредитная задолженность в сфере ОПК.

Конверсия конца 1980-х – начала 1990-х годов: неудача и ущерб для ОПК?

В целом трудно не согласиться с теми авторами, которые отвечают на этот вопрос утвердительно [1; 2]. Задуманное преобразование оборонно-промышленного комплекса по большей части не удалось. Главное, не удалось существенно повысить его окупаемость на основе коммерциализации как результатов НИОКР, так и собственно производства. Следует, однако, признать, что подобная задача – повышение самоокупаемости и коммерциализация производственной деятельности – перед реформируемым ОПК со всей определенностью и не ставилась, хотя, вероятно, подразумевалась. Судя по всему, цели конверсии были восприняты чисто «технократически», как сворачивание военных производств и выпуск на освободившихся площадях гражданской продукции. При этом экономический смысл преобразований, похоже, потерялся.

Между тем необходимость сокращения затрат на производство военной продукции и конверсии предприятий оборонно-промышленного комплекса была достаточно очевидна, поскольку диктовалась сложившимися экономическими и внешнеполитическими условиями. Как известно, в результате резкого падения мировых цен на энергоносители в конце 80-х годов катастрофически сократились доходы бюджета. Соответственно, сокращение государственных расходов, в том числе на производство вооружений, стало неизбежным. Кроме того, РФ «унаследовала» многомиллиардный внешний долг. При этом внешние активы в форме задолженности ряда стран, в основном развивающихся, перед СССР оказались почти что фикцией. Долги этих стран, образовавшиеся за счет поставок им вооружений, до сих пор приходится списывать как невозвратные.

Конверсия конца 80-х – начала 90-х годов не устранила большую часть проблем оборонного комплекса, накопившихся в период так называемого застоя, но тем не менее вскрыла многие из них. В частности, выяснилось, что оборонный заказ зачастую выдавался на морально и технически устаревшую и даже ненужную продукцию. Руководители отраслей и предприятий ценились за умение «выбить» бюджетные средства, без остатка освоить их и удачно отчитаться. Должностные лица, отвечавшие за НИОКР и производство, были твердо убеждены в том, что цена на их продукцию predetermined плановой себестоимостью и не может быть предметом торга. В действительности же если выпускаемая предприятиями ОПК бытовая техника оказывалась в 2–3 раза дороже имевшихся на рынке аналогов, то в конечном итоге это объяснялось не столько технико-технологическими особенностями оборонных производств, сколько их исключительной ориентацией на

советское директивное планирование, неприятием и даже отторжением рыночных реалий.

Директивное планирование в форме оборонных заказов, по существу, сохранилось в этой сфере до сих пор. Оборонные предприятия зависят от этих заказов в определяющей степени. А это значит, что «рыночные сквозняки», как и прежде, будут восприниматься ими, как вредные и даже пагубные для здоровья отрасли. Попытка конверсии, таким образом, действительно завершилась неудачей: ОПК продолжил свое существование вне рыночной экономики.

Технологии двойного назначения – драйвер диверсификации?

Использование военных технологических наработок в гражданской сфере представляется едва ли не основным вкладом ОПК в развитие национальных экономик в мирное время. В ряде статей приводятся убедительные примеры использования технологий двойного назначения. Правда, взяты они в основном из практики оборонных комплексов США и других западных стран, а также Китая. Отмечается, в частности, что в результате использования соответствующих технологий доля товаров гражданского назначения в КНР достигла 80% [3]. В то же время в ходе российской конверсии первой половины 1990-х годов было «утрачено», как утверждает в статье в «Военно-промышленном курьере (ВПК)», примерно 300 современных технологий. При этом около половины из них предусматривали разработку и производство продукции двойного и чисто гражданского назначения [4]. Автор упомянутой статьи не задается, однако, простым вопросом: почему эти «двойные» технологии так и не использовались предприятиями ОПК для выпуска гражданской продукции? Не потому ли, что при тотальном государственном финансировании заинтересованность в производстве в иных целях, кроме военных, и не может возникнуть?

Ссылки на советский опыт успешной технологической конверсии [1; 4], на наш взгляд, несостоятельны. Трудно назвать достойным упоминания пример передачи в гражданскую сферу наработок двойного назначения и дальнейшего успешного использования их в мирных целях. Во-первых, технологии военного производства непременно «секретились», что попросту исключало их применение на «гражданских» предприятиях. Во-вторых, при отсутствии рыночных стимулов оборонные предприятия воспринимали производство гражданской продукции скорее как ненужное обременение.

В то же время имели место случаи изъятия из гражданской сферы самых перспективных технологий и безвозвратной передачи их для промышленного освоения предприятиями ОПК с последующим

использованием в узкоспециализированных целях. Так произошло, например, с «радиофоном» Л. Куприяновича. Мало кому известно, что система мобильной связи была придумана и впервые опробована в СССР, а не в США. В 1961 г. советский инженер Леонид Куприянович продемонстрировал самодельный карманный мобильный телефон весом всего 70 г. Изобретение было востребовано и использовано, но исключительно в качестве средства специальной связи. Производство «радиофонов» было освоено на оборонном предприятии Воронежа в виде системы УКВ радиотелефонной связи «Алтай- 1». Она обслуживала по всей стране около 1000 номенклатурных абонентов [5]. В качестве средства специального назначения для узкого круга в СССР использовалась и другая отечественная разработка – система автоматического определения номера абонента (АОН). Она тоже стала доступной массовому потребителю лишь с приходом на рынок импортных систем связи.

В настоящее время НИОКР военного и гражданского назначения финансируются в рамках одной статьи бюджета, что вряд ли способствует диверсификации ОПК и широкому использованию в гражданской сфере технологий двойного назначения. Безусловный приоритет прежде всего отдается финансированию военных НИОКР.

Следует отметить, что в отличие от всех стран с высоким уровнем технологического развития в России государственные расходы на НИОКР значительно превосходят частные инвестиции в эту сферу. В РФ доля государства в общих расходах на НИОКР составила в 2018 г. 67,0%, тогда как в Японии – 15,0% (2017 г.), а в КНР – 19,8% (2017 г.). Из европейских стран наиболее высокая доля госрасходов в Италии – 35,2% (2016 г.) [6].

В РФ вложения в гражданскую науку составляют менее половины от общего объема инвестиций в науку и исследования. Так, в 2019 г. из 1019,2 млрд руб., израсходованных в России на все НИОКР, на гражданские исследования и разработки было затрачено 416,3 млрд руб., или 41% [7, с. 19,84]. В Германии, например, расходы на военные НИОКР уступают расходам на гражданские примерно в 20 раз (подсчеты автора на основе данных статистики ФРГ за 2017 г.) [8; 9]). Значительный перевес ассигнований на НИОКР военного назначения находит косвенное подтверждение в структуре затрат по областям науки. В 2017 г. из общей суммы инвестиций в НИОКР на технические науки приходилось 74,5%, что совершенно нехарактерно для страны с высоким уровнем развития современных технологий. При этом доля естественных наук в затратах на науку в России составила 16,3%, медицинских – 3,7%, сельскохозяйственных – 1,5%, общественных и гуманитарных – 2,6% и 1,3% соответственно [7, с. 108].

В то же время, например, в Германии в структуре расходов на науку явно преобладают естественные науки – на них приходится 42,4% рас-

ходов. На технические науки приходится 28%, на медицину – 10,4%, на сельскохозяйственные науки – 4,8%, на общественные и гуманитарные науки – 6,2% и 6,9% соответственно [8].

В России для создания своего рода смычки между военными и гражданскими сферами НИОКР и для выявления возможностей «двойного» использования технологий некоторые разработки военного назначения направляются на экспертизу в Российскую академию наук. Об одном из таких случаев рассказал Президент РАН Александр Сергеев на Общем собрании членов РАН. По его словам, в техническом задании, присланном на отзыв в академию, излагалось, как правильно держать пистолет определенной марки и как из него стрелять. Президент заметил по этому поводу: «Я не хочу сказать, что на это не надо тратить средства. Но не пишите, что это наука» [10].

Особенности экспорта вооружений

Многие авторы, специализирующиеся на военно-промышленной проблематике, считают ВПК одной из передовых отраслей, обеспечивающих большую часть технологичного экспорта России. Причем российский экспорт вооружений оценивается как второй в мире после американского по стоимостному объему [11]. Подобные качественные и количественные оценки не всегда подкрепляются статистическими данными и глубоким экономическим анализом.

Прежде всего следует отметить значительную разницу в оценках доли России в мировой торговле оружием, а также и стоимостного объема российского экспорта вооружений. В отечественных публикациях значения этих показателей имеют слишком большой разброс. Так, доля РФ в мировом экспорте оружия колеблется от почти $\frac{1}{3}$ (27%) [12; 13] до $\frac{1}{7}$ [14]. Показатели стоимостного объема экспорта оружия из России, которые приводятся в разных источниках, также отличаются друг от друга. Наиболее часто в отечественных источниках встречается объем продаж, заявленный в российском Центре анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО, Россия), – 14,144 млрд долл. (данные 2018 г.). Экспорт США ЦАМТО оценивает на уровне 38,775 млрд долл. Несколько иные данные приводятся в зарубежных источниках. Так, согласно исследованию Стокгольмского института SIPRI (на него ссылается и Bloomberg США), объем американских поставок оружия составил в 2018 г. 55,6 млрд долл., что на 33% больше, чем в 2017 г. Объем российского экспорта, согласно Bloomberg, руководствующегося данными заместителя председателя правительства России по вопросам оборонно-промышленного комплекса Юрия Борисова, стабилизировался на уровне 15 млрд долл. [15].

Следует также отметить, что не весь российский экспорт вооружений засчитывается в международной статистике как высокотехнологичный. По данным Всемирного банка, российский экспорт высокотехнологичной продукции в 2018 г. составил 10 183,0 млн долл. Россия по этому показателю уступила ряду стран ЕС, в том числе Польше (22 236,8 млн долл.) и Венгрии (18 033,5 млн долл.), которые не занимаются экспортом оружия. Рекордсменом по поставкам высокотехнологичной продукции стала в 2018 г. Германия (209 610,2 млн долл. – это в 20 раз больше, чем у РФ), опередившая США (156 365,5 млн долл.) [16].

Что касается соучастия экспорта вооружений в окупаемости российских расходов на оборону, оценки могут быть столь же различными, как и оценки самого объема этого экспорта. Во всяком случае следует принимать во внимание, что условия поставок оружия – и не только из России – во многом предопределяются геополитическими, а не сугубо прагматическими и коммерческими мотивами. При этом очень часто оружие поставляется в кредит с большой отсрочкой платежа и длительными сроками погашения. Долги, как выше упоминалось, нередко прощаются. В оплату принимаются товары местного производства, последующий сбыт которых перекалывается на поставщика-кредитора. Однако главная трудность при определении вклада экспорта вооружений в окупаемость ОПК заключается в том, что сложно судить об экономической эффективности российского оборонного экспорта, поскольку неизвестны приведенные затраты, требуемые для производства поставляемой военной продукции.

Проблемы мотивации и проблемы собственности

Восстановление российского ОПК после неудачной конверсии конца 1980-х – начала 1990-х годов происходило исключительно за счет увеличения госзаказа на оборонную продукцию и образования под эти цели крупных государственных концернов. При этом, как отмечалось, собственно экономические проблемы, накопившиеся еще в советский период, не только не были решены, но и не были объективно проанализированы. ОПК вернул утраченные позиции благодаря огромным бюджетным ассигнованиям, выделенным для перевооружения практически всех родов войск. Важность этой программы невозможно отрицать: технико-технологическое отставание российских вооруженных сил показали практически все конфликты, в которых они были задействованы. Однако модернизация военной техники на основе современных технологий не сопровождалась модернизацией в сопряженных гражданских отраслях. И судя по приведенным выше данным, «военно-гражданской интеграции» не происходит. У концернов и предприятий ОПК, благодаря обильным государственным

инвестициям, не возникает необходимости в поиске иных источников «добывания» средств. К тому же первоначальный конверсионный опыт показал, что нет ничего выгоднее и удобнее госзаказов, и рыночные сделки его определенно заменить не могут.

Госзаказ, помимо прочего, предполагает массовое производство и невостребованной продукции, невзирая на коммерческую конкуренцию зарубежных аналогов. Сопоставляются в основном технико-технологические показатели образцов, тогда как экономические показатели играют второстепенную роль: отечественное производство на государственных предприятиях при выдаче госзаказа всегда в особом и безусловном приоритете.

Вместе с тем масштабы государственного финансирования государственных предприятий все же не могут быть безграничными. Они предопределяются, во-первых, размерами госбюджета, т. е. в конечном счете поступлениями от налогов. Во-вторых, потребностями военных модернизаций. ОПК может содействовать росту поступлений в бюджет, способствуя увеличению выпуска гражданской продукции, пользующейся платежеспособным спросом и приносящей прибыль. В любом случае, независимо от продвижения по пути конверсии, обязательным требованием должна быть экономическая оптимизация деятельности концернов и предприятий ОПК. Здесь также актуален принцип любой хозяйственной деятельности – когда не получается достаточно заработать, надо экономить. Если же сохраняется, невзирая ни на что, статус-кво обильного государственного финансирования, то приходится прилагать максимум усилий для обоснования роста расходов. Масштабные военные модернизации должны следовать одна за другой, и экономика остается заложницей гонки вооружений.

В ряде публикаций по проблематике ОПК делается акцент на принципиальных отличиях зарубежных предприятий, выпускающих военную продукцию, по сравнению с нашими отечественными предприятиями. В странах с развитой военной индустрией доходы предприятий от выпуска гражданской продукции, как правило, превышают «военную долю». При этом дается ссылка на опыт США и Франции [1; 17]. Но еще более интересен опыт Китая, где военно-промышленные корпорации получают технологии для своих нужд в основном от негосударственных компаний, т. е. частное финансирование НИОКР явно доминирует, в отличие от подхода, практикуемого в России. Доля товаров гражданского назначения в валовой продукции оборонных предприятий КНР выросла с 1980 по 2000 гг. с 10 до 80% [3].

Форма собственности концернов – поставщиков технологий для ОПК Китая имеет, на наш взгляд, принципиальное значение. Компании-разработчики изначально заинтересованы в коммерческом успехе своих инноваций, и они не могут перекладывать на государ-

ство риски возможных потерь. В практике российского ОПК контуры частно-государственного партнерства такого рода пока только намечаются. Во всяком случае, в условиях сокращения госзаказа и уменьшения покупательной способности стран – потребителей российских вооружений задача существенного повышения эффективности менеджмента и оптимизации самой структуры собственности в оборонном комплексе становится актуальной, как никогда прежде. Возможно, именно поиском путей оптимизации объясняются, например, структурные преобразования, происходящие в настоящее время в концерне «Калашников» [18].

ОПК России: выживание или развитие?

Российский оборонный комплекс определенно справляется с задачей технико-технологического переоснащения вооруженных сил России, и в этом плане он нисколько не уступает оборонным экономикам стран-конкурентов. Однако, к сожалению, он явно проигрывает им конкуренцию по экономическим параметрам. Модернизация в оборонном секторе осуществляется почти исключительно за счет госбюджета, она не сопровождается мультиплицирующим эффектом от внедрения специфических технологий в гражданской сфере и не содействует в целом росту производительности в «гражданских» секторах. Поэтому – в чисто экономическом смысле – военная модернизация представляется нам уже не драйвером, а скорее, обременением для народного хозяйства в целом. В отличие от оборонных комплексов стран-конкурентов, ОПК России, по существу, так и не удалось встроиться в рыночную экономику. В особенности это относится к сфере военных НИОКР, которая в России так и не привыкла зарабатывать на рынке и по-прежнему, как в советский период, ориентируется на государственное финансирование. Превалирование «государственного» в данном случае не предполагает успеха в соревновании по эффективности. Преобладание же частных компаний в НИОКР и частного финансирования науки и техники в странах-конкурентах предопределяет, на наш взгляд, более высокую экономическую конкурентоспособность и «состоятельность» военных секторов экономик США, Китая и ряда европейских стран по сравнению с российским ВПК.

Между тем экономические показатели развития оборонного комплекса России приобретают в настоящее время едва ли не первостепенную значимость. В июле 2019 г. было объявлено о сумме накопленной кредитной задолженности этой сферы в размере 2 трлн руб., что занимает в российской экономике четвертое место – после сферы банковских услуг (3,9 трлн руб.), оптовой торговли (2,8 трлн руб.) и операций с недвижимостью (2,7 трлн руб.) [19]. Однако занимающие первые три

строчки сферы давно сориентированы на рынок и вполне коммерциализированы, а их текущая задолженность не столь опасна, как долги ОПК, главным источником погашения которых станет госбюджет.

В конце 2020 г. вице-премьер Ю. Борисов констатировал, что путем докапитализации предприятий ОПК было списано 350 млрд «токсичных» активов, была реструктурирована задолженность на 250 млрд руб., и имеется резерв еще на 150 млрд руб. Таким образом, в общей сложности предприятия ОПК будут избавлены от кредитной задолженности на сумму 750 млрд руб. При этом их кредитная задолженность к концу 2020 г. составила уже около 3 трлн руб. [20]. Следует отметить для сравнения, что совокупный бюджет силовых ведомств, включая расходы на оборону, в 2021 г. планируется на уровне 3,2 млрд руб. [21]. С указанной суммой кредитной задолженности ОПК (3 трлн руб.) можно сравнить, например, затраты на московскую реновацию в течение 15 лет – 3,5 трлн руб. [22], а сумму списанных и реструктурированных долгов ОПК можно сопоставить с суммарным объемом дотаций госбюджета всем регионам России в 2020 г. – 717,9 млрд руб. [23].

В декабре 2020 г. Ю. Борисов отмечал, что доля гражданской продукции в совокупном объеме оборонной промышленности России в 2025 г. составит 30%, а в 2030 г. – 50%. Однако, на наш взгляд, подобная постановка задачи вновь предполагает сугобо технократический подход к ее решению. Речь вновь не идет об окупаемости затрат и о повышении экономической эффективности вложений. Само по себе производство гражданской продукции наряду с военной не решает проблему роста задолженности: известно, что «на склад» можно производить не только танки, но и вагоны [24]. Кроме того, есть основания полагать, что задача увеличения доли гражданской продукции будет решаться путем привлечения дешевых кредитов государственного банка и выдачи «предписаний» по закупкам отечественного оборудования.

Обобщая сказанное, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Модернизация оборонного комплекса России предполагает не столько технико-технологический подход, сколько ориентацию на экономические показатели и результаты. Перед ОПК должна быть поставлена задача существенного повышения степени окупаемости вложений, а также экономии выделяемых государственных средств.

2. Опыт ряда других стран свидетельствует о возможности совмещения требований повышения коммерциализации оборонного комплекса и выполнения задач по модернизации вооруженных сил. Для этого необходимо постоянно согласовывать постановку производственных задач с вызовами и потребностями рыночной экономики.

3. Коммерциализация деятельности оборонных научно-производственных комплексов предполагает коренное изменение отношения к используемым технологиям и разработкам. Оптимальным было бы практикуемое в ряде стран, например, в Китае, такое видение роли и места НИОКР военного назначения, при котором в основе развития военных технологий лежат передовые технологические достижения в гражданских сферах, т. е. предполагается первичность их гражданского назначения и возможность их коммерческой реализации.

4. Весьма важным представляется повышение ответственности менеджмента за экономические показатели предприятий оборонной отрасли, для чего следует провести определенные изменения в структуре собственности сектора ОПК.

5. Принимаемые в рамках прежней парадигмы меры сами по себе не снимают проблему повышения эффективности ОПК. Без серьезной реформы, включая основательную санацию производств и их диверсификацию, переориентацию на окупаемость затрат, государственные предприятия и концерны ОПК обречены в лучшем случае на существование за счет госбюджета, чем лишь осложняется поступательное всестороннее развитие данной отрасли. Отечественный ОПК может и должен добиваться успехов не только в технико-технологическом соревновании, но и в международной конкуренции по эффективности научно-производственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власкин Г.А. Диверсификация ОПК как приоритетное направление построения высокотехнологичной отечественной промышленности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. №5. С. 97–113.
2. Харалужный А. Реформы российского ВПК в 90-е годы: конверсия или диверсия? // Военное обозрение. 15.10.2020. topwar.ru/176100-reformy-rossijskogo-vpk-v-90-e-gody-konversija-ili-diversija.html.
3. Каменнов Б.П. Китайский военно-промышленный комплекс при Си Цзиньпине // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. №5. С. 135–151.
4. Чичкин А. Мечи на орала // Военно-промышленный курьер. 6–12 марта 2018 г. www.vesvks.ru/public/flippingbook/vpk92018/20/assets/basic-html/page1.html.
5. Мищецкий В. Радиофон Куприяновича // Совершенно секретно. 2016, июнь. № 6/363.
6. Источники финансирования исследований и разработок: 2018 г. // Наука. Технологии. Инновации. НИУ ВШЭ. Институт статистических исследований и экономики знаний. Вып. 28.11.2019.
7. Индикаторы науки. Стат. сб. Министерство науки и высшего образования РФ. Федеральная служба государственной статистики. НИУ Высшая школа экономики. М., 2019.

8. Interne Forschungs- und Entwicklungsausgaben des Staatssektors https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/_Grafik/_Interaktiv/forschung-entwicklung-staatssektor.html.
9. Verteidigungshaushalt. www.bmvg.de/de/themen/verteidigungshaushalt.
10. Президент РАН пожаловался на утечку денег к проектам, которые лишь прикрываются наукой // ТАСС. 29.11.2019. nauka.tass.ru/nauka/7227949.
11. Россия сохранила второе место по экспорту вооружений // РИА Новости. ria.ru/20200127/1563946086.html.
12. Ремизов М. Диверсификация ОПК: миссия выполнима // Стимул: Журнал об инновациях в России. 2018, 27 апр. stimul.online/articles/analytics/diversifikatsiya-opk-missiya-vypolnima.
13. Мировой рынок вооружений. Экспорт. yandex.ru/search/?lr=10743&text=доля%20россии%20в%20экспорте%20оружия&src=suggest_Pers.
14. Диаграмма АиФ: Первая пятерка в мировом рейтинге стран - экспортеров оружия за 2018 г. yandex.ru/images/search?text=доля%20россии%20в%20экспорте%20оружия%202019&lr=10743&pos=25&img_url=https%3A%2F%2F
15. Bloomberg (США): в мировой торговле оружием Трамп одерживает победу, Путин проигрывает. inosmi.ru/politic/20190313/244734318.html.
16. High-technology exports (current US\$). data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD.
17. Попков Д.В., Коцюбинский В.А. Производство высокотехнологичной продукции гражданского назначения в ОПК России до 2030 года // Инновации. 2017. № 8 (226). С. 10–16.
18. Песня о купце «Калашникова». Новым владельцем концерна стал Алан Лушников // Коммерсант. № 203. 06.11.2020.
19. Почему российскому ОПК потребовалось списание 700 млрд руб. кредитов // РБК. 08.2019 г. www.rbc.ru/economics/08/07/2019/5d2320289a7947771c7d26ea.
20. Борисов Ю. РБК: я не дипломат, я должен готовиться к худшему. www.rbc.ru/interview/society/21/12/2020/5fcdc8e669a7947043ec1fe49.
21. Рашкин В. депутат Государственной Думы. «Каждому свое». Блог от 14.10.2020. echo.msk.ru/blog/v_rashkin/2725222-echo.
22. На свои деньги. Сколько стоит программа реновации в столице? rg.ru/2017/05/17/reg-cfo/skolko-stoit-programma-renovacii-v-stolice.html.
23. Дотации регионам России- 2020. fincan.ru/articles/117_dotacii-regionam-rossii-2020/.
24. Уралвагонзавод не нашел покупателей вагонов на 2021 г. www.rbc.ru/business/14/10/2020/5f7ca2349a794715e8f042c5.

REFERENCES

1. Vlaskin G.A. Diversification of the defense industry as a priority area for building a high-tech domestic industry. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. № 5. P. 97–113. (In Russ.)
2. Kharaluzhny A. Reforms of the Russian military-industrial complex in the 90s: conversion or sabotage? // Military review. 15.10.2020. topwar.ru/176100-reformy-rossijskogo-vpk-v-90-e-gody-konversija-ili-diversija.html. (In Russ.)
3. Kamennov B.P. The Chinese military-industrial complex under Xi Jinping. // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2017. Vol. 10. No. 5. (In Russ.)

4. Chichkin A. Swords on plowshares. Military-industrial courier. 2018. March, 6–12. www.vesvks.ru/public/flippingbook/vpk92018/20/assets/basic-html/page1.html. (In Russ.)
5. *Mishchetsky V.* Kuprianovich's radiophone // Top secret. 2016. June. No. 6/363. (In Russ.)
6. Sources of research and development funding: 2018 Science technology innovation. Higher School of Economics. Institute for Statistical Research and Knowledge Economics. Issue 28.11.2019. (In Russ.).
7. Indicators of science. Statistical collection. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Federal State Statistics Service. Higher School of Economics. Moscow, 2019. (In Russ.).
8. Internal research and development expenditure of the Staatssektorshttps. Statistical Bundesamt. www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/_Grafik/_Interaktiv/forschung-entwicklung-staatssektor.html. (In German.).
9. Defense budget. <https://www.bmvg.de/de/themen/verteidigungshaushalt>. (In German.).
10. The President of the Russian Academy of Sciences complained about the leakage of money to projects that are only covered by science. TASS 29.11.2019. nauka.tass.ru/nauka/7227949. (In Russ.).
11. Russia retained the second place in terms of arms exports. RIA Novosti. ria.ru/20200127/1563946086.html. (In Russ.).
12. *Remizov M.* Diversification of the defense industry: the mission is feasible// Stimul: A magazine about innovations in Russia. 2018, 27 Apr. stimul.online/articles/analytics/diversifikatsiya-opk-missiya-vypolnima. (In Russ.).
13. The global arms market. Export. yandex.ru/search/?lr=10743&text=доля%20россии%20в%20экспорте%20оружия&src=suggest_Pers/. (In Russ.).
14. AIF chart : Top five in the world ranking of arms exporting countries for 2018. yandex.ru/images/search?text=доля%20россии%20в%20экспорте%20оружия%202019&lr=10743&pos=25&img_url=https%3A%2F%2F. (In Russ.).
15. Bloomberg (USA): In the global arms trade, Trump wins, Putin loses. inosmi.ru/politic/20190313/244734318.html. (In Russ.).
16. High-technology exports (current US\$). data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD.
17. *Popkov D.V., Kotsyubinsky V.A.* Production of high-tech civil products in the defense industry of Russia until 2030 // Innovation. 2017. No. 8 (226). Pp. 10–16. (In Russ.).
18. The song about the merchant “Kalashnikov”. Alan Lushnikov became the new owner of the concern// Kommersant. 6.11.2020. (No. 203). (In Russ.).
19. Why the Russian defense industry needed to write off 700 billion rubles of loans. RBC 08.2019. www.rbc.ru/economics/08/07/2019/5d2320289a7947771c7d26e. (In Russ.).
20. *Borisov Y.* RBC: I'm not a diplomat, I have to prepare for the worst. www.rbc.ru/interview/society/21/12/2020/5fdc8e669a7947043ec1fe49. (In Russ.).
21. Valery Rashkin, Deputy of the State Duma. “To each his own”. Blog from 14.10.2020. echo.msk.ru/blog/v_rashkin/2725222-echo. (In Russ.).
22. With your own money. How much does the renovation program in the capital cost? rg.ru/2017/05/17/reg-cfo/skolko-stoit-programma-renovacii-v-stolice.html. (In Russ.).
23. Subsidies to the regions of Russia in 2020. fincan.ru/articles/117_dotacii-regionam-rossii-2020. (In Russ.).
24. Uralvagonzavod did not find buyers of cars for 2021. www.rbc.ru/business/14/10/2020/5f7ca2349a794715e8f042c5. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Tsedilin Leonid Ivanovich – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
lcedilin@yandex.ru

CONVERSION AND COMMERCE: TRANSFORMATION EXPERIENCE
AND DEVELOPMENT PROSPECTS FOR RUSSIA'S DEFENSE AND INDUSTRIAL
COMPLEX

The article examines the reasons for the unsuccessful conversion of the Defense and Industrial Complex (The Defense Industry) of Russia in the late 80s – early 90s. There is a fuzzy statement of goals and objectives of conversion as a process of diversification of R&D and production, as well as an excessive focus of research and production on technical and technological parameters, set by military government orders. An underestimation of the requirements of a market economy is shown, including in the field of R&D financing, arms exports and credit support for the defense industry.

Keywords: *conversion, dual-use technologies, financing of military and civil R&D, arms export, debt of military-industrial complex enterprises.*

JEL: H56, O32, O38.

З.Р. ХАБИБУЛЛИНА

ведущий научный сотрудник
Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте

ОТ КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА – К ЧЕЛОВЕКУ НООНОМИКИ

В тексте представлены основные положения развиваемой С.Д. Бодруновым теории ноономики с акцентом на движении от креативного работника к человеку ноономики. Подчеркивается, что контуры нового технологического пространства (в терминологии С.Д. Бодрунова – ноономики) будут достижимы только в ходе прогрессивного развития творческих качеств человека, а сам человек одновременно будет олицетворяться как отправная точка и конечный результат глобальных цивилизационных трансформаций. Проведено сопоставление «ноономики» с «третьей промышленной революцией» (Дж. Рифкин) и «четвертой промышленной революцией» (К. Шваб) в виде системы шагов на пути теоретического познания. Обосновано, что качественные изменения, происходящие между креативным работником и владельцем капитала в современном производственном процессе, могут стать переходным этапом к формированию в будущем ноопроизводства, а интеллектуальная творческая энергия человека – проводником к построению качественно новой модели развития общества.

Ключевые слова: человек, творческий процесс, креативный работник, экономическая эволюция, целеполагание, ноопроизводство, технологическая трансформация, социально-экономическая система, ноономика, третья промышленная революция, четвертая промышленная революция.

JEL: B41, D63, F66, J01, J24, P46.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_97_106.

Современное общество и мировая хозяйственная система непрерывно меняются. Эти изменения настолько быстротечны, что, вторгаясь практически во все сферы общественной жизни, подвергают качественной трансформации ставшие для нас, казалось бы, привычными многие явления и процессы. Среди наиболее заметных и обсуждаемых изменений последних десятилетий необходимо отметить все возрастающее значение знания (так называемое технологическое применение науки в производстве), под активным воздействием которого происходит внедрение систем искусственного интеллекта, «интернета вещей», «электронного коттеджа», «индустрии 4.0», «умных фабрик» и прочих прорывных решений и проектов. Совершенно определено, что не сможет остаться в стороне и избежать преобразовательной участи и «главный виновник» таких изменений – человек, а точнее – человек-созидатель.

Человек, будучи носителем высокоинтеллектуальной творческой компоненты, начинает пересматривать не только область своего бытия, а, что намного важнее, существенно видоизменять самого себя, определяя свое новое место, роль и функции на пороге перехода к новому рубежу технологического прогресса. Другими словами, благодаря своему внутреннему побудительному мотиву креативный человек запускает необходимый и, хочется верить, необратимый процесс формирования новых форм взаимосвязи и своего участия, естественным результатом которого должна будет стать принципиально новая разновидность общественного строя – справедливое общество.

Такого рода трансформация потребует ответа на многие и весьма сложные вопросы, на которые, в силу ряда объективных причин, авторитетное научное сообщество пока не в состоянии дать однозначного ответа. Это и понятно, поскольку прогнозировать будущее, горизонты которого далеко не однозначны, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе, и весьма туманны, а область исследования противоречива, значит пойти на риск, начав размышлять над проблемами дальнейшего развития цивилизации, предпосылки которого в настоящее время только зарождаются.

Одним из исследователей, кто серьезно занимается теоретико-методологическим обоснованием качественно новой модели материального производства, которая должна будет развиваться вне законов экономической деятельности, является президент Вольного экономического общества России, профессор С.Д. Бодрунов.

В своих работах С.Д. Бодрунов поднимает широкий спектр вопросов, каждый из которых требует самого внимательного и обстоятельного анализа. В поле зрения ученого находятся такие вопросы, как: качественное изменение характера производственных отношений в условиях роста значимости знаний и стремительного развития новейших технологий; масштабные сдвиги в структуре занятости, естественным образом ведущие к постепенному высвобождению работника из непосредственного участия в материальном производстве; движение производства от индустриального через новоиндустриальный в нооиндустриальный способ хозяйствования; отмирание в будущем наемной формы труда и института собственности; философия разумного потребления и, как следствие, вытеснение симулятивных потребностей общества потребностями более высокого порядка – ноопотребностями; приоритет развития творческого потенциала человека и др.

Этот далеко не полный перечень исследуемых С.Д. Бодруновым вопросов (подробнее с его трудами можно познакомиться, прочитав [1-5], а относительно недавно выпшедшая в свет книга «Ноономика: траектория глобальной трансформации» [5] станет настоящей находкой для тех, кто за достаточно короткий промежуток времени захочет

овладеть базовыми принципами ноономического мышления) позволяет говорить, что российский экономист находится в постоянном научном поиске модели нового типа общества, в центре которой будет Человек как свободная творческая индивидуальность.

О необходимости критически переосмыслить сложившуюся систему ведения хозяйства говорят и другие общественные деятели. Так, в последнее время довольно активно обсуждается вопрос о несостоятельности чисто стоимостных (рыночных) оценок адекватно отражать уровень национального благополучия. Речь идет о ВВП как о довольно «специфическом» (если можно так выразиться) макроэкономическом индикаторе, который фиксирует только темпы экономического роста, но не отражает главного – уровень общественного развития. «Ахиллесова пята» ВВП в том, что он, по сути, является исключительно количественным (выраженным в денежных единицах) измерителем, не приспособленным к исчислению качественных показателей благополучия общества (совокупность социальных, экологических, гуманитарных параметров жизнедеятельности).

Объективная критика использования показателя ВВП на сегодняшний день присутствует во многих докладах ООН, ВЭФ, ОЭСР и др., а также в работах ученых. В частности, лауреаты Нобелевской премии Дж. Стиглиц и А. Сен, совместно с Ж.-П. Фитусси, указывают на то, что в современных условиях «ВВП – неадекватный показатель для того, чтобы судить о благосостоянии во времени, в особенности его экономического, социального и экологического аспектов» [11, с. 46]. Они выступают «за перенос внимания с системы показателей, «ориентированной на производство», на такую систему, в центре которой было бы благосостояние нынешнего и будущих поколений, т. е. на более широкое измерение социального прогресса» [11, с. 50–51], как достижение стандарта высокого качества жизни. Как нетрудно догадаться, по ключевым моментам взгляды западных экспертов совпадают с развиваемыми С.Д. Бодруновым положениями.

Следует признать, что подобный ход мысли своевременен и необходим. Постепенный переход общества на новую ступень технологического развития требует от человека более осознанного отношения к себе, к своей деятельности, к окружающей среде, к восприятию мира. Подобный тренд, в свою очередь, естественным образом перестраивает не только сложившийся характер экономической деятельности и форм управления, но делает значимее нерыночные (нематериальные) критерии оценки общественных процессов по сравнению с рыночными (материальными).

Рубежи новой модели общественного устройства теоретик посткапитализма, президент Фонда по изучению экономических тенденций Дж. Рифкин видит в построении новой модели взаимодействия,

в которой «выживание зависит от соперничества в меньшей степени, чем от сотрудничества, и связано с поиском независимости в меньшей степени, чем со стремлением к вовлеченности» [10, с. 268].

Ученый, отстаивая идею о неизбежной социализации экономической системы в связи с возросшим значением креативизации труда [10; 15], которая в обязательном порядке потребует пересмотра многих явлений и процессов, выражает убежденность, что «предпринимательство и сотрудничество больше не будут считаться чем-то противоречащим друг другу, а будут рассматриваться как установка на преобразование экономической, социальной и политической жизни в XXI веке» [10, с. 179].

Концепция будущего общественного устройства экономисту видится в безусловной смене самой модели рыночного капитализма: стремление человека к постоянной максимизации своей личной выгоды должно быть заменено желанием работать сообща на достижение общественно значимых целей, на благосостояние для всех. По сути, речь идет о формировании принципиально новых форм социально-трудовых отношений и взаимосвязей, в результате которых произойдет выход наемных работников из классической капиталистической компании, их последующее объединение в самоуправляемые кооперативы на условиях солидарности, соучастия и общественного контроля. Тем самым экономическая власть и зависимость должны быть заменены на равенство возможностей, справедливое распределение и этику долга.

Похожей позиции придерживается основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб, отмечая, что современный экономический мир «стоит у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение» [12, с. 8]. Ученый справедливо обращает внимание на целый ряд изменений, контуры которого все отчетливее наблюдаются на современном рынке труда [12; 13], а именно: в эпоху развития цифровых технологий и передовой науки наиболее востребованными становятся специалисты высокоинтеллектуального труда, в деятельности которых в значительной степени преобладает творческая составляющая.

По этому поводу К. Шваб пишет следующее: «Формирование четвертой промышленной революции, как имеющей *творческое начало, ориентированное на человека* (курсив наш – З. Хабибуллина), а не как дегуманизирующей и обезличивающей силы, – это задача, которая не подвластна одному человеку, отрасли, региону или культуре. Фундаментальный и глобальный характер данной революции означает, что она станет неотъемлемой частью всех стран, экономических систем, отраслей и людей. Поэтому принципиальное значение приобретают внимание и силы, которые мы обращаем на многостороннее сотруд-

ничество, не имеющее научных, социальных, политических, национальных и промышленных границ» [12, с. 9–10].

При этом следует отметить, что формирование новой модели рыночного взаимодействия К. Шваб (в отличие от Дж. Рифкина и С.Д. Бодрунова) видит преимущественно в преобразовании самой экономической системы – в движении от классического «акционерного капитализма» («shareholder capitalism») к социоориентированному «капитализму для всех заинтересованных лиц» («stakeholder capitalism»). По К. Швабу, креативизация труда должна способствовать видоизменению (в скобках заметим – не исчезновению!) содержания капиталистических производственных отношений. В этой связи хотелось бы понять, означает ли развиваемый К. Швабом «капитализм для всех заинтересованных лиц» некий промежуточный этап с возможностью перехода общественного устройства в некапитализм или же интерпретируется исследователем не более чем очередная разновидность капиталистической системы? Ответ на поставленный вопрос важен, поскольку от этого зависит, какое место будет отведено носителю креативного труда в процессе деятельности – человеку.

В развиваемой К. Швабом теории «четвертой промышленной революции» нет однозначного ответа на интересующий нас вопрос. По крайней мере, нам не удалось его выделить в явной форме. То, что К. Шваб рассуждает о возможных вариантах взаимодействия труда и капитала в сугубо экономическом формате, очевидно. В частности, объективно меняющийся характер современных трудовых отношений он характеризует «экономикой по требованию», в которой потенциал креативного работника (его компетенции, опыт, целеполагание) фактически выносятся в глобальное виртуальное пространство и начинают там функционировать. При этом немецкий экономист предостерегает, что эффект от участия креативного специалиста в так называемом «человеческом облаке» – это палка о двух концах.

С одной стороны, возникает иллюзия «идеального сочетания большой степени свободы, отсутствия стресса и повышенной удовлетворенности от работы» [12, с. 41]. С другой стороны, он сигнализирует о «негласном выводе работы в офшор» [12, с. 41] – в мир прекариата, ведущего к появлению «безжалостной гонки в глубины мира нерегулируемого виртуального каторжного труда» [12, с. 41], с полным лишением трудовых прав, социальных гарантий и прав на неприкосновенность времени отдыха.

Несколько другой сценарий развития человеческой цивилизации предлагает С.Д. Бодрунов. Горизонты перехода общества на качественно новую ступень технологического прогресса – в пространство ноономики – российский экономист видит в неизбежности выхода человека из непосредственного процесса производства, а точнее, в воз-

вышении человека над процессом производства, над системой производства. По этому поводу он пишет, что человек более «не будет „внутри“ нее находиться. Потому что у нее „внутри“ – это отношения собственности, а их в *ноообществе* нет. С другой стороны, „внутри“ нее – это трудовое участие в производственном процессе (когда труд – элемент производственного процесса!). А такого участия там тоже не будет! Человек будет находиться *вне этой системы* (курсив наш. – З. Хабибуллина). Социум будет контролировать эту систему, но не находиться внутри нее» [4, с. 7].

Профессор С.Д. Бодрунов развивает перспективную теорию «ноономики», раскрывая ее содержание как «*неэкономический* способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Иными словами, ноономика – хозяйственная система, отличающаяся от экономики *отсутствием отношений людей в процессе материального производства*» [2, с. 171]. Из этого он делает вывод: «Суть нооэтапа цивилизационного развития в том, что в нем не индивиды вступают в отношения друг с другом в процессе материального производства, а в отношения между собой вступают две разные сферы цивилизационной конструкции – производство (ноопроизводство, сводящееся к техносфере) и человеческое общество» [2, с. 171], закладывая основы для «„снятия“ экономических отношений между людьми в технологических настройках самодействующего производства» [2, с. 273].

Наблюдаем ли мы сегодня движение в сторону развития таких отношений? Считаем, что да, есть движение в этом направлении. Разберем подробнее. В некоторых сферах деятельности (особенно в высокоинтеллектуальных) уже сегодня можно наблюдать движение в сторону формирования производственных отношений, которые по форме начинают значительно отличаться от традиционных методов взаимодействия. Поскольку успешность и конкурентоспособность современной компании все чаще начинает зависеть от креативного потенциала работника нового типа, для которого неопределенность будущего не является сдерживающим фактором, постольку на рынке труда такие специалисты начинают обладать особым, привилегированным статусом. Их положение более «не вмещается» в классические отношения наемного труда и капитала.

Новые формы занятости (фрилансинг – далеко не единственный пример) ставят под сомнение в будущем форму наемного труда. На полностью автоматизированных высокотехнологичных производственных мощностях креативная составляющая человека уже сегодня практически выведена из непосредственного участия в цепочке производства, ограничив деятельность специалиста в качестве внешнего

наблюдателя и регулятора воспроизводственного процесса. В этих условиях владелец капитала все чаще предпочитает выстраивать по отношению к креативному работнику стратегию паритетных отношений. Партнерские отношения, в свою очередь, развивают институт «технологии доверия». И хотя взаимоотношения между участниками, как и прежде, продолжают регулироваться законами рынка, однако нельзя отрицать того очевидного факта, что чисто экономические инструменты регулирования начинают значительно дополняться (заметим в скобках, порой даже замещаться) неэкономическими.

Речь идет о выстраивании системы отношений, когда перед креативным работником на первый план выходят ценности и мотивы, напрямую не связанные с получением денежного вознаграждения [6; 7; 9]. В качестве наглядного примера достаточно привести явления «Mass Collaboration», «Open source», «Copyleft», «Crowdsourcing» и др. По мнению Санкт-Петербургских экономистов, «смена системы мотиваций может оказаться причиной трансформации многих экономических сфер, и не только труда, но и собственности, стоимости, потребителя» [8, с. 617].

В приоритете – нерегламентированный творческий труд, самоорганизация деятельности, возможность саморазвития и самоосознания, гибкие формы управления и др. Если в двух словах, то в глубине происходящих в настоящее время реальных событий зреют устойчивые явления, в определенный момент времени грозящие произвести безоговорочную замену движущих сил социально-экономического развития. Это ли не предвестники зарождения нового миропорядка? Не они ли подрывают основы экономической системы?

Сегодня речь идет не просто об отдельных суждениях на этот счет. Не подвергается сомнению принадлежность нового качества труда к качественно новому уровню развития личного фактора производства. В этой связи нельзя не признавать, что на ближайшем историческом отрезке времени многие аспекты жизнедеятельности должны будут подвергнуться масштабной перестройке. По крайней мере, предпосылки к такому процессу уже наметились. При этом нельзя списать со счетов и то, что механизм рыночного саморегулирования – довольно «живучая система», которая, постоянно адаптируясь к изменениям среды, старается в собственных интересах использовать ключевые источники развития (не стал исключением и креативный работник).

С другой стороны, нужно так же понимать, что западная экономическая модель не адекватна зарождающимся условиям нового времени. На многие вызовы современности (экономические кризисы, социальные протесты, безработица, социальная эксклюзия, экономическое неравенство, ковидная пандемия) такая система просто не способна реагировать. Именно поэтому все больше западных иссле-

дователей выступают за критический пересмотр системообразующих принципов рыночного фундаментализма, справедливо подвергая критике экономический курс развития. И именно поэтому в развитых странах капитализм во многом социализировался.

В завершение приведем высказывание С.Д. Бодрунова, которое, на наш взгляд, объективно отражает реальное состояние современного социально-экономического пространства, а также и тот временной период, когда «человечество стоит на пороге одной из самых важных развилок в своей истории: либо поворот к человеку разумному, либо путь в тупик, в технотронное общество» [2, с. 118], со всеми вытекающими из этого процесса отрицательными последствиями.

Для того чтобы выбрать правильную траекторию своего дальнейшего развития, человечеству, опираясь на теоретические исследования ноономики, следует придерживаться логики развития цивилизации, представленной в виде системы выверенных шагов в переходных процессах. Автор настоящей статьи считает очень важным выделить именно этот момент. Только глубокий и всесторонний прогресс в развитии творческого потенциала человека сделает возможным переход от экономического мира в мир ноономики как высшей исторической формы общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
3. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. М.: Культурная революция, 2019.
4. Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 4–8.
5. Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР, 2020.
6. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
7. Бузгалин А.В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 20–31.
8. Евразийская политическая экономия / Под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016.
9. Павлов М.Ю. Креативная экономика: как остановить утрату знаний // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 118–122.
10. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Пер. с англ. В. Ионов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

11. *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? / Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
12. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
13. *Шваб К., Дэвис Н.* Технологии четвертой промышленной революции. М.: БОМБОРА, 2018.
14. *Bodrunov S.D.* Prospects of Transitioning to a New Model for Socioeconomic System Organization (Noonomy) // Global Journal of Human-Social Science. 2019. Vol. XIX. Is. XI. Vers. I. Pp. 1–9. globaljournals.org/GJHSS_Volume19/1-Prospects-of-Transitioning-to-a-New.pdf (дата обращения: 14.11.2020).
15. *Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. NY: G.P. Putnam's Sons, 1996.

REFERENCES

1. *Bodrunov S.D.* The Coming of New Industrial Society: Reloaded. Saint-Petersburg, INID n.a. S.Y. Vitte publ., 2016. (In Russ.).
2. *Bodrunov S.D.* Noonomy. M.: Cultural revolution, 2018. (In Russ.).
3. *Bodrunov S.D.* General theory of noonomy. M.: Cultural revolution, 2019. (In Russ.).
4. *Bodrunov S.D.* On the question of noonomy // The Economic Revival of Russia. 2019. No 1. P. 4–8. (In Russ.).
5. *Bodrunov S.D.* Noonomy: Trajectory of Global Transformation. M.: INID, 2020. (In Russ.).
6. *Buzgalin A.V.* Creative economy: private intellectual property or ownership by everybody of everything? // Sociologicheskie Issledovaniya. 2017. No 7. P. 43–53. (In Russ.).
7. *Buzgalin A.V.* Creative economy: why and how can private intellectual property be restricted // Sociologicheskie Issledovaniya. 2017. No 8. Pp. 20–31. (In Russ.).
8. *Eurasian Political Economy* / ed. by I.A. Maksimtsev, D.Y. Miropolsky, L.S. Tarasevich. SPb.: SPbGEU publishing, 2016. (In Russ.).
9. *Pavlov M.Yu.* Creative economy: how loss of knowledge could be stopped // Sociologicheskie Issledovaniya. 2018. No 8. Pp. 118–122. (In Russ.).
10. *Rifkin J.* The Third Industrial Revolution. How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy and the World. M.: Alpine Non-fiction, 2014. (In Russ.).
11. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P.* Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2016. (In Russ.).
12. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. M.: Ehksmo, 2016. (In Russ.).
13. *Schwab K., Davis N.* Technologies of the Fourth Industrial Revolution. M.: Bombora, 2018. (In Russ.).
14. *Bodrunov S.D.* Prospects of Transitioning to a New Model for Socioeconomic System Organization (Noonomy) // Global Journal of Human-Social Science. 2019. Vol. XIX. Iss. XI. Vers. I. Pp. 1–9. [Electronic resource]. Available at: https://globaljournals.org/GJHSS_Volume19/1-Prospects-of-Transitioning-to-a-New.pdf. (Accessed: 14.11.2020).
15. *Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. NY: G.P. Putnam's Sons, 1996.

ABOUT THE AUTHOR

Khabibullina Zenfira Rafkatovna – Leading Scientific Associate of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), St. Petersburg–Kazan, Russia.
ruzen7@mail.ru

FROM THE CREATIVE WORKER – TO THE HOMO NOONOMICS

The paper describes the main ideas of the noonomy theory developed by S.D. Bodrunov with a focus on the movement from a creative worker to the homo noonomicus. It is emphasized that the new technological space (in the terms of S.D. Bodrunov – noonomy) can only be reached through the progress of the human creative qualities, and, at the same time, the man will be portrayed as the starting point and the final result of the global civilizational transformations. A comparison of "noonomy" with the "third industrial revolution" (J. Rifkin) and the "fourth industrial revolution" (K. Schwab) as a system of steps of theoretical knowledge has been made. It was substantiated that in the modern production process, qualitative changes in the process of the creative worker and the capital owner interaction can be a transition stage to nooproductio in the future, and the human intellectual creative energy can act as a bridge to the transformational model of society development.

Keywords: *human, creative process, creative worker, economic evolution, goal-setting, nooproductio, technological transformations, socioeconomic system, noonomy, third industrial revolution, fourth industrial revolution.*

JEL: B41, D63, F66, J01, J24, P46.

З.У. МЕДЖИДОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и кафедры
«Информационные технологии и информационная безопасность»
Дагестанского государственного университета народного хозяйства

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗОН ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

В современных условиях обострилась проблема обеспечения стабильной занятости населения, нивелирования безработицы, притока частных инвестиций, как на федеральном, так и на региональном уровнях. В настоящем исследовании автор рассматривает возможность развития депрессивного региона (на примере Республики Дагестан) за счет активизации такого инструмента, как создание зон территориального развития. Выявлена типология таких зон, определены перспективные направления формирования территориальных кластеров применительно к Республике Дагестан, определены их сильные и слабые стороны. Представлены сведения о текущей деятельности индустриальных парков и технопарков. Разработан алгоритм функционирования территориального кластера, приводится формула для расчета экономического эффекта деятельности кластера.

Ключевые слова: экономика, Республика Дагестан, зоны территориального развития, территории с особым экономическим статусом, моногорода, градообразующие предприятия, территориальный кластер.

JEL: R11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_107_126.

В Российской Федерации, при всех ее огромных пространственных масштабах, существуют определенные территории, характеризующиеся значительными диспропорциями в процессе их развития. Это может быть обусловлено географическим положением, природно-климатическими условиями, уровнем научно-технологического и социально-экономического развития и др. факторами. Одним из инструментов, который может способствовать выравниванию уровней социально-экономического развития разных регионов, является создание территорий с особым экономическим статусом (особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, зоны территориального развития, специальные административные районы, наукограды и пр.).

В современной научной литературе представлены позиции ряда ученых о предпосылках формирования таких территорий, перспективах и механизмах их развития. Некоторые из них будут рассмотрены автором данной статьи на примере Республики Дагестан. Так, в сложившихся на сегодняшний день в Республике Дагестан условиях, по мнению профессора С.Г. Абдулманапова, создание особых экономических зон (ОЭЗ) на ее территории весьма перспективно – они должны стать точками роста экономики региона [1, с. 49]. А.Ш. Ахмедов и З.З. Абдулаева считают, что особая экономическая зона в Республике Дагестан способна активизировать инвестиционную деятельность в регионе, а также более активно вовлечь республику в международные хозяйственные связи и инвестиционные процессы. При этом ученые полагают, что создание особой экономической зоны требует большой организационной работы, финансовых затрат и формирования правовой базы [6, с. 50–51].

Другие авторы отмечают, что ОЭЗ обладают потенциальной возможностью по улучшению инвестиционного климата, стимулированию притока капитала в различные сферы хозяйственной деятельности, по созданию новых рабочих мест, снижению уровня безработицы в регионе [18, с. 27]. Для улучшения ситуации в производственной сфере Республики Дагестан профессор Я.Г. Бучаев предлагает создавать ОЭЗ промышленно-производственного типа, промышленные парки и технопарки, опираясь на успешный опыт создания и функционирования промышленно-производственной ОЭЗ «Липецк» [7, с. 10].

Другие ученые видят в качестве оптимального сценария развития экономики республики, учитывая ее местоположение, формирование особой экономической зоны портового типа – транспортно-логистического комплекса «Каспийский ХАБ» [19, с. 56].

Помимо создания особых экономических зон в регионе, некоторые авторы считают, что территория Республики Дагестан обладает необходимыми возможностями и для формирования территорий опережающего социально-экономического развития. Так, ряд авторов рассматривает создание ТОР «Каспийск» как базы для развития оборонной промышленности, производства различного промышленного оборудования, товаров народного потребления, что в целом улучшит экономическую ситуацию в Республике Дагестан [10, с. 56].

Иные авторы рассматривают механизм, позволяющий взаимодействовать различным точкам роста, используя особый режим инновационной политики в разных кластерах экономики республики для повышения эффективности производства и модернизации экономики [8]. Группа ученых (С.Г. Абдулманапов, В.К. Гираев и Х.М. Хаджалова) на основе проведенного анализа деятельности особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического разви-

тия определили, что действующие механизмы сужают финансовые возможности как бюджетной системы, так и потенциальных инвесторов. В этом случае необходим системный подход и единые принципы финансирования и привлечения инвестиций, направленные на устойчивое развитие регионов и повышение их инвестиционной привлекательности [2].

Таким образом, следует отметить, что развитие Республики Дагестан посредством создания новых территорий с особым экономическим статусом вышеупомянутые авторы рассматривают как перспективное направление, учитывая, что в регионе имеются необходимые предпосылки и условия. Тем не менее в научных работах на сегодняшний день недостаточно представлен системный подход к исследованию процесса создания таких территорий в регионе, что требует проведения дальнейших исследований.

В настоящее время в Республике Дагестан принято решение о создании ОЭЗ туристско-рекреационного типа «Матлас», Каспийского прибрежного кластера, а также территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах Дагестанские Огни и Каспийск. Республика Дагестан входит в перечень субъектов, на территориях которых допускается создание зон территориального развития. В предыдущих исследованиях мы уже рассматривали практику функционирования таких территорий в регионе, определили их сильные и слабые стороны, наметили перспективные направления их развития [4]. В настоящем исследовании попытаемся определить предпосылки и перспективы формирования зон территориального развития в регионе. Выбор данного инструмента обусловлен тем, что с момента принятия Федерального закона от 03.12.2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» прошло уже около десяти лет, но по сей день не было принято ни одного решения о создании таких зон в регионах.

Ключевым фактором в обеспечении эффективного функционирования практически всех типов территорий с особым экономическим статусом следует считать уровень развития инфраструктуры, которая влияет на уровень развития экономики и качество жизни всего населения, проживающего на данной территории. Как правило, эффективность производств различной направленности зависит не только от наличия производственных помещений, современных технологий, но и от развитой территориальной инфраструктуры. Такой фактор, при благоприятных условиях, обеспечивает существенный для региона синергетический экономический, социальный и экологический эффекты [5].

Рассмотрим инфраструктурную базу Республики Дагестан и сопутствующую ей нормативно-правовую основу развития отраслевых

структур экономики. Для территории Республики Дагестан характерна высокая плотность автомобильной и железнодорожной сети. В частности, плотность железнодорожных путей составляет 103 км путей на 10 000 кв. км площади, что вдвое превышает среднестатистический российский показатель. Плотность автомобильных дорог составляет ориентировочно 148 км на 1 000 кв. км дорог, что также превышает аналогичный среднестатистический российский показатель в 4,6 раз. Кроме того, в регионе расположены международный аэропорт и морской торговый порт, услугами которых могли бы воспользоваться резиденты территорий с особым экономическим статусом.

Государственная программа Республики Дагестан «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» ориентирована на создание в регионе конкурентоспособной, устойчиво развивающейся промышленности на основе разработки и применения передовых промышленных технологий.

В регионе функционируют индустриальные парки:

- *государственные:*

- «Тюбе» (Кумторкалинский район), с площадью территории – 171,5 га. Якорный резидент – ОАО «Каспийский завода листового стекла» (тип «браунфилд»);
- «КИП ПромКаспий» (г. Каспийск), с площадью территории – 32,2 га. Якорный резидент – ООО «Агрико Северный Кавказ» (тип «гринфилд»);

- *частные:*

- «Кристалл Сити» (на стыке г. Махачкала и г. Каспийск) с площадью территории – 16,6 га. Якорный резидент – ИП «Ахмедов А.А.» (тип «гринфилд»);
- «Фотон» (г. Махачкала) с площадью территории – 13,2 га. Якорный резидент – ООО «Глобал-М» (тип «гринфилд»).

Ниже представлена информация о деятельности резидентов индустриальных парков в РД (см. табл. 1).

Для активизации переработки и хранения производимой продукции в Кайтагском и близлежащих районах, снижения затрат на логистику и для облегчения организационных и иных процессов, в том числе комплексного содействия развитию производственной деятельности в республике, планируется создать индустриальный парк «Кайтаг» (Кайтагский район) с площадью 8,7 га, что позволит создать 1,5 тыс. новых рабочих мест. С этой целью принято соответствующее Постановление Правительства РД, однако на текущий момент не определен даже участок под индустриальный парк.

Принято решение о создании новых индустриальных парков типа «гринфилд»: «Дагестанские Огни» (г. Дагестанские Огни), «Уйташ» и «Аврора» (Карабудахкентский район).

Таблица 1

**Информация о деятельности резидентов промышленных парков,
расположенных в Республике Дагестан (на 1 января 2021 г.)**

Наименование организаций -резидентов	Зани- маемая площадь (га)	Количе- ство рабо- чих мест (человек)	Перечень выпускаемой продукции, услуг
Индустриальный парк «Тюбе»			
АО «Каспийский завод листового стекла»	50,0	403	стекло
ООО «Мараби»	10,0	135	мраморная плитка
ООО «Трансметаллстрой»	0,1	2	металлоконструкции
Индустриальный парк «КИП ПромКаспий»			
ОАО «Завод им. Гаджиева»	7,2	92	Глубинные насосы для нефтедобывающей промышленности, судовое оборудование, оборудование для ЖКХ
ООО «Завод строительных материалов»	17,0	2	Известь, газобетонные блоки, ячеистый бетон, керамический кирпич
Индустриальный парк «Фотон»			
ООО «Стеклопроект»	5,1	66	стеклопакеты
ООО «Шатим Трейд»	1,6	22	производство изделий из алюминия и пластика
ООО «Гарант- Юг»	0,6	3	производство пластиковых бочек
ООО «Ротор»	0,8	18	производство пищевых полиэтиленовых пакетов
ИП Магомедов М.Г.	0,4	10	производство пластиковых бочек
Филиал ФГБОУ ВО «РГУТ и С» в г. Махачкале	0,6	20	среднее и высшее профессиональное образование

Источник: составлено автором по: [17].

В Республике Дагестан особое внимание уделяется научно-технической и инновационной сферам. С этой целью была принята государственная программа РД «Развитие научно-технического и иннова-

ционного потенциала Республики Дагестан на 2014–2018 годы». Цель госпрограммы – развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала региона. В последующем программу объединили с другой государственной программой РД – «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Одним из эффективных инструментов развития научно-технического потенциала территорий в современных условиях считаются технопарки. На территории Республики Дагестан статус технопарка присвоен следующим площадкам:

- «Композиционные материалы и волокна» на базе ООО «НБТ Дагестан». Сфера деятельности – производство композиционных материалов и волокон;
- «IT-парк полного цикла «Идея-серия» на базе ОАО НПК «Русская радиоэлектроника». Сфера деятельности – производство и распространение информационных продуктов и услуг;
- «Фотон» на базе ООО «Глобал-М». Сфера деятельности – разработка электроники, автоматизация производства, приборостроение, фармакология, производство товаров народного потребления;
- «Сулак Композит» на базе ООО «Нано-Композит». На текущий момент деятельность на территории технопарка не ведется.

В Республике Дагестан уделяется особое внимание развитию технических навыков у подрастающего поколения. Принято Распоряжение Правительства РД о создании детского технопарка «Кванториум» в г. Махачкала, целью создания которого является приобретение и развитие знаний у детей в области робототехники, аэрокосмической деятельности, IT-индустрии. Кроме того, за счет внебюджетных средств создан образовательный центр для одаренных детей «Сириус-Альтаир». Взаимосвязь вышеперечисленных технопарков с детскими центрами может стать фундаментом для подготовки кадров в научно-технической сфере и способствовать развитию инновационного направления в регионе.

На особом счету у руководства страны находится туристическая отрасль. Вопросы регулирования процессов развития туристической индустрии в регионе обозначены в государственной программе «Развитие туристско-рекреационного комплекса и народных художественных промыслов в Республике Дагестан». Развитию в Республике Дагестан туристической индустрии способствует наличие разнообразных музеев и самобытных народных искусств, теплых песчаных пляжей Каспийского моря, уникального горного комплекса для развития альпинизма [13, с. 77].

Ключевую роль в структуре ВРП региона занимает агропродовольственная сфера. В Республике Дагестан реализуется государственная

программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», целью которой является повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на базе технической модернизации, инновационного развития агропромышленного комплекса.

Одной из задач создания территорий с особым экономическим статусом в регионах является снижение зависимости регионального бюджета от федерального центра. На протяжении последних лет бюджет Республики Дагестан принимается с дефицитом. При этом 78% доходной части регионального бюджета составляют трансфертные платежи из федерального бюджета в виде субсидий, субвенций, дотаций [20]. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что бюджетные расходы в Республике Дагестан должны исходить из доходной части, образуемой за счет поступления налогов и создания новых рабочих мест.

Следует отметить, что за последние годы наметилась тенденция на существенное сокращение доли налога на прибыль в структуре доходной части регионального бюджета, которая с 2005 г. сократилась более чем в три раза, что было непосредственно связано с падением темпов роста производства продукции промышленных предприятий. В свою очередь, доля НДС в доходной части регионального бюджета, напротив, увеличилась, что было связано с некоторым увеличением экономически активного населения в РД. Тем не менее Республика Дагестан по-прежнему уступает многим субъектам Северо-Кавказского федерального округа по индексу налогового потенциала, превосходя лишь показатели Республики Ингушетия, Чеченской Республики (см. рис. 1).

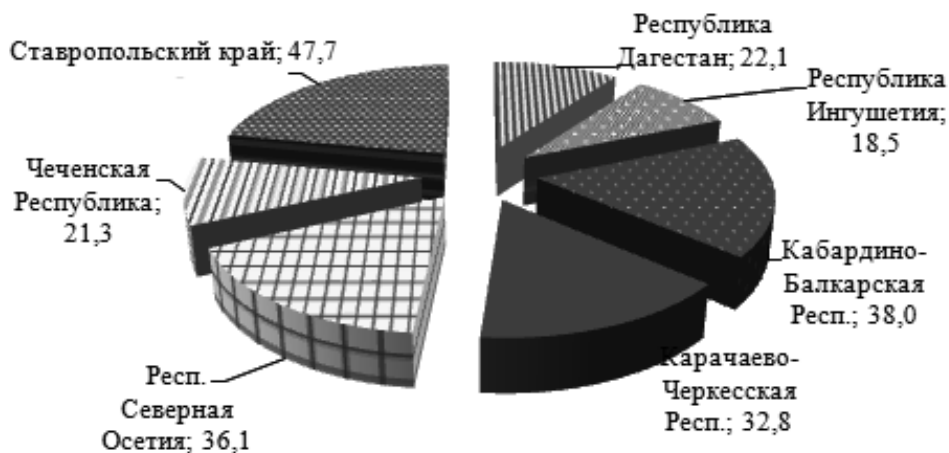

Рис. 1. Индекс налогового потенциала регионов СКФО за 2019 г., % [16].

Такая тенденция в деятельности организаций на территории РД обусловлена накопившимися региональными проблемами, которые не решались из года в год, а также финансовым кризисом 2008 г. Осложняет ситуацию и распространение коронавирусной инфекции COVID-19, мешая достижению целевых показателей деятельности организаций.

Еще академик РАН С.Ю. Глазьев отмечал, что падение производства и инвестиций в России во времена финансового кризиса 2008 г. оказалось самым глубоким по сравнению с ведущими странами мира. Так, доля инвестиций в развитие производства снизилась более чем на 15% [9, с. 7–8]. Тем не менее уже сейчас ясно, что COVID-19 ударил по большинству отраслей мировой и отечественной экономики, причем в некоторых случаях даже сильнее, чем финансовый кризис 2008–2009 гг. По-прежнему не ясно, когда рынок полностью восстановится.

Как показывают данные Счетной палаты, за предшествующие годы лишь часть особых экономических зон и территорий опережающего развития работали эффективно. По-прежнему на большую часть таких территорий с особым экономическим статусом затраты из федерального центра существенно превышают вложения резидентов, а каждое рабочее место обходится государству в среднем в 21 млн руб. [15]. Учитывая сложное финансово-экономическое положение не только Республики Дагестан, но и других Северо-Кавказских регионов, актуализировалась проблема создания новых рынков труда, технологий, знаний, упрощения доступа резидентов к использованию общих ресурсов, повышению конкурентоспособности экономики регионов и их налогового потенциала. В этом случае считаем, что приоритетным вектором развития территорий с особым экономическим статусом и, в частности, зон территориального развития является использование кластерного подхода.

В законе «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года» указано, что в республике есть перспективы к формированию двух кластеров: «Каспийский ХАБ» и «Дом народов» [14]. В рамках кластера «Каспийский ХАБ» приоритетными направлениями развития обозначены следующие комплексы: торгово-транспортно-логистический, промышленный, агропромышленный, строительный и топливно-энергетический. В свою очередь, кластер «Дом народов» направлен на развитие социально-инновационного и туристско-рекреационного комплексов.

Считаем, что такой подход к кластеризации экономики с выделением двух крупных кластеров, включающих все сферы жизнедеятельности региона, не совсем соответствует теории кластеризации и требует корректировки.

Мировой опыт показывает, что формирование кластера в отрыве от развития всего региона неэффективно, так как реализация кластерных инициатив возможна при наличии общей региональной стратегии развития, ориентированной на кластеризацию экономики региона [3, с. 100]. Кроме того, территории с особым экономическим статусом и с развитой инфраструктурой являются базой для развития кластеров. На основе кооперационных и интеграционных связей происходит взаимодействие крупных, средних и малых предприятий с другими участниками кластера. Это может привести к формированию рынка, который, в свою очередь, и формирует кластер [11].

По сути, в мировой практике кластеры на территориях с особым экономическим статусом включают в себя все этапы производственных процессов – от заготовки сырья до производства готовой продукции. Такие кластеры развивают внутреннюю конкуренцию, обеспечивают развитие отраслевых и региональных приоритетов, формируют точки внутреннего территориального роста [12]. В рамках настоящего исследования автор рассматривает наиболее перспективные направления формирования территориальных кластеров в Республике Дагестан.

Машиностроительную отрасль принято считать драйвером развития промышленного комплекса Республики Дагестан, на ее долю приходится более 52% выпуска продукции. Основным в регионе является производство электрооборудования. Анализ товарной структуры экспорта в Республике Дагестан демонстрирует, что за последние годы машиностроительная продукция занимает высокую долю в экспорте – 12,5%. Машиностроение формирует 3,5% налоговых платежей всей экономики РД. К наиболее крупным поставщикам машиностроительной продукции относят ОАО «Завод Дагдизель», ОАО НИИ «Сапфир» (совместно с ОАО ПО «Азимут»), ОАО «Концерн КЭМЗ», ОАО «Авиаагрегат».

Строительная отрасль играет важную роль в Республике Дагестан. По данным регионального министерства строительства, в 2020 г. в регионе введено в эксплуатацию свыше 950 тыс. кв. м жилья, что составляет 103% от запланированного. В последние годы в регионе наблюдается строительный бум, поэтому существует потребность в производстве различных строительных материалов. Этому способствует наличие значительных запасов природных ресурсов, а также достаточное количество профильных предприятий.

В последние годы в республике активно развивается стекольная промышленность, обеспечивая большую долю поступлений налоговых платежей в бюджет. Здесь якорным кластерообразующим предприятием может выступать ОАО «Каспийский завод листового стекла», транспортная доступность и географическое местоположение которого позволяет использовать автомобильный, железнодорожный

и морской транспорт. В частности, к заводу протянута железнодорожная ветка, построена автодорога, соединившая предприятие с федеральной трассой М-29 «Кавказ».

Как уже мы выше указывали, агропромышленный сектор имеет особое значение для Республики Дагестан. Здесь есть все необходимые условия для формирования профильных кластеров: наличие крупных потребительских рынков на территории Дагестана, Северо-Кавказского федерального округа и Российской Федерации, достаточное количество сельскохозяйственных предприятий, транспортная доступность, наличие профильного учебного заведения – ФГБОУ ВО Дагестанский государственный аграрный университет (ДагГАУ). К перспективным направлениям формирования территориальных кластеров следует считать плодоовощеконсервный и сокопродуктовый кластеры на базе ООО «Юагрохолдинг». ООО «Юагрохолдинг» в рамках участия в программе импортозамещения осуществляет реализацию ряда инвестпроектов по приоритетным направлениям экономики Дагестана, призванных оказать позитивное влияние на социально-экономическую ситуацию в регионе. Реализация проектов осуществляется на двух площадках: в поселке Шамхал-Термен Кировского района г. Махачкалы (Инвестплощадка №1) и поселке Тюбе Кумторкалинского района (Инвестплощадка №2).

Развитию туристического кластера в регионе посвящено немало трудов ученых. На территории республики созданы ОЭЗ туристско-рекреационного типа, объединенные в туристический кластер. Поэтому обозначим лишь некоторые преимущества развития туризма в регионе: обилие солнечных дней, наличие уникальных памятников архитектуры, доступ к морскому побережью, наличие бальнеологических ресурсов.

Есть в регионе и сопутствующие факторы для формирования территорий с особым экономическим статусом транспортно-логистического направления, о которых мы упоминали выше. Перспективными кластерами здесь могут быть кластеры логистической и судостроительной специализации. При этом в судостроительном кластере многообещающим выглядит освоение производства малотоннажного судостроения, строительство катеров и яхт. В этом случае кластерообразующими предприятиями могут выступать профильные промышленные предприятия региона, что в перспективе позволит развить круизный туризм в республике.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам выявить сильные и слабые стороны кластеров в зонах территориального развития региона (см. табл. 2).

Таким образом, мы пришли к выводу, что Республика Дагестан является потенциально успешной площадкой для формирования

Таблица 2

Сильные и слабые стороны стратегических направлений формирования и функционирования территориальных кластеров в Республике Дагестан

Специализация территории с особым экономическим статусом	Наименование территориального кластера	Сильные стороны	Слабые стороны
Промышленная	Строительный	Наличие высококачественного минерального сырья, подходящих трудовых ресурсов Высокая потребность в улучшении жилищных условий населения региона Потребность в строительстве объектов инфраструктуры Перспектива формирования строительного кластера	Необходимость технического перевооружения строительных предприятий Ограниченный платежеспособный спрос
	Энергетический	Наличие благоприятных природно-климатических условий выработки электроэнергии ветряными и солнечными электростанциями Наличие высокого потенциала горных рек, где могут быть созданы дополнительные объекты гидрогенерации энергии	Необходимость модернизации устаревшего оборудования сетей Сложность технического регулирования и лицензирования
	Стекольный	Наличие якорного кластерообразующего предприятия – ОАО «Каспийский завод листового стекла» Наличие современного оборудования и высокого уровня автоматизации Транспортная доступность	Дефицит кадровых ресурсов в части производства флоат-стекла Возможность перенасыщения рынка стекольной продукцией

Продолжение табл. 2

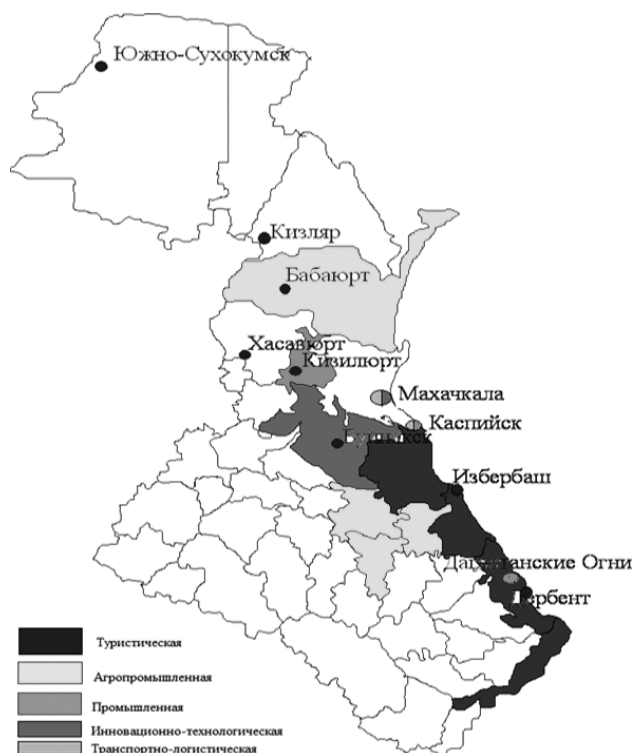
Специализация территории с особым экономическим статусом	Наименование территориального кластера	Сильные стороны	Слабые стороны
Промышленная	Машиностроительный	Сложившиеся традиции в машиностроительной отрасли Возможность выхода на межрегиональные рынки	Недостаток инвестиционных ресурсов Высокий уровень износа основных фондов Отсутствие кадровых ресурсов Ограниченный спрос на внутреннем рынке Необходимость диверсификации продукции
Инновационно-технологическая	Инновационный	Современная научно-исследовательская база Наличие технопарков и детского технопарка «Кванториум»	Низкий уровень развития инфраструктуры Низкий уровень заработной платы сотрудников научной сферы
Агропромышленная	Плодоовоще-консервный	Благоприятные природно-климатические условия для аграрного производства Наличие опыта ведения хозяйства: виноградарство, садоводство, овцеводство, овощеводство Высокий экспортный потенциал Высокий уровень урожайности	Ограниченность поливных земель Затруднения с применением техники, преобладание в основном ручного труда
	Мясопродуктовый	Наличие спроса на мясо на региональном и российском рынках Экологически чистая продукция	Высокий износ основных производственных фондов Очень низкая продуктивность животных

Окончание табл. 2

Специализация территории с особым экономическим статусом	Наименование территориального кластера	Сильные стороны	Слабые стороны
Туристическая	Туристическая	Обилие солнечных дней; Уникальные памятники архитектуры Доступ к побережью Каспийского моря Наличие бальнеологических ресурсов	Неблагоприятная политическая ситуация Низкий уровень развития инфраструктуры
	Логистический	Высокий потенциал развития транспортного логистического комплекса Наличие в Дагестане всех видов транспорта: воздушного, морского, железнодорожного, автомобильного и трубопроводного	Недостаточно эффективное управление товародвижением на экспортно-импортных и транзитных направлениях Риск перегруженности пограничных пропускных пунктов в связи с ожидаемым увеличением транзитного потока
Транспортно-логистическая		Наличие Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 г., в которой в качестве приоритета заложено развитие судостроения Наличие свободного выхода на море, что создает дополнительный спрос на судостроительную продукцию со стороны предпринимательских структур и населения	Низкий уровень менеджмента и конъюнктурный конфликт интересов государства и крупных акционеров Дефицит квалифицированной рабочей силы в связи с развалом среднего звена в системе образования (ПТУ, СПТУ)
	Судостроительный		

Источник: составлено автором.

и функционирования территорий с особым экономическим статусом различного профиля и специализации. На карте республики мы обозначили перспективные районы для формирования территорий с особым экономическим статусом различной направленности (см. рис. 2).

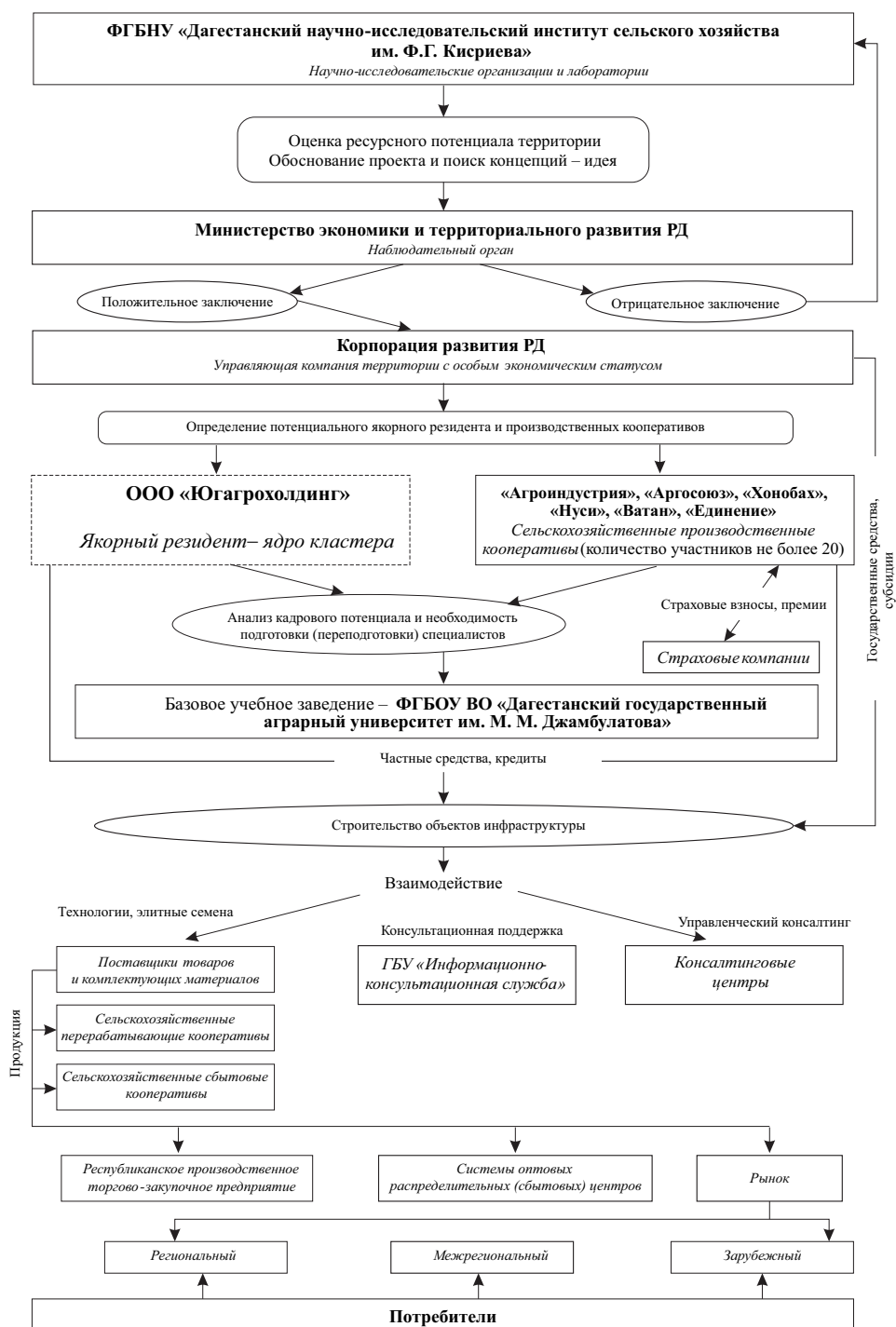

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Перспективные направления формирования территорий с особым экономическим статусом в Республике Дагестан

Применительно к условиям Республики Дагестан, на примере плодовоовощеконсервного кластера в Республике якорными резидентами могут выступать крупные корпорации (как показывает опыт Японии, Южной Кореи, Франции), которые, будучи генераторами новых знаний и инноваций, способны обеспечить высокий технологический уровень развития региона. Ниже представлен разработанный автором алгоритм функционирования территориального кластера (см. рис. 3).

Как и положено в теории кластеризации, якорный резидент при прочих равных условиях усиливает конкурентные преимущества кластера за счет соперничества с иными резидентами территорий с особым экономическим статусом, либо соперничества последних

Источник: составлено автором.

Рис. 3. Алгоритм функционирования территориального кластера (на примере плодоовощеконсервного кластера в Республике Дагестан)

друг с другом, что позволяет обеспечить выпуск высококачественной продукции на региональный, межрегиональный и зарубежный рынки.

Кроме того, любое кластерное образование должно формироваться с учетом особенностей и возможностей конкретной геоэкономической территории, достигнутого уровня и потенциала научно-технической и технологической базы конкретных производственных направлений, а также текущей и прогнозируемой рыночной ситуации. Причем для обеспечения полного цикла производства высококачественной продукции необходимо усилить кооперационные связи между всеми участниками кластера и интеграционные связи со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Представленный алгоритм позволит оптимизировать коммуникации между властью и бизнесом, развить налаженную цепочку взаимоотношений между производителями, поставщиками, финансовыми и государственными институтами.

Именно при кластерной организации на базе отраслевой и межотраслевой кооперации целенаправленно создаются условия для повышения эффективности взаимодействия государства и бизнеса в области реализации инновационных проектов, а также образования кооперационных объединений внутри бизнес-сообщества, между бизнесом и государством, общественными институтами и организациями, позволяющими достичь новых уровней эффективности в области развития экономики страны и регионов.

Процесс кластеризации территорий с особым экономическим статусом позволит снять или локализовать ограничения отраслевого характера, свойственные деятельности отдельных субъектов. Экономический эффект кластера в таком случае можно определять отношением совокупной производительности использования ресурсов в кластере к средней производительности использования ресурсов входящих в кластер предприятий.

Развитие кластерных форм кооперации предприятий в территориях с особым экономическим статусом существенно снижает транзакционные издержки, позволяет предприятиям – участникам кластерных образований поддерживать определенные конкурентные позиции на рынке за счет взаимодействия участников, стандартизации продукции, эффекта масштаба и инновационного характера используемых технологий.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что территория с особым экономическим статусом представляет собой один из наиболее эффективных механизмов обеспечения поступательного развития территорий регионов, которые обеспечивают стимулирование регионального саморазвития [12].

Предлагаемые в работе стратегические направления развития кластеров на территориях с особым экономическим статусом могут обеспечить поступательный рост экономики региона, наполняемость бюджетов всех уровней, окупаемость государственных инвестиций, рост занятости и снижение уровня безработицы, повышение доходов населения и, как следствие, рост качества жизни, устойчивый рост региональной экономики в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулманатов С.Г. Особые экономические зоны в обеспечении развития Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 1. С. 47–54.
2. Абдулманатов С.Г., Гираев В.К., Хаджалова Х.М. Практика применения механизма финансового обеспечения инвестиций на региональном уровне // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4 (117). С. 404–408.
3. Абдулманатов С.Г., Кунбутаев Т.Н.И. Перспективы формирования экономических кластеров в Республике Дагестан // Вопросы экономики и права. 2015. № 79. С. 99–103.
4. Абдулманатов С.Г., Меджидов З.У. Анализ функционирования территорий с особым экономическим статусом в дотационном регионе (на материалах Республики Дагестан) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 87–96.
5. Абдулманатов С.Г., Рамазанов М.М. Инфраструктурное обеспечение в формировании региональных промышленных кластеров // Вопросы экономики и права. 2011. № 11. С. 96–100.
6. Ахмедуев А.Ш., Абдулаева З.З. Проблемы и механизмы обеспечения экономической безопасности Республики Дагестан // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 34. С. 44–53.
7. Бучаев Я.Г. Производственные приоритеты Республики Дагестан и механизмы их реализации // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2015. № 3. С. 3–12.
8. Гашимова Л.Г., Магомедбеков Г.У., Рамазанова А.Г., Юсупова М.Г. Возможности реализации механизма территорий опережающего социально-экономического развития в Республике Дагестан // Экономика и предпринимательство. 2018. № 12 (101). С. 444–447.
9. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
10. Магомедова П.А., Османова Х.О., Дудина О.И. Территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) как способ повышения инвестиционной привлекательности регионов РФ // Агропродовольственная политика России. 2017. № 4 (64). С. 52–59.
11. Меджидов З.У. Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) им. М.И. Платова. Серия: Социально-экономические науки. 2016. № 6. С. 70–79.

12. Меджидов З.У. Пространственное социально-экономическое развитие региона на основе формирования территорий с особым экономическим статусом (на материалах Республики Дагестан): дис. ... канд. экон. наук, Махачкала, 2018.
13. Мудуев III.С. Особенности развития туризма в Дагестане // Труды Географического общества Республики Дагестан. 2012. № 40. С. 76–79.
14. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года. Закон Республики Дагестан от 15.07.2011 № 38.
15. Отчет Счетной палаты о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации, с точки зрения их влияния на экономический рост и соответствия заявленным целям». ach.gov.ru/upload/iblock/d22/d22daa028b1854b51b99c9d2927c2e06.pdf.
16. Официальный сайт Министерства финансов РФ. minfin.ru.
17. Официальный сайт Министерства экономики и территориального развития РД. www.minec-rd.ru.
18. Петросянц В.З., Дохолян С.В., Елисеева Е.М. Экономические проблемы развития северокавказских республик // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 2. С. 19–28.
19. Султанов А.Г. Перспективы использования потенциала ТЛК «Каспийский ХАБ»: особая экономическая зона или территория опережающего развития? // Российский экономический интернет-журнал. 2016. № 2. С. 48–57.
20. Федеральная служба государственной статистики. www.gks.ru.

REFERENCES

1. Abdulmanapov S. G. Special economic zones in ensuring the development of the Republic of Dagestan // Regional problems of economic transformation. 2011. No. 1. Pp. 47–54. (In Russ.).
2. Abdulmanapov S. G., Giraev V. K., Khadzhalova Kh. M. Praktika primeneniya mekhanizma finansovogo obespecheniya investitsii na regionnogo urovne [The practice of applying the mechanism of financial support for investments at the regional level]. 2020. No. 4 (117). Pp. 404–408. (In Russ.).
3. Abdulmanapov S. G., Kunbutaev T. N. I. Prospects for the formation of economic clusters in the Republic of Dagestan // Questions of economics and law. 2015. No. 79. Pp. 99–103. (In Russ.).
4. Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. Analysis of the functioning of territories with special economic status in the subsidized region (based on the materials of the Republic of Dagestan) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 5. Pp. 87–96. (In Russ.).
5. Abdulmanapov S. G., Ramazanov M. M. Infrastructural support in the formation of regional industrial clusters // Voprosy ekonomiki i prava. 2011. No. 11. Pp. 96–100. (In Russ.).
6. Akhmeduev A. Sh., Abdulaeva Z. Z. Problems and mechanisms of ensuring economic security of the Republic of Dagestan // National interests: priorities and security. 2010. No. 34. Pp. 44–53. (In Russ.).
7. Buchaev Ya. G. Production priorities of the Republic of Dagestan and mechanisms of their implementation // UEPS: management, economy, politics, Sociology. 2015. No. 3. P. 3–12. (In Russ.).

8. *Gashimova L. G., Magomedbekov G. U., Ramazanova A. G., Yusupova M. G.* Opportunities for implementing the mechanism of territories of advanced socio-economic development in the Republic of Dagestan // *Economics and Entrepreneurship*. 2018. No. 12 (101). Pp. 444–447. (In Russ.).
9. *Glaziyev S. Yu.* Strategy of advanced development of Russia in the conditions of the global crisis. Moscow: *Ekonomika*, 2010. (In Russ.).
10. *Magomedova P. A., Osmanova Kh. O., Dudina O. I.* The territory of advanced socio-economic development (TOSER) as a way to increase the investment attractiveness of the regions of the Russian Federation. 2017. No. 4 (64). Pp. 52–59. (In Russ.).
11. *Medzhidov Z. U.* Foreign experience of functioning of special economic zones // *Bulletin of the South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) named after M. I. Platov. Series: Socio-economic sciences*. – 2016. No. 6. Pp. 70–79 (0.8 p. l.). (In Russ.).
12. *Medzhidov Z. U.* Spatial socio-economic development of the region on the basis of the formation of territories with a special economic status (based on the materials of the Republic of Dagestan); *dis. ... kand. ekon. nauk*, Makhachkala, 2018. (In Russ.).
13. *Muduev Sh. S.* Features of tourism development in Dagestan // *Proceedings of the Geographical Society of the Republic of Dagestan*. 2012. No. 40. Pp. 76–79. (In Russ.).
14. On the approval of the strategy of socio-economic development of the Republic of Dagestan until 2025. Law of the Republic of Dagestan of 15.07.2011 No. 38. (In Russ.).
15. Report of the Accounting Chamber on the results of the expert and analytical event "Analysis of the practice of applying preferential regimes operating on the territory of the Russian Federation, from the point of view of their impact on economic growth and compliance with the stated goals. ach.gov.ru/upload/iblock/d22/d22daa028b1854b51b99c9d2927c2e06.pdf. (In Russ.).
16. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation [electronic resource]. Access mode. minfin.ru. (In Russ.).
17. Official website of the Ministry of Economy and Territorial Development of the Republic of Dagestan. www.minec-rd.ru. (In Russ.).
18. *Petrosyants V. Z., Dokholyan S. V., Eliseeva E. M.* Economic problems of the development of the North Caucasus republics. 2012. No. 2. Pp. 19–28. (In Russ.).
19. *Sultanov A. G.* Prospects for using the potential of the Caspian HUB TLC: a special economic zone or a territory of advanced development? // *Russian Economic Online magazine*. 2016. No. 2. Pp. 48–57. (In Russ.).
20. Federal State Statistics Service. www.gks.ru. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Medzhidov Zaur Urudzhaliyevich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Departments of Economics, "Information Technologies and Information Security" of the Dagestan State University of National Economy, Makhachkala. Russia
zaur-medzhidov@mail.ru

PREREQUISITES AND PROSPECTS FOR THE FORMATION OF ZONES OF TERRITORIAL DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

In modern conditions, the issue of ensuring stable employment of the population, leveling unemployment, accumulating the inflow of private investment, both at the federal level

and at the regional level, is an acute issue. In this study, the author considers the idea of the development of a depressed region (on the example of the Republic of Dagestan) through the activation of such an instrument as the zones of territorial development. The typology of such zones has been revealed, promising directions for the formation of territorial clusters in relation to the Republic of Dagestan, their strengths and weaknesses have been determined. Information on the current activities of industrial parks and technoparks is presented. An algorithm for the functioning of a territorial cluster has been developed, and the economic effect of the cluster has been calculated.

Keywords: *economy, the Republic of Dagestan, territorial development zones, territories with the special economic status, monotowns, the city-forming enterprises, territorial cluster.*

JEL: R11.

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

И.Е. КАЛАБИХИНА

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой
народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

А.А. БЕЛЯНОВ

аспирант кафедры народонаселения
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ОБЗОР МИКРОСИМУЛЯЦИОННЫХ И АГЕНТНЫХ ПОДХОДОВ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В работе рассматриваются направления развития микросимуляционных и агентных подходов для описания демографических процессов и демографического поведения. Отбор статей для описания примеров таких подходов основан на цитируемости, периоде публикаций, а также на экспертной оценке авторов настоящей статьи значимости описываемой модели для изучения моделирования демографических параметров. Мы выделяем три направления моделирования демографических процессов: включение демографических параметров в социально-экономические модели; разработка моделей по отдельным демографическим процессам и по демографической ситуации в целом (с примерами моделирования брачности, рождаемости, миграции, смертности и заболеваемости, включая эпидемиологические модели); создание комбинированных экономико-демографических моделей, в которых демография является одним из основных компонентов.

Ключевые слова: демография, экономика народонаселения, микросимуляционное моделирование, агентно-ориентированное моделирование.

JEL: J1, J10, C6.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_127_143.

Введение

Термин «микроаналитическое моделирование» (англ. microanalyticsimulation), или «микросимуляционное» моделирование (англ. microsimulation), практически вытеснен из обихода, и его заменила во многом схожая концепция агентной модели, в рамках которой некое множество агентов помещено в общую среду, внутри которой они взаимодействуют. В социально-экономических и демографических

моделях агентом обычно является человек, однако зачастую агентами могут являться организации или иные акторы. Агент способен автономно осуществлять действия внутри вышеуказанной среды. Именно автономность и отличает агентную модель от микросимуляционной: в последней все решения на уровне агента принимаются на основе вероятностных распределений, тогда как в агентных моделях действия агента определяются заложенным в него алгоритмом поведения. Несмотря на то, что обычно исследователи разграничивают два этих понятия, утверждая, что микросимуляционные модели подходят только для прогнозирования, а агентные – для проведения качественного анализа ситуации, на деле часто наблюдается смешение этих парадигм. В то же время при всей их схожести, истории развития этих смежных подходов различаются. Нас в данной работе в большей степени интересует включение демографических параметров в модели.

Проведенный анализ микросимуляционных и агентных подходов в демографических исследованиях позволил выделить три направления в их развитии. В качестве эмпирических примеров таких работ мы выбирали работы по следующим критериям: признанные современными учеными наиболее ранние работы в исследуемой области; наиболее цитируемые статьи; более поздние статьи при схожем уровне цитирования; а также отдельные статьи с невысоким уровнем цитирования, но представляющие, на наш взгляд, интерес в контексте нашего предмета обсуждения демографического моделирования¹.

Включение демографических параметров в социально-экономические агентные и микросимуляционные модели

Первоначально демографические процессы рассматривались в составе социально-экономических моделей.

Агентные модели обычно называют наследниками сложных адаптивных систем института Санта-Фе, обнаруживая возникновение метода в клеточных автоматах фон Неймана 1940-х годов (Джон фон Нейман в 1940-е годы, изучая самовоспроизводящиеся системы, разработал теорию клеточных автоматов [1]). В исследованиях на данную тему также часто упоминается модель сегрегации Шеллинга[2]. Позже, в связи с распространением персональных ЭВМ, в 1990-х годах происходит бурное развитие агентных моделей самой разной направленности.

В конце 1950-х годов Г. Оркуттом была предложена стохастическая социально-экономическая модель, которая уже на этапе описания пред-

¹ Сведения о количестве цитирований статей, опубликованных с 2010 г., приведены в Приложении к статье (см. табл.).

полагала включение некоторых демографических параметров. В своей работе, опубликованной в 1957 г. [3], он обрисовал общую концепцию микросимуляционного моделирования социально-экономических процессов, которой исследователи придерживаются до сих пор. В основе модели, предложенной Оркуттом, лежат различные взаимодействующие агенты (units - в терминологии Оркутта), характеризующиеся определенными входными параметрами (inputs) и генерирующие изменение состояния системы на выходе (outputs). Результат на выходе связан с предыдущими событиями и определяется распределением вероятности наступления рассматриваемого события, которое зависит от входных параметров. В качестве агентов Оркутт предлагал рассматривать как обобщенные структуры (например, рынки и отрасли), так и отдельных людей, семьи, компании, профсоюзы, государственные структуры. Для входных данных могла использоваться информация о погоде, социальном статусе, возрасте и т.д. К выходным данным относились: экономический результат деятельности, сформированное мнение, различные события из деятельности агента, например, рождение ребенка, брак, развод, переезд, смерть и т.д. В статье Оркутта приводится такой пример: допустим, мы пытаемся понять, умрет ли агент в текущем временном интервале. Для этого нам нужно знать вероятность, с которой может произойти это событие. Данная вероятность будет функцией возраста, пола, расы, семейного положения и рода деятельности агента. Оркутт отмечает, что было бы крайне желательно иметь возможность использовать существующие данные для прогнозирования численности населения, а также его распределения по возрасту, полу, месту проживания, семейному положению, роду деятельности, доходу, имеющимся активам и потреблению. Для нас важна демографическая составляющая перечня, поэтому мы подчеркиваем, что в публикации 1957 г. уже были заложены основные концепции микросимуляционного и агентного моделирования демографических процессов.

Первая прикладная реализация такого подхода увидела свет в начале 1960-х годов [4] в качестве программы для IBM-704. Примечательно, что модель вышла с детальным описанием реализации и предпосылок к выбранным решениям на 400 с лишним страницах, из которых демографии была посвящена почти четверть. Оркутт отмечает, что это одна из первых работ по созданию модели национальной экономики. Исследователи уделяли особое внимание демографическим процессам. В модели было представлено 4 580 семей, состоящих из 10 358 человек. Отправной точкой в работе модели является генерация начального состояния. При этом основная сложность, связанная с генерацией начального состояния модели, – это обеспечение правдоподобности распределения как отдельных индивидуумов по интересующим нас параметрам (возраст, семейное положение и

т.д.), так и домохозяйств по таким параметрам, как сочетания возрастов супругов, длительность брака, число и возраст детей. Эти параметры должны быть правдоподобны не только по отдельности, но и вместе, то есть представлять в итоге правдоподобное в целом домохозяйство. Задача для отдельных индивидуумов решается несколько проще, поскольку эти данные обычно можно извлечь из переписи населения. Для получения же информации о домохозяйствах Оркутт использовал исследования Мичиганского университета, в ходе которых опрашивались замужние женщины. Данное исследование среди прочего содержало информацию об их возрастах, возрастах детей, мужа и т. д.

Из демографических параметров в модели были реализованы параметры процессов рождаемости, смертности и брачности. Агенты существуют в рамках домохозяйств различного типа, и, как отмечает автор, некоторые переходы между типами домохозяйств не удалось описать в силу отсутствия данных. При этом важно отметить попытки автора связать демографические показатели с экономическими. Например, он изучал связь разводов с падением подушевого дохода (в описываемой модели присутствовал прототип рынка труда).

В последующих версиях модели будет добавлена миграция, больше внимание уделено процессам формирования и распада семьи. Расширился набор детерминант индивидов, например, стали учитываться такие параметры, как наличие работы или образование [5]. Модель в измененном и дополненном виде применяется до сих пор для изучения государственного регулирования в различных областях [6].

Как отмечает Имхофф (Imhoff) [7], микросимуляционные социально-экономические модели нашли широкое практическое применение. С 1963 г. Казначейство США стало применять модель TAX. Одновременно и другие министерства стали использовать микросимуляционное моделирование, и к 1980-м годам оно стало доминирующим численным методом для прогнозирования результатов изменений в регулировании в области социального обеспечения. О широте применения моделей рассказывает, к примеру, отчет по использованию микросимуляционного моделирования при принятии решений в отношении социальной политики [8].

Моделирование отдельных демографических процессов и демографического развития

Ко второму, выделенному нами направлению развития моделирования демографических процессов, относятся работы по моделированию отдельных демографических параметров или демографической

ситуации в целом. Уже в 1960-х годах XX в. стали появляться модели, ориентированные исключительно на изучение проблем народонаселения и на демографические процессы, например, моделирование процессов рождаемости и смертности на основе возрастных коэффициентов рождаемости и смертности [9]. В 1972 г. появилась одна из наиболее известных микросимуляционных моделей для демографии – SOCSIM [10]. Данная модель была разработана совместными усилиями ученых университетов Беркли и Кембриджа и используется до сих пор [11].

В дальнейшем микросимуляционное моделирование получило еще более широкое распространение в демографических исследованиях и применялось, например, для исследования структуры и численности домохозяйств в различных сообществах прошлого [12]. В настоящее время происходит совмещение микросимуляционных моделей с теорией анализа сетей. Данное явление может оказать положительное влияние на развитие агентных моделей самого различного назначения путем учета дальних родственных связей, что может быть важно при описании моделей социальных норм, распространения идей или при моделировании эпидемий.

Развитие вычислительных мощностей привело к смещению акцента с использования статистических данных на разработку логики поведения агентов, что и отличает агентный подход². Агентные модели пока не столь развиты, как микросимуляционные, поскольку требуется не просто описать демографические процессы, но также создать механизм взаимосвязей между различными внешними и внутренними факторами и теми решениями, которые принимает агент. Это существенно усложняет задачу моделирования и вынуждает фокусироваться на отдельных аспектах демографического поведения. При этом некоторые исследователи отмечают, что прогнозирование не является ключевой целью создания агентных моделей, поскольку основной упор в агентном моделировании делается на создании инструмента для объяснения демографических процессов [14]. В том числе и поэтому преобладают демографические агентные модели, сфокусированные на качественном изучении одного из демографических процессов.

Рассмотрим примеры моделирования отдельных демографических процессов.

Моделирование процесса брачности. Одной из первых стала модель, изучающая браки дальних родственников (статья Kunstadter Peter, Roald Buhler, Frederick F. Stephan and Charles F. Westoff [15]).

² Подробнее о различиях в подходах можно почитать, например, в работе Э. Сильвермана [13].

Программная реализация была написана на программном языке Fortran и изучала группы численностью от 100 до 300 человек, при этом к каждому агенту были привязаны ссылки на родителей, супруга, первого ребенка и младшего брата или сестру отца или матери для ускорения поиска двоюродных братьев или сестер³. Например, модели Кунстадтера и коллег [15] максимальное число одновременно живущих агентов составляло 8 тыс. человек.

Первые работы, в которых с помощью агентных моделей изучалась проблема поиска партнера для брака, появились в конце XX-го века (см., например, работу 1986 г.: [16]). В этих работах авторы ставили во главу угла оценку взаимной привлекательности, которая была некоторым образом распределена между агентами. В более поздних работах стало учитываться влияние социальных норм и возраста, например, в работе [17]. Показано, что рост доли вступивших в брак в популяции будет побуждать агентов с большей вероятностью принять решение о вступлении в брак.

Интересным фактом является то, что развитие моделей продолжается на таком значительном временном промежутке, что в некоторых случаях исходные предпосылки требуют переоценки. Рассмотрим это на примере учета в моделях брачности *образования* партнеров. В более ранних моделях образование повышало вероятность вступления в брак для мужчины и снижало ее для женщины [5]. В общем случае критерий выбора партнера первоначально описывался следующим «правилом»: мужчины предпочитают женщин образованных не более чем они сами, а женщины – не менее образованных, чем они сами. Однако начиная с 1970-х годов в Европе неравенство между мужчинами и женщинами в части получаемого образования начало сокращаться и с ростом доли высокообразованных женщин «правило» соблюдается все реже, что указывает на изменение критерия по образованию к поиску партнера. Данное явление рассматривается в статье [18] на основе данных по двенадцати европейским странам за период с 1921 по 2012 гг.

Разумеется, помимо моделей брачности, существуют агентные модели, описывающие и разводимость (см., например, [19]). В большинстве моделей поиска партнера агенты, нашедшие себе свои «половинки», выбывают из пула агентов в поиске. При этом исследователи предполагают, что в действительности никакого выбытия из пула агентов в поиске не происходит – поиск продолжается и после вступления в брак. Как мы упоминали, детерминанты разводимости интересо-

³ Именно отслеживание дальних родственных связей обычно и характеризует ориентированные на демографические проблемы микросимуляционные и агентные модели, тогда как модели общего назначения обычно ограничиваются описанием детско-родительских связей или вообще домохозяйств в целом, как базовых единиц анализа.

вали исследователей и ранее [4] при изучении связи интенсивности разводов с падением душевного дохода. Здесь хорошо видна разница между микросимуляционным и агентным подходами: в первом случае мы получаем разводимость как внешнюю вероятностную переменную, а во втором описываем логику принятия решений агентом.

Моделирование процесса рождаемости. Интересной, на наш взгляд, представляется работа по моделированию процесса рождаемости [20], в которой показано влияние общественного мнения на принятие решения о том, чтобы стать родителем. В агентно-ориентированной модели создана социальная сеть между агентами, а структура сети определяется такими параметрами узлов, как возраст, семейное положение, трудоустройство, образование и пол. Данная социальная сеть оказывает влияние на агента: чем больше родителей в его сети, тем выше вероятность того, что он сам захочет завести ребенка. Модель была верифицирована на данных по Австрии и показала высокую точность.

На рождаемость влияет достаточно много факторов, в том числе распространение информации о контрацепции, что также изучается в отдельных исследованиях (например, см.: [21]).

Моделирование миграции. В модели, описанной в статье Макарова В.Л., Бахтизина А.Р., Сушко Е.Д., Агеевой А.Ф. [22], социальные связи агентов используются для передачи информации об уровне жизни в другой стране. Проведя оценку условий жизни на родине и сравнив с полученной информацией об условиях жизни за рубежом (в данном случае в России), агент может принять решение о переселении. Авторы учли множество параметров, воспроизведя структуру искусственного общества, соответствующую реальному. Например, исходя из характеристики региона проживания (городская/сельская местность), для агента определяется вероятность иметь определенное число детей, а исходя из его квалификации, определяется наличие желания сохранить свой род деятельности и зарплатные ожидания. Структура связей агентов строится после генерации искусственного общества.

В работе [23] рассматривается актуальный вопрос связи миграции и климатических изменений на примере района в северо-восточном Таиланде. Модель учитывает активы (экономические и финансовые ресурсы) индивидов, в том числе владение землей, социальные связи, в том числе связи домохозяйства с 10% наиболее обеспеченных домохозяйств, наделы земли и их параметры (размер, расстояние от деревни, вероятность затопления, качество почвы и т. д.). Изменение климата напрямую не побуждает агента к миграции, влияние оказывают экономические последствия от изменения климата: например, дожди влияют на урожай, урожай влияет на доход домохозяйства, доход влияет на имеющиеся активы, а уже они влияют на принятие решения о миграции.

Эпидемиологические модели, моделирование смертности и заболеваемости. Широкое распространение получили модели анализа распространения вируса COVID-19: модели общей динамики распространения вируса с учетом социальных связей внутри домохозяйства, на работе и проч. [24]; модели оценки рисков передачи вируса в помещениях [25]; модели оценки экономического ущерба от принятия мер сдерживания распространения вируса [26; 27] и т. д. Структуру такого рода моделей можно рассмотреть на примере Covasim, которая использовалась сразу на нескольких континентах для моделирования динамики ситуации с вирусом и оценки возможного ответа [24]. Covasim представляет собой агентную модель с фиксированными состояниями агентов (не болевший, носитель (с симптомами по категориям или без таковых), выздоровевший, умерший) и дискретным периодом времени. На каждом шаге работы модели (по умолчанию один шаг работы соответствует одному дню) происходит следующее: накладываются ограничения системы здравоохранения (например, доступность ИВЛ), обновляется состояние каждого агента (что может включать, к примеру, развитие болезни), рассчитывается передача вируса по социальной сети агента, а также происходит учет введения мер сдерживания распространения заболевания (например, социальная дистанция, карантин и т. д.). Модель учитывает различные вероятности передачи вируса для разных типов социальных связей: так, наибольшая вероятность передачи вируса – это другим членам домохозяйства, заметно меньше – коллегам на работе, в школе и т. д. При правильном моделировании типов связей агентов средняя вероятность будет соответствовать реально наблюдаемой. Одновременно учитывается различная восприимчивость агента к вирусу в зависимости от его возраста, а также заразность носителя – она меняется с течением времени. Модель поддерживает сразу несколько подходов к генерации связей агентов, включая случайные сети, гибридные (на вход принимается распределение населения по возрасту, далее агенты распределяются случайным образом по домохозяйствам на основе данных об их размере, без контроля распределения по возрасту), и с использованием SynthPop (искусственного общества) [28]. Последний является обобщением ряда предложенных методик генерации искусственного общества и позволяет генерировать общества, обладающие высокой степенью достоверности по ряду параметров (структура сетей, распределение по возрасту и т. д.).

Пандемия актуализировала разработку агентных моделей. На призыв Королевского Общества о помощи с разработкой моделей распространения заболевания⁴ откликнулось более 1800 команд и специалистов. Мы выбрали в качестве примера Covasim, поскольку это один

⁴ royalsociety.org/topics-policy/Health%20and%20wellbeing/ramp.

из крупных проектов, разработанных во взаимодействии ряда исследовательских организаций с привлечением специалистов из отрасли информационных технологий, и важным достоинством Covasim является открытость исходного кода, что позволяет свободно использовать наработки всем желающим.

В то же время модели распространения заболеваний существовали задолго до COVID-19 [29]. Эта модель не уступает Covasim по своему функционалу. Можно утверждать, что именно эпидемиологическое направление исследований привело к созданию наиболее мощных агентных моделей, которые могут быть взяты на заметку демографами. Для этих моделей критически важными являются различные среды, в которых обитают люди (дом, школа, работа и т. д.), поскольку в них по-разному происходит распространение заболеваний. Другим немаловажным фактором является значимость этих моделей для практического применения, и как следствие – финансирование со стороны оборонных ведомств и системы здравоохранения. Это позволяет углублять детализацию модели: так, упоминаемая ниже [35] модель последствий применения биологического оружия, разработанная в Университете Карнеги-Меллон, учитывала погодные и климатические особенности, характеристики местности, существующую инфраструктуру.

В качестве примера модели в области заболеваемости (не эпидемиологической, а хронической направленности) приведем модель, которая изучает различные подходы к реформе здравоохранения в Уганде в контексте лечения онкологических заболеваний и связанной с этим заболеванием бедностью [30]. Авторы создали искусственное общество из 10 тыс. агентов, обладающее демографическими свойствами населения Уганды. В модели учтены семейные связи, распределение агентов по доходу, осуществлена привязка агентов в местности, реализованы основные демографические процессы, такие как рождаемость и смертность, а также заболеваемость онкологией. В модели присутствует система здравоохранения Уганды – 53 госпиталя, а также действующие на территории НКО. Модель реализована в среде AnyLogic с последующим анализом в R.

Комбинированные экономико-демографические модели: демографические процессы как базовые общественные процессы

Третье направление развития демографического моделирования с использованием микросимуляционных и агентных методов представлено комбинированными экономико-демографическими моделями, в которых демографические процессы выступают как основные, базовые общественные процессы.

Говоря о применении микросимуляционных моделей, стоит отметить, что чисто демографические модели применяются редко и в основном используются в сфере экономико-демографических и социально-демографических исследований. Более широкое применение получили модели, в которых помимо демографических процессов представлены и другие, например, экономические. Как показано в обзоре исследований по данной теме [31], основная направленность применения моделей – это моделирование последствий реализации социальных программ. Это могут быть исследования, связанные с пенсионным страхованием, долгосрочными программами рынка жилья, системой высшего образования, рынком труда и проч. Данные исследования были проведены в таких странах, как Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Ирландия, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, Словения, США, Франция, Чехия, Швеция, Япония и т. д.

Моделирование поведения людей на рынке труда с учетом демографического поведения (репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения) также можно назвать одним из распространенных направлений использования комбинированных моделей – от моделей, направленных на решение конкретных задач (например, модель, учитывающая вклад межрегиональных миграций в экономическую конвергенцию регионов [32]), до платформ, учитывающих вклад всего спектра демографических решений в поведение агентов на рынке труда [33].

Авторы упомянутого обзора современных моделей также отмечают перспективные направления развития микросимуляционного моделирования: изменение климата, распространение заболеваний, изучение вопросов использования времени и личных сбережений [31]. Помимо исследовательских перспектив следует отметить новые концептуальные политические подходы и новые методы анализа больших данных, которые «вплетают» в свой дизайн современные комбинированные модели. Например, модель *Symphony* [34], являясь инструментом симуляции для принятия политических решений, содержит идеи устойчивого развития и включает методы анализа мнений граждан, высказанных в социальных сетях. Полагаем, что внедрение концепции устойчивого развития в модели может привести к расширению демографического блока, поскольку цели развития населения (в первую очередь увеличение продолжительности жизни и сохранение здоровья) составляют существенную часть данной концепции.

Помимо анализа различных социально-экономических программ, агентное моделирование может быть важно и для изучения вопросов безопасности. В качестве примера можно привести модель оценки

последствий применения биологического оружия [35], взаимодействия людей при ядерной катастрофе [36] или при формировании протестных настроений [37] и т. д. В рамках данной тематики также изучаются вопросы демографии. Например, в статьях [38;39] изучается влияние гражданской войны в Непале (1996–2006 гг.) на основные демографические процессы: миграцию, брачность и т. д. В модели учитываются различные виды проявлений конфликта, включая подорывы бомб, вооруженные столкновения и проч. Так, конфликт оказал негативное влияние на миграцию в силу сложности перемещения в ходе боевых действий (с усилением миграции в ходе временного прекращения огня) и положительное влияние на принятие решений о вступлении в брак, поскольку стороны конфликта чаще рекрутировали холостых.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование научных достижений в области развития демографического моделирования с использованием микросимуляционного и агентного подходов позволило выделить три направления: 1) недемографические модели, которые включают базовые демографические параметры в социально-экономические модели; 2) модели собственно демографических процессов или демографического развития территории; 3) комбинированные, преимущественно экономико-демографические, модели, в которых демографическая часть является ключевой задачей. Развитие агентного моделирования и впечатляющий рост данных о населении позволяют надеяться, что в ближайшее время будут появляться все более сложные и достоверные модели, которые позволят изучать широкий спектр проблем и будут отвечать требованиям к инструментам формирования и тестирования социальной и демографической политики государства.

Приложение

Таблица

Информация о цитировании рассмотренных статей с ненулевым цитированием в Google Scholar на дату 30.03.2021, опубликованных в 2010–2021 гг. (статьи ранжированы по убыванию количества цитирований)

Статьи 2010–2021 гг. с ненулевым цитированием в Google Scholar на дату 30.03.2021, используемые в данной публикации	Количество цитирований в Google Scholar по состоянию на 30.03.2021
Ajelliet al, 2010	250
LiandO'Donoghue, 2013	157
Billari et al, 2007	140
Silverman et al, 2013	84
Silva et al, 2020	68
Grow and Bavel, 2015	65
Williams et al, 2012	60
Diaz et al, 2007	59
Cuevas, 2020	58
Dawid et al, 2012	55
HillsandTodd, 2008	53
Kerr et al, 2020	47
Entwisle et al, 2016	40
Favreault et al, 2018	37
KimandHanneman, 2011	32
Shrime et al, 2016	21
Макаров, Бахтизин и др., 2017	20
Chattoe, 2003	17
Williamsetal, 2017	12
Burgeretal, 2017	10
Prskawetz, 2017	8
Kanoetal, 2021	5

Источник: составлено авторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Von Neumann J., Burks A.W. Theory of self-reproducing automata // IEEE Transactions on Neural Networks. 1966. № 5(1). Pp.3–14.
2. Schelling T.C. Dynamic models of segregation // Journal of Mathematical Sociology. 1971. № 1(2). Pp. 143–186.
3. Orcutt Guy H. A new type of socio-economic system // The review of economics and statistics. 1957. Pp. 116–123.
4. Orcutt Guy H. Microanalysis of socioeconomic systems. 1961.
5. Orcutt, Caldwell and Wertheimer. Policy Exploration Through Microanalytic Simulation. Washington, DC: Urban Institute, 1976. P. 86.
6. Favreaul, M.M., Smith K.E., Johnson R.W. 2015. The dynamic simulation of income model (DYNASIM). Washington, DC: Urban Institute. № 5(7).
7. Van Imhoff, Evert, et al., eds. Household demography and household modeling. Springer Science & Business Media, 2013.
8. National Research Council. Improving Information for Social Policy Decisions – The Uses of Microsimulation Modeling: Volume I, Review and Recommendations. Washington, DC: The National Academies Press. 1991. doi.org/10.17226/1835.
9. MacCluer J. W. Monte Carlo methods in human population genetics: a computer model incorporating age-specific birth and death rates // American journal of human genetics. 1967. 19. № 3. Pt 1. 303.
10. Wachter K.W., Eugene A. Hammel, and Peter Laslett. Statistical studies of historical social structure. Elsevier, 2013.
11. Dyke B., MacCluer J. W., eds. Computer simulation in human population studies. Academic Press, 1973.
12. Mason C. Demographic models. In Handbook of Microsimulation Modelling. Emerald Group Publishing Limited, 2014. Pp. 345–365.
13. Silverman E., JakubBijak, Jason Hilton, Viet Dung Cao, and Jason Noble. When demography met social simulation: A tale of two modelling approaches // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2013.16. №4, 9.
14. Prskawetz A. The role of social interactions in demography: An agent-based modelling approach. In Agent-based modelling in population studies. Springer, Cham. 2017. Pp. 53–72.
15. Kunstadter Peter, Roald Buhler, Frederick F. Stephan, and Charles F. Westoff. Demographic variability and preferential marriage patterns // American Journal of Physical Anthropology. 1963. № 21(4). Pp. 511–519.
16. Grow A. How to Design Agent-Based Marriage Market Models: A Review of Current Practices. Simulieren und Entscheiden. 2019. Pp. 59–83.
17. Billari F.C., Prskawetz A., Diaz B.A., Fent T. The “wedding-ring” an agent-based marriage model based on social interaction // Demographic Research. 2007. 17. Pp. 59–82.
18. Grow A., Van Bavel J. Assortative Mating and the Reversal of Gender Inequality in Education in Europe: An Agent-Based Model. 2015. PLoS ONE 10(6): e0127806. doi:10.1371/journal.pone.0127806.
19. Hills T., Todd P. Population heterogeneity and individual differences in an assortative agent-based marriage and divorce model (MADAM) using search with relaxing expectations // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2008.11(4, 5).

20. Diaz B.A., Fent T., Prskawetz A., Bernardi L. Transition to parenthood: The role of social interaction and endogenous networks // *Demography*. 2007. № 48(2). Pp. 559–579.
21. Chattoe E. The role of agent-based modelling in demographic explanation. In *Agent-Based Computational Demography*. Heidelberg: Physica, 2003. Pp. 41–54.
22. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф. Агент-ориентированный подход при моделировании трудовой миграции из Китая в Россию // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 331–341.
23. Entwisle B., Williams N.E., Verdery A.M., Rindfuss R.R., et al. Climate shocks and migration: an agent-based modeling approach // *Population and environment*. 2016. № 38(1). Pp. 47–71.
24. Kerr C.C., Stuart R.M., Mistry D., Abeysuriya R.G., Hart G., et al. Covasim: an agent-based model of COVID-19 dynamics and interventions, 2020. The preprint server for health sciencemedRxiv.
25. Cuevas E. An agent-based model to evaluate the COVID-19 transmission risks in facilities. *Computers in biology and medicine*. 2020. 121. 103827.
26. Kano T., Yasui K., Mikami T., Asally M., Ishiguro A. An agent-based model of the interrelation between the COVID-19 outbreak and economic activities. *Proceedings of the Royal Society*. 2021. A, 477(2245). doi.org/10.1098/rspa.2020.0604.
27. Silva P.C., Batista P.V., Lima H.S., Alves M.A., Guimarães F.G., Silva R.C. COVID-ABS: An agent-based model of COVID-19 epidemic to simulate health and economic effects of social distancing interventions. *Chaos, Solitons and Fractals*. 2020. 139 (110088). <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2020.110088>.
28. SynthPops. SynthPops algorithm. Retrieved from the internet on Feb. 15, 2021. docs.idmod.org/projects/synthpops/en/latest/algorithm.html.
29. Ajelli M., Gonçalves B., Balcan D. et al. Comparing large-scale computational approaches to epidemic modeling: Agent-based versus structured metapopulation models. *BMC Infectious Diseases*. 2010. 10 (1), 190. doi.org/10.1186/1471-2334-10-190.
30. Shrimpe M.G., Sekidde S., Linden A., Cohen J.L., Weinstein M.C., Salomon J.A. Sustainable development in surgery: the health, poverty, and equity impacts of charitable surgery in Uganda. 2016. *PLoS One*, 11(12), e0168867.
31. Li and O'Donoghue. A survey of dynamic microsimulation models: uses, model structure and methodology // *International Journal of Microsimulation*. 2013. 6(2) Pp. 3–55.
32. Dawid H., Gemkow S., Harting P. et al. Labor market integration policies and the convergence of regions: the role of skills and technology diffusion // *Journal of Evolutionary Economics*. 2012. 22. Pp. 543–562. doi.org/10.1007/s00191-011-0245-1.
33. Kant J.-D., Ballot G., Goudet O. WorkSim, an agent-based framework to study labor markets. *International Conference on Agent Computing*, Robert Axtell. 2016, November. Fairfax, United States. (hal-01511156).
34. Symphony Project. Retrieved from the internet on March. 15, 2021. project-symphony.eu/project/objectives.
35. Carley K.M. et al. A Model of Biological Attacks on a Realistic Population. In: Minai A.A., Braha D., Bar-Yam Y. (eds) *Unifying Themes in Complex Systems*. 2011. Springer, Berlin, Heidelberg. doi.org/10.1007/978-3-642-17635-7_10.
36. Burger A., Oz T., Crooks A., Kennedy W.G. Generation of realistic mega-city populations and social networks for agent-based modeling. In *Proceedings of the 2017*

- International Conference of The Computational Social Science Society of the Americas. 2017, October. Pp. 1–7.
37. Kim J.W., Hanneman R. A computational model of worker protest// *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2011. 14(3), 1.
38. Williams N.E., Ghimire D.J., Axinn W.G., Jennings E.A., Pradhan M.S. A micro-level event-centered approach to investigating armed conflict and population responses// *Demography*. 2012. 49(4). Pp. 1521–1546.
39. Williams N.E., O'Brien M.L., Yao X. Using survey data for agent-based modeling: design and challenges in a model of armed conflict and population change. In *Agent-Based Modelling in Population Studies*. Springer, Cham. 2017. Pp. 159–184.

REFERENCES

1. Von Neumann J., Burks A.W. Theory of self-reproducing automata // *IEEE Transactions on Neural Networks*. 1966. № 5(1). Pp. 3–14.
2. Schelling T.C. Dynamic models of segregation// *Journal of Mathematical Sociology*. 1971. № 1(2). Pp. 143–186.
3. Orcutt Guy H. A new type of socio-economic system // *The review of economics and statistics*. 1957. Pp. 116–123.
4. Orcutt Guy H. Microanalysis of socioeconomic systems. 1961.
5. Orcutt, Caldwell and Wertheimer. *Policy Exploration Through Microanalytic Simulation*. Washington, DC: Urban Institute, 1976. P. 86.
6. Favreaul, M.M., Smith K.E., Johnson R.W. 2015. The dynamic simulation of income model (DYNASIM). Washington, DC: Urban Institute. № 5(7).
7. Van Imhoff, Evert, et al., eds. *Household demography and household modeling*. Springer Science & Business Media, 2013.
8. National Research Council. *Improving Information for Social Policy Decisions – The Uses of Microsimulation Modeling: Volume I, Review and Recommendations*. Washington, DC: The National Academies Press. 1991. doi.org/10.17226/1835.
9. MacCluer, J. W. Monte Carlo methods in human population genetics: a computer model incorporating age-specific birth and death rates // *American journal of human genetics*. 1967. 19. № 3. Pt 1. 303.
10. Wachter K.W., Eugene A. Hammel, and Peter Laslett. *Statistical studies of historical social structure*. Elsevier, 2013.
11. Dyke B., MacCluer J. W., eds. *Computer simulation in human population studies*. Academic Press, 1973.
12. Mason C. Demographic models. In *Handbook of Microsimulation Modelling*. Emerald Group Publishing Limited, 2014. Pp. 345–365.
13. Silverman E., JakubBijak, Jason Hilton, Viet Dung Cao, and Jason Noble. When demography met social simulation: A tale of two modelling approaches // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2013. 16. № 4, 9.
14. Prskawetz A. The role of social interactions in demography: An agent-based modelling approach. In *Agent-based modelling in population studies*. Springer, Cham. 2017. Pp. 53–72.
15. Kunstadter Peter, Roald Buhler, Frederick F. Stephan, and Charles F. Westoff. Demographic variability and preferential marriage patterns// *American Journal of Physical Anthropology*. 1963. № 21(4). Pp. 511–519.

16. *Grow A.* How to Design Agent-Based Marriage Market Models: A Review of Current Practices. *Simulieren und Entscheiden*. 2019. Pp. 59–83.
17. *Billari F.C., Prskawetz A., Diaz B.A., Fent T.* The “wedding-ring” an agent-based marriage model based on social interaction // *Demographic Research*. 2007. 17. Pp. 59–82.
18. *Grow A, Van Bavel J.* Assortative Mating and the Reversal of Gender Inequality in Education in Europe: An Agent-Based Model. 2015. PLoS ONE 10(6): e0127806. doi:10.1371/journal.pone.0127806.
19. *Hills T., Todd P.* Population heterogeneity and individual differences in an assortative agent-based marriage and divorce model (MADAM) using search with relaxing expectations // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2008. 11(4, 5).
20. *Diaz B.A., Fent T., Prskawetz A., Bernardi L.* Transition to parenthood: The role of social interaction and endogenous networks // *Demography*. 2007. № 48(2). Pp. 559–579.
21. *Chattoe E.* The role of agent-based modelling in demographic explanation. In *Agent-Based Computational Demography*. Heidelberg: Physica, 2003. Pp. 41–54.
22. *Makarov V.L., Bakhtizin A.P., Sushko E.D., Ageeva A.F.* Agent-based approach to simulation of labour migration from China to Russia // *Economy of the region*. 2017. Vol. 13, Issue. 2. P. 331–341. (In Russ.).
23. *Entwisle B., Williams N.E., Verdery A.M., Rindfuss R.R., et al.* Climate shocks and migration: an agent-based modeling approach // *Population and environment*. 2016. № 38(1). Pp. 47–71.
24. *Kerr C.C., Stuart R.M., Mistry D., Abeysuriya R.G., Hart G., et al.* Covasim: an agent-based model of COVID-19 dynamics and interventions, 2020. The preprint server for health science medRxiv.
25. *Cuevas E.* An agent-based model to evaluate the COVID-19 transmission risks in facilities. *Computers in biology and medicine*. 2020. 121. 103827.
26. *Kano T., Yasui K., Mikami T., Asally M., Ishiguro A.* An agent-based model of the interrelation between the COVID-19 outbreak and economic activities. *Proceedings of the Royal Society*. 2021. A, 477(2245)/ doi.org/10.1098/rspa.2020.0604.
27. *Silva P.C., Batista P.V., Lima H.S., Alves M.A., Guimarães F.G., Silva R.C.* COVID-ABS: An agent-based model of COVID-19 epidemic to simulate health and economic effects of social distancing interventions. *Chaos, Solitons and Fractals*. 2020. 2020. 139 (110088). doi: 10.1016/j.chaos.2020.110088.
28. *SynthPops.* SynthPops algorithm. Retrieved from the internet on Feb. 15, 2021 from docs.idmod.org/projects/synthpops/en/latest/algorithm.html.
29. *Ajelli M., Gonçalves B., Balcan D. et al.* Comparing large-scale computational approaches to epidemic modeling: Agent-based versus structured metapopulation models. *BMC Infectious Diseases*. 2010. 10 (1), 190. doi.org/10.1186/1471-2334-10-190.
30. *Shrime M.G., Sekidde S., Linden A., Cohen J.L., Weinstein M.C., Salomon J.A.* Sustainable development in surgery: the health, poverty, and equity impacts of charitable surgery in Uganda. 2016. PLoS One, 11(12), e0168867.
31. *Li and O'Donoghue.* A survey of dynamic microsimulation models: uses, model structure and methodology // *International Journal of Microsimulation*. 2013. 6(2). Pp. 3–55.
32. *Dawid H., Gemkow S., Harting P. et al.* Labor market integration policies and the convergence of regions: the role of skills and technology diffusion // *Journal of Evolutionary Economics*. 2012. 22. Pp. 543–562. https://doi.org/10.1007/s00191-011-0245-1.

33. Kant J.-D., Ballot G., Goudet O. WorkSim, an agent-based framework to study labor markets. International Conference on Agent Computing, Robert Axtell. 2016, November. Fairfax, United States. (hal-01511156).
34. Symphony Project. Retrieved from the internet on March. 15, 2021. project-symphony.eu/project/objectives.
35. Carley K.M. et al. A Model of Biological Attacks on a Realistic Population. In: Minai A.A., Braha D., Bar-Yam Y. (eds). Unifying Themes in Complex Systems. 2011. Springer, Berlin, Heidelberg. doi.org/10.1007/978-3-642-17635-7_10.
36. Burger A., Oz T., Crooks A., Kennedy W.G. Generation of realistic mega-city populations and social networks for agent-based modeling. In Proceedings of the 2017 International Conference of The Computational Social Science Society of the Americas. 2017, October. Pp. 1–7.
37. Kim J.W., Hanneman R. A computational model of worker protest // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2011. 14(3), 1.
38. Williams N.E., Ghimire D.J., Axinn W.G., Jennings E.A., Pradhan M.S. A micro-level event-centered approach to investigating armed conflict and population responses // Demography. 2012. 49(4). Pp. 1521–1546.
39. Williams N.E., O'Brien M.L., Yao X. Using survey data for agent-based modeling: design and challenges in a model of armed conflict and population change. In Agent-Based Modelling in Population Studies. Springer, Cham. 2017. Pp. 159–184.

ABOUT THE AUTHORS

Kalabikhina Irina Evgenievna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Population of the Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia
kalabikhina@econ.msu.ru

Belyanov Aleksandr Aleksandrovich – Postgraduate Student of the Population Department of the Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.
beaa18a@econ.msu.ru

REVIEW OF MICROSIMULATION AND AGENT-BASED APPROACHES IN DEMOGRAPHIC RESEARCH

The paper considers the directions of development of microsimulation and agent-based approaches to describe demographic processes and demographic behavior. The selection of articles under investigation is based on citation, publication period, as well as on the authors' expert assessment of the significance of the described model for studying the modeling of demographic parameters. We distinguish three directions of modeling demographic parameters: inclusion of demographic parameters in socio-economic models; development of separate models for demographic processes and demographic development of the territory (with examples of modeling of marriage, fertility, migration, mortality and morbidity, including epidemiological models); creation of combined economic and demographic models, in which demography is one of the main components.

Keywords: *demography, population economics, microsimulation modeling, agent-based modeling*
JEL: J1, J10, C6.

А.А. ИЛИМБЕТОВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры
народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: УСЛОВИЯ, ЦЕЛИ, ПОДХОДЫ

В статье рассматриваются понятия «адаптация» и «интеграция» иностранных граждан. Отмечено, что цель интеграции – помочь мигрантам адаптироваться в новой социальной среде и стать полноправными участниками общественных отношений. Приводятся различные подходы к составляющим процесса интеграции мигрантов. Определены особенности России как страны, принимающей международных мигрантов, а также факторы возникновения проблем, связанных с различием культур и жизненного уклада прибывающих и местного населения. Проведен анализ нормативных правовых положений, регламентирующих процессы адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации. Обоснована необходимость разработки комплексной политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, миграционные процессы, трудовые мигранты, иностранные граждане.

JEL: F22, J61.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155.

Введение

Демографические тенденции и прогнозы говорят о том, что в будущем сохранение численности населения и восполнение трудовых ресурсов развитых стран будет все сильнее зависеть от объемов миграции. Уже в настоящее время в мире насчитывается 272 млн мигрантов, т. е. людей, проживающих не в тех странах, в которых они родились. Из них около 70% мигрируют в поисках работы, т. е. являются трудовыми мигрантами¹.

Различие культур порождает конфликтные ситуации в странах приема мигрантов и актуализирует вопросы социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в принимающем обществе. Остро стоят эти вопросы и в России. Недовольство россиян поведением иностранцев, работающих в России, и субъективно выделяемые негативные явления российского общества, которые отмечают

¹ World Migration report 2020. IOM. P. 21, 33. publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf.

во время опросов трудовые мигранты (например, неуважение к старшим или распущенность), говорят о том, что происходит столкновение разных культур. Как считал А.Г. Вишневский, проблема в том, что мировая деревня едет в мировой город, и это две разные цивилизации. По его мнению, у основной массы приезжих «... другая картина мира, гораздо более плоская, упрощенная»². Деревня в данном случае – понятие образное. Если городская культура предполагает и ценит свободу личности и возлагает принятие решений и ответственность на индивида, то культура большинства мигрантов связана с коллективными ценностями и нормативностью поведения, следованием предписаниям. Этот коллективизм находит отражение в способах решения мигрантами своих проблем: в надежде лишь на миграционные сети, что в условиях отсутствия официальных каналов адаптации и интеграции усиливает процессы формирования анклавного, параллельного общества мигрантов, в том числе на территории России.

Нарастание миграционной активности и усиление проблем, связанных с ней, диктуют необходимость уточнения и дальнейшего научного обоснования подходов к регулированию миграции и скорейшей разработки комплексной политики адаптации и интеграции приезжающих в Россию иностранных граждан. При этом важно учитывать следующие особенности России как страны назначения для международных мигрантов:

- Россия включилась в систему международной миграции относительно недавно и поэтому имеет небольшой опыт регулирования миграционных потоков;
- в первое десятилетие после распада СССР в Россию приезжали в основном уроженцы РСФСР, которые захотели вернуться, и люди, социализировавшиеся в период существования единого государства;
- в скором времени в активную социальную и трудовую жизнь в России вступят мигранты второго поколения, предъявляющие более высокие требования к условиям жизни и труда, чем их родители;
- большинство иностранных граждан приезжают для временной работы и не мотивированы к адаптации и интеграции;
- в силу демографических изменений миграционный потенциал государств – бывших советских республик постепенно исчерпывается, а приток в Россию мигрантов – выходцев из других государств, усложняет задачи их адаптации и интеграции.

² Вишневский А.Г. Выступление на семинаре «Вызовы городского разнообразия и поиск ответа на них в эпоху масштабных миграций». www.gorby.ru/userfiles/file/vishnevskiy.pdf.

Адаптация и интеграция мигрантов: сущность, соотношение понятий, нормативные правовые определения

Представление об адаптации и интеграции как единых процессах можно обнаружить в работах Дж. Берри [14]. Согласно его подходу, адаптация является процессом, в котором мигрант поддерживает свою культуру и адаптируется к новой культурной среде. Интеграция является одной из его стратегий, предполагающей сохранение некоторых элементов своей культуры в противоположность ассимиляции, сегрегации или маргинализации. При интеграции «родная» культура продолжает существовать во взаимодействии с иными культурами, но в окружении единого большого социального контекста [13].

В научной литературе встречаются попытки развести понятия «адаптация» и «интеграция», подчеркнув различия в способах их реализации. Под адаптацией подразумевают «процесс усвоения иностранным гражданином или лицом без гражданства образцов поведения, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему существовать и успешно действовать в принимающем обществе. Адаптация тесно связана с получением мигрантом официального статуса и легализацией его пребывания» [2, с. 4]. Под интеграцией подразумевают «процесс включения иностранного гражданина или лица без гражданства в систему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве его полноправного и постоянного члена; зачастую она связана с получением мигрантом права на временное или постоянное проживание в стране, а также с получением гражданства принимающей страны» [12, с. 46]. Согласно данному подходу, адаптация предшествует интеграции. Сначала иностранный гражданин должен изучить социальные (официальные и неофициальные) нормы, регулирующие жизнедеятельность принимающего сообщества (получение знаний). Затем он интегрируется, используя усвоенные нормы и включаясь в правовые, трудовые, социальные, культурные отношения (практическое использование знаний). Однако подобная попытка дифференцировать адаптацию и интеграцию не кажется результативной, т. к. процесс получения знаний у мигрантов чаще происходит в ходе практических организационных действий по получению документов и обустройству повседневной жизни.

На официальном уровне и в правовых актах Российской Федерации, несмотря на широкое использование терминов «адаптация» и «интеграция», их однозначное и непротиворечивое толкование отсутствует. В методических рекомендациях ФАДН России для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Рос-

сийской Федерации» под социальной и культурной адаптацией понимается «усвоение иностранными гражданами основ русского языка, истории России, законодательства Российской Федерации, правил поведения, навыков общения, норм общественной морали и этики, культурных ценностей, возможности получения государственных и иных услуг в целях пребывания (проживания), осуществления трудовой и иной деятельности на территории Российской Федерации в установленном порядке, формирования устойчивых социальных отношений, культурных связей и сотрудничества с гражданами Российской Федерации»³. Ключевым признаком необходимости адаптации и интеграции является пребывание на территории страны. Это стоит выделить особо, т. к. существующий порядок получения гражданства России допускает проживание соискателя гражданства за пределами страны – на территории постсоветских государств. В таком случае адаптация и интеграция, согласно подходу, предлагаемому ФАДН, не требуются по правовому статусу. Однако в случае въезда этого гражданина в Россию он окажется в группе лиц, нуждающихся в интеграции.

Россия, если проводить параллель между способом образования российского и европейских государств, является европейской страной. Основой государства выступают коренные этносы, исторически сформировавшиеся и проживающие на территории страны [5]. Но по стилю организации процесса интеграции мигрантов Россия ближе к Соединенным Штатам, в которых привыкание иностранцев к новому социуму отдавалось в руки самих мигрантов или неправительственных общественных организаций. Однако в случае с США подобная позиция оправдана историей формирования страны, которая продолжает являться «плавильным котлом» для мигрантов со всего мира. Сама политика плавильного котла возможна именно в США, где этническое многообразие является фактором, привлекающим мигрантов. В нашей стране, в условиях исторически сложившегося этнически разнообразного общества, подобный подход мог бы привести к конфликтам.

В российской правовой системе существует ряд документов, которые содержат положения об интеграционной политике: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года⁴; Государственная программа «Реализация госу-

³ Приказ ФАДН России от 17.11.2020 № 142 «О методических рекомендациях для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации».

⁴ Указ Президента России от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». www.kremlin.ru/acts/bank/36512.

дарственной национальной политики»⁵; Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы⁶. Так, в Концепции в качестве одной из задач миграционной политики рассматривается «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами»⁷. Эти положения можно назвать идейной основой всех перечисленных документов в вопросе, касающемся адаптации и интеграции.

Реализация адаптационных целей предусматривает обеспечение легального въезда, трудоустройства и получение государственных услуг в сфере миграции, установление простых, понятных для граждан и исполнимых правил, отвечающих цели, принципам и задачам миграционной политики. Для снижения влияния неофициальных посреднических структур помощи мигрантам создается система «единого окна». Создаются условия благоприятствования для выходцев из постсоветских государств, что должно обеспечить российскую экономику работниками, которые культурно и исторически близки нашему населению.

Участие субъектов Российской Федерации в реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан определяется Федеральным законом № 184-ФЗ. Он относит осуществление мер по социальной и культурной адаптации иностранных граждан к сфере ведения субъектов Российской Федерации. Их финансирование обеспечивается из региональных бюджетов⁸. Ряд полномочий в части сохранения и укрепления межнационального согласия, профилактика межнациональных конфликтов отнесены к вопросам местного значения, финансирование соответствующих мероприятий должно осуществляться за счет средств местных бюджетов (в соответствии с Федеральным законом

⁵ Государственная программа «Реализация государственной национальной политики», утвержденная постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 с поправками и дополнениями от 31 марта 2020 г. base.garant.ru/71580894/#block_1060.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». www.kremlin.ru/events/president/news/58986.

⁷ Там же.

⁸ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (действующая редакция). (п. «а.1» ч. 2 ст. 21, п. 20.1 ч. 2 ст. 26.3). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/.

№ 131-ФЗ)⁹. Таким образом, приоритеты страны по категориям принимаемых мигрантов, вопросы легализации пребывания и трудовой деятельности иностранных работников, т. е. экономические и правовые аспекты миграции, определяются на федеральном уровне, а все остальные вопросы, по сути, являющиеся стержнем адаптации и интеграции (сохранение межнационального мира, профилактика межнациональных конфликтов, проведение мероприятий по социальной и культурной адаптации), остаются сферой деятельности субъектов Федерации и местных органов власти и зависят от их финансовых возможностей и оценки актуальности вопросов работы с иностранными гражданами.

Процесс интеграции мигрантов и его составляющие

Стратегия успешной интеграции мигрантов может быть обозначена как «Стратегия четырех Д»: доступ к информации (правовой, культурной, трудовой); доступ к правовому статусу (легализация пребывания и трудовой деятельности); доступ к инфраструктуре (возможность пользования социальной, жилищной, транспортной, культурной, экономической инфраструктурой страны пребывания); доступ к ресурсам и услугам (возможность воспользоваться поддержкой государства и общества, получить необходимые услуги, достичь приемлемого уровня жизни и потребления и в конечном счете реализовать себя в новых условиях как полноправного участника экономической, социальной и культурной жизни) [12, с. 48]. Не все перечисленные составляющие успешной интеграции возможно измерить с помощью статистических показателей и даже опросов населения. Ограничение доступа может заключаться не только и не столько в документально утвержденных формах ограничений, сколько в повседневной жизни, в трудно фиксируемых ситуациях. Например, доступность информации и легализации может ограничиваться низким уровнем знания языка страны пребывания; доступ к инфраструктуре – отношением принимающего общества к иностранным гражданам, дискриминационными практиками при найме на работу, съеме жилья, оказании услуг. Представления о приемлемом уровне жизни и потребления отличаются у мигрантов первого и второго поколения. Мигранты первого поколения готовы терпимо относиться к плохим условиям жизни, но их дети, выросшие в стране пребывания, находятся в двой-

⁹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступившими в силу с 23.03.2021) (п. 7.2 ч. 1 ст. 14, п. 6.2 ч. 1 ст. 15, п. 7.2 ст. 16, ч. 1 ст. 18). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571.

ственном состоянии: с одной стороны, – они постоянные жители страны и, с другой – представители дискриминируемой социальной группы. Сохранение такой ситуации может выливаться в открытые конфликты, как это, например, происходит во Франции, где представители алжирской молодежи все чаще выражают недовольство своим социальным и правовым положением [8; 9].

В процессе интеграции иностранные граждане находятся под влиянием различных социальных институтов. И те из них, которые оказывают большее воздействие, содействуют в решении бытовых и трудовых проблем, будут определять мотивацию и отношение мигранта к стране пребывания, к местному населению, вопросам легализации. Конфликтные отношения с принимающим населением, «столкновение с неравенством на рынке труда и жилья (т. е. с дискриминацией) или с проявлениями вражды по этническому, расовому или религиозному признаку влечет за собой самоизоляцию новопривывшего населения. Происходит их замыкание в узком кругу «своих»» [6, с. 10]. «Свои» в данной ситуации готовы участвовать в решении проблем, но не всегда эта помощь бескорыстна. В условиях незнания языка, законов, отсутствия официальной правовой помощи иностранные граждане становятся заложниками ситуации. Поэтому, по мнению специалистов, «для того, чтобы интеграция мигрантов была эффективной, она не должна возлагаться на мигрантов. Если общество не захочет их интегрировать, они могут стараться изо всех сил, но все равно у них нет никаких шансов» [4, с. 24].

Среди обстоятельств, определяющих готовность принимающего общества взаимодействовать с мигрантами, Т. Кульман отмечает ограниченность экономических возможностей последних для обеспечения материального благосостояния, соответствующего представлениям принимающего общества [16, с. 13]. М. Дас Гупта отмечает влияние исторических связей и текущих отношений между странами исхода мигрантов и страной их пребывания [15].

Приоритеты интеграционных программ должны определяться стандартными приоритетами жизни каждого человека, независимо от гражданства. По мнению В.С. Малахова, «Первостепенные вопросы, решение или нерешенность которых непосредственно сказывается на протекании процесса интеграции, – это условия труда и жилье. Если эти проблемы не сняты (например, индивид работает по 12 часов в сутки без выходных и живет в унижающих человеческое достоинство условиях), ожидать от мигрантов включения в принимающее общество не приходится» [6, с. 10]. Интенсивный труд, нестандартный режим работы и отдыха, отсутствие социальных гарантий не оставляют иностранным гражданам физических и моральных сил для участия в культурных программах (концертах, выставках, встречах), с помощью кото-

рых их пытаются познакомить с культурой страны пребывания. То же касается мероприятий диаспорных организаций – основными потребителями их культурных и образовательных мероприятий становятся те соотечественники, которые обосновались в стране давно и обеспечили себя комфортными условиями труда и повседневной жизни и при этом хотели бы сохранить приобщенность к языку и культуре для себя и своих детей.

Ошибочная установка интеграционной политики на ассимиляцию иностранцев также может стать фактором ее непривлекательности и отторжения. Для человека, оказавшегося в чужой стране в окружении иной культуры, собственная идентичность является важным фактором его морального состояния, стержнем, помогающим ему преодолеть трудности миграции. Важно учитывать, что «этносом движет потребность в самосохранении, защите своих ценностей и традиций. Наиболее болезненны и эмоционально насыщены конфликты, возникающие в результате ущемления ценности этноса» [1, с. 31].

Известный российский миграциолог В.И. Мукомель выделяет следующие принципы реализации мер по интеграции мигрантов: интеграция – процесс, которому мигранты должны быть подвержены как в индивидуальном порядке, так и как определенная социально уязвимая группа; ответственность за интеграцию лежит как на самих мигрантах, так и на правительстве, организациях и населении принимающей страны; принимающее общество несет ответственность за то, чтобы реализация правового статуса мигрантов способствовала их участию в экономической, социальной, культурной и гражданской жизни общества; мигранты, в свою очередь, должны уважать нормы и фундаментальные ценности принимающей стороны и активно участвовать в процессе интеграции – без потери своей собственной идентичности [7]. И.В. Ивахнюк, дополняя эти принципы, указывает на необходимость взаимодействия принимающего общества и мигрантов, инфраструктуры реализации интеграционных мер, разработки различных программ для разных категорий мигрантов и вовлечение институтов гражданского общества [4, с. 15].

И.В. Ивахнюк также отмечает, что первичным является правовой статус и правовая защищенность мигрантов: «Только в том случае, если принимающее государство предпринимает реальные шаги, обеспечивающие права мигрантов, противодействующие их дискриминации и маргинализации, теневой занятости и эксплуатации, их социальной исключенности, и в то же время содействует формированию толерантного отношения к приезжим среди коренного населения, публично признает роль мигрантов для экономики страны, разъясняет те или иные мотивы проводимой миграционной политики населению, – только тогда создается атмосфера, в которой мигранты

и общество могут эффективно взаимодействовать» [4, с. 12]. Правовые нарушения в отношении иностранных граждан благоприятствуют подобным практикам и в отношении местного населения, т. к. нарушение трудовых или социальных прав не может иметь гражданства. Факт нарушения чьих-либо прав есть констатация факта неэффективности законодательства.

Разработка разных интеграционных программ для различных групп мигрантов обусловлена различиями стартовых возможностей изучения языка, поиска работы и получения дохода, различиями целей пребывания в России в зависимости от образования, пола, возраста. Установлено, что дети быстрее адаптируются в новых сообществах, т. к. посещают школу, вынуждены изучать язык страны пребывания и общаться со сверстниками [10; 11]. Женщинам сложнее выучить язык, т. к. местом их работы нередко являются частные домохозяйства, в которых общение с местным населением ограничено. Специализация выходцев разных стран концентрирует в определенных сферах экономики большое количество соотечественников, работающих в однородных бригадах (строительство, ремонт, сельскохозяйственные работы) без взаимодействия с местным населением или представителями иных этносов [3]. Эти факторы снимают необходимость изучения языка и усиливают процесс формирования анклавных сообществ.

Заключение

Понятия «адаптация» и «интеграция» в большинстве случаев рассматриваются как единый процесс, который предполагает ряд мер по обеспечению включения иностранных граждан в общественные отношения в стране пребывания в качестве полноправных членов общества. Эта цель достигается через реализацию комплекса мер по правовой, социальной защите мигрантов, по приобщению их к культурным нормам и стандартам поведения. В российской практике интеграционная политика сводится к мерам по легализации трудовой деятельности иностранных работников. Реализация мероприятий в социальной сфере и их финансирование передано в полномочия субъектов Федерации, которые отличаются между собой финансовыми возможностями и объемами миграции, что затрудняет проведение в стране комплексной адаптационной и интеграционной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманов Д.М., Демичев И.В., Нугуманов М.М., Кагарманов Р.Ф., Дусмухаметов Ф.А. Интеграция инокультурных мигрантов в России. Уфа: ДизайнПресс, 2014.
2. Адаптация и интеграция мигрантов. Сборник эффективных практик. БФ «ПСП-ФОНД». Санкт-Петербург, 2018.
3. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС ПРЕСС, 2011.
4. Ивахнюк И.В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России. Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? // Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Выпуск 29. М., 2015. С. 8–28.
5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. С. 77–87.
6. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России. Рабочая тетрадь. Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2014. № 12.
7. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / Отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.
8. Новоженова И.С. «Лишние люди»: волнения иммигрантской молодежи во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 121–141.
9. Новоженова И.С. Алжирская диаспора во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 77–100.
10. Полетаев Д.В. Реалии и перспективы адаптации детей-мигрантов из Средней Азии в России // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 4 (123). С. 110–121.
11. Соколова В.М. Проблемы адаптации мигрантов в Испании в исследованиях зарубежных социологов // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 2 (18). С. 118–135.
12. Социальная и культурная адаптация мигрантов, профилактика межнациональной напряженности и развитие межнационального сотрудничества в Санкт-Петербурге. Информационная брошюра для сотрудников внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 2017.
13. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. 2017. № 4. Т. 8. С. 46–70.
14. Berry J. W. Acculturation as varieties of adaptation. Ed. by A. Padilla. Boulder, Westview. 1980. Pp. 9–25.
15. Gupta Das M. What is Indian about you? A gendered, transnational approach to ethnicity // Gender and Society. 1997. № 11 (5). Pp. 572–593.
16. Kuhlman T. The economic integration of refugees in developing countries: a research model // Journal of refugee studies. 1991. № 4 (1). Pp. 1–20.

REFERENCES

1. *Abdrakhmanov D.M., Demichev I.V., Nugumanov M.M., Kagarmanov R.F., Dusmukhametov F.A.* Integration of foreign cultural migrants in Russia. Ufa: DesignPress, 2014. (In Russ.).
2. Adaptation and integration of migrants. Collection of effective practices. CF "PSP-FUND". Saint Petersburg. 2018. (In Russ.).
3. Women-migrants from the CIS countries in Russia / ed. by E.V. Tyuryukanova-M.: MAKS PRESS. 2011. (In Russ.).
4. *Ivakhnyuk I.V.* Some methodological and practical issues of the policy of integration of migrants in Russia. Integration of migrants: is it possible in modern society? Scientific series: International Population Migration: Russia and the modern World. Iss. No. 29. (In Russ.).
5. *Malakhov V.S.* Integration of migrants as an administrative problem: the experience of the European Union. 2015. No. 1. P.77–87. (In Russ.).
6. *Malakhov V.S.* Integration of migrants: European experience and prospects of Russia. Workbook. Russian Council for International Affairs. No. 12. 2014. M. 2014. (In Russ.).
7. *Mukomel V.I.* Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society // Russia reforming: Yearbook [collection of scientific articles] / Ed. by M. K. Gorshkov; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M. 2016. Iss. No 14. pp. 411–467. (In Russ.).
8. *Novozhenova I.S.* "Superfluous people": unrest of immigrant youth in France // Actual problems of Europe. 2008. No. 4. Pp. 121–141. (In Russ.).
9. *Novozhenova I.S.* The Algerian Diaspora in France // Actual problems of Europe. 2009. No. 4. Pp. 77–100. (In Russ.).
10. *Poletaev D.V.* Realities and prospects of adaptation of migrant children from Central Asia in Russia. 2017. Vol. 16. No. 4 (123). Pp. 110–121. (In Russ.).
11. *Sokolova V.M.* Problems of adaptation of migrants in Spain in the research of foreign sociologists // Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika. 2017. Vol. 5. No. 2 (18). Pp. 118–135. (In Russ.).
12. Social and cultural adaptation of migrants, prevention of interethnic tension and development of interethnic cooperation in St. Petersburg. Information brochure for employees of inner-city municipalities of St. Petersburg. Saint Petersburg, 2017. (In Russ.).
13. *Andreushko A.A.* Theoretical approaches to the study of the adaptation of migrants in the host society: foreign experience // Bulletin of the Institute of Sociology. 2017. No. 4. Vol. 8. Pp. 46–70. (In Russ.).
14. *Berry J.W.* Acculturation as varieties of adaptation. Ed. by A. Padilla. Boulder, Westview. 1980. Pp. 9–25.
15. *Gupta Das M.* What is Indian about you? A gendered, transnational approach to ethnicity. Gender and Society. 1997. № 11 (5). Pp. 572–593.
16. *Kuhlman T.* The economic integration of refugees in developing countries: a research model. Journal of refugee studies. 1991. №4 (1). P. 1–20.

ABOUT THE AUTHOR

Ilimbetova Aisylu Amirovna – Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Population of the Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
akkosh@inbox.ru

ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS: CONDITIONS, GOALS, APPROACHES

The article discusses the concepts of "adaptation" and "integration" of foreign citizens. It was noted that the goal of integration was to help migrants adapt in a new social environment and become full participants in public relations. Various approaches to the components of the integration process of migrants are presented. The features of Russia as a country that receive international migrants, as well as the factors of the emergence of problems, associated with the difference in cultures and the way of life of the arriving and the local population, are determined. The analysis of the normative legal provisions, governing the adaptation and integration of migrants in the Russian Federation, is carried out. The necessity of developing a comprehensive policy of adaptation and integration of labor migrants has been substantiated.

Keywords: *adaptation, integration, migration processes, labor migrants, foreign citizens.*

JEL: F22, J61.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Б.О. ТУРСУНОВ

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой
«Экономическая безопасность» Ташкентского государственного
экономического университета

ЗАВИСИМОСТЬ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН ОТ ДИНАМИКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА¹

В данной работе автор рассматривает тенденции развития промышленного производства в разных регионах Республики Узбекистан в 2000–2018 гг. и группирует регионы по типам поступательного и циклического развития. Оценки, полученные в ходе исследования, имеют прогностическую ценность, поскольку позволяют предсказывать циклическую динамику на региональном уровне и предпринимать превентивные меры по смягчению кризисных последствий для промышленности разных регионов Узбекистана. Аналогичная информация была получена для текстильной промышленности различных регионов Узбекистана, что также позволит благоприятно спрогнозировать спад производства в текстильной отрасли. Кроме того, была выявлена зависимость циклической динамики в текстильной промышленности от фазы цикла в промышленности в целом. Этот факт также может учитываться при разработке антикризисных мер в текстильной отрасли, что имеет большое значение для обеспечения экономической безопасности Узбекистана.

Ключевые слова: *промышленность, поступательное и циклическое развитие; типологизация регионов, текстильная отрасль.*

JEL: G32, R11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_156_165.

¹ Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке данного исследования российскому ученому, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, избранному члену Международного статистического института, руководителю Центрально-Евразийского представительства Международного статистического института Е.В. Заровой.

Введение

В экономической литературе представлено много работ по анализу финансовой устойчивости предприятий с учетом влияния макроэкономических условий в конкретные временные периоды. К примеру, в работе «Modelling the financial stability of an enterprise taking into account macroeconomic indicators» [1] авторы исследуют финансовую устойчивость предприятий металлургической промышленности с помощью математических моделей, в которые включены параметры макроэкономических показателей, характеризующих их флуктуацию во времени. Это обеспечило авторам возможность учета особых условий деятельности предприятий в различные временные периоды.

Аналогичный вопрос является актуальным и для промышленности Республики Узбекистан в целом, а также для ее текстильной промышленности в частности. Основная гипотеза, принятая автором данной статьи при проведении исследования, состояла в следующем: динамика развития текстильной промышленности в регионах напрямую зависит от динамики промышленного производства в Республике Узбекистан в целом. Отсюда следует, что, анализируя поступательную и циклическую компоненты динамики промышленного производства в стране, можно выявить зависимость поступательной и циклической динамики производства по отраслям и секторам региональной экономики.

Основная цель данного исследования состоит в выявлении зависимости циклической динамики текстильной промышленности Республики Узбекистан от динамики промышленного производства в стране, а также в определении характера этой зависимости.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе была произведена оценка параметров поступательной (тренда) и циклической компонент динамики промышленного производства по регионам Республики Узбекистан [2]. Это позволило определить регионы, имеющие общие и специфические характеристики поступательной и циклической динамики промышленного производства в целом. На втором этапе производилась типологизация (кластеризация) регионов на основании сходства полученных параметров модели. На третьем, заключительном этапе исследования выявлялась зависимость циклической динамики текстильной промышленности от динамики промышленного производства Узбекистана.

При выполнении исследования были использованы данные о темпах роста производства промышленной продукции по регионам Республики Узбекистан за 2000–2018 гг., опубликованные на сайте Госкомстата Республики Узбекистан. Также были использованы данные о темпах роста производства текстильных изделий в Республике Узбекистан за 2010–2018 гг.

Определение параметров поступательной и циклической компонент динамики промышленного производства в Республике Узбекистан

Теория экономических циклов не может объяснить взаимное влияние колебаний экономических конъюнктур. Экономическая теория хорошо объясняет статические процессы в экономике. А динамические процессы, и тем более процессы, требующие определенного накопления финансовых ресурсов, или, например, поведение рынка ценных бумаг практически невозможно объяснить с позиции экономической теории. Дж.М. Кейнс в свое время пытался исследовать сложные экономические процессы, используя для этого мультипликаторы и акселераторы, но продолжения эти исследования не получили.

Однако, как нам представляется, статистические и эконометрические методы вполне применимы для решения проблем цикличности в экономической динамике [3].

Решение поставленной автором данной статьи задачи включает:

1. Оценку параметров поступательной и циклической компонент динамики промышленного производства по регионам Республики Узбекистан;

2. Комбинационную группировку регионов Республики Узбекистан по параметрам тренд-циклической компоненты динамики промышленного производства, объединяющую:

- группировку регионов по типу линейного тренда (восходящий или нисходящий);
- группировку регионов по параметрам циклической компоненты временного ряда темпов роста промышленного производства;
- определение специфических экономических типов регионов с учетом результатов комбинационной группировки.

Предложенная модель оценки параметров поступательной и циклической динамики промышленного производства в j -м регионе республики Узбекистана имеет следующий вид:

$$\bar{y}_j = a_0 + a_1 * t + a_2 \sin(k * t) + a_3 \cos(k * t),$$

где: $\bar{y}_j$ – расчетные значения поступательной и циклической компонент временного ряда годовых темпов роста промышленного производства в j -м регионе республики Узбекистан; t – год, ($t = 2000, \dots, 2018$ гг.); a_0, a_1 – параметры модели, определяющие поступательную компоненту временного ряда; k – параметр, определяющий длину волны (период) циклических колебаний; a_2, a_3 – параметры вклада гармонических колебаний в общую модель.

Для определения длины волны (периода, лет) используется формула:

$$L = 2\pi/k.$$

Качество модели оценивается с помощью множественного коэффициента корреляции (R), а также коэффициента множественной детерминации (D), позволяющего определить удельный вес объясненной вариации (процент фактических значений темпов роста промышленного производства в регионе, соответствующих модельным значениям).

По результатам оценки параметров модели установлено, что приведенная выше модель описывает исследуемые временные ряды достаточно надежно: объясненная вариация по регионам составила 55–78%.

Полученная модель по Республике Узбекистан в целом имеет вид:

$$\bar{y}_1 = 108,19 + 0,096 * t + 1,912 \sin(-0,679 * t) - 1,155 \cos(-0,679 * t).$$

Данная модель объясняет 66% вариации (D) фактических годовых темпов роста промышленного производства по Республике Узбекистан в целом.

Длина волны равна 9,25 лет, т. е. ее полупериод равен примерно 4,5 года (см. рис. 1).

Рис. 1. График модельных данных (светлая линия) в сравнении с фактическими годовыми темпами промышленного производства в Республике Узбекистан, 2000–2020 гг. (прямая жирная линия).

Результаты типологизации регионов Республики Узбекистан на основе кластерного анализа параметров динамических моделей промышленного производства

На основании полученных оценок поступательной и циклической компонент промышленного производства регионов Узбекистана, представленных в табл. 1, выполнен кластерный анализ, позволивший выделить регионы, однородные по поступательной и циклической компонентам динамики (параметрам a_0, a_1, a_2, a_3, k).

На дендрограмме (см. рис. 2) мы можем видеть 2 группы регионов, которые сгруппированы, исходя из однородности параметров поступательной и циклической компонент динамики промышленного производства в Республике Узбекистан. Результат кластеризации показывает, что Хорезмская, Ташкентская, Самаркандская, Наманганская, Андижанская и Джизакские области и г. Ташкент имеют сходные параметры поступательного и циклического развития промышленного производства. Далее регионы также будут подразделены на группы с восходящим и нисходящим линейным трендами динамики промышленного производства.

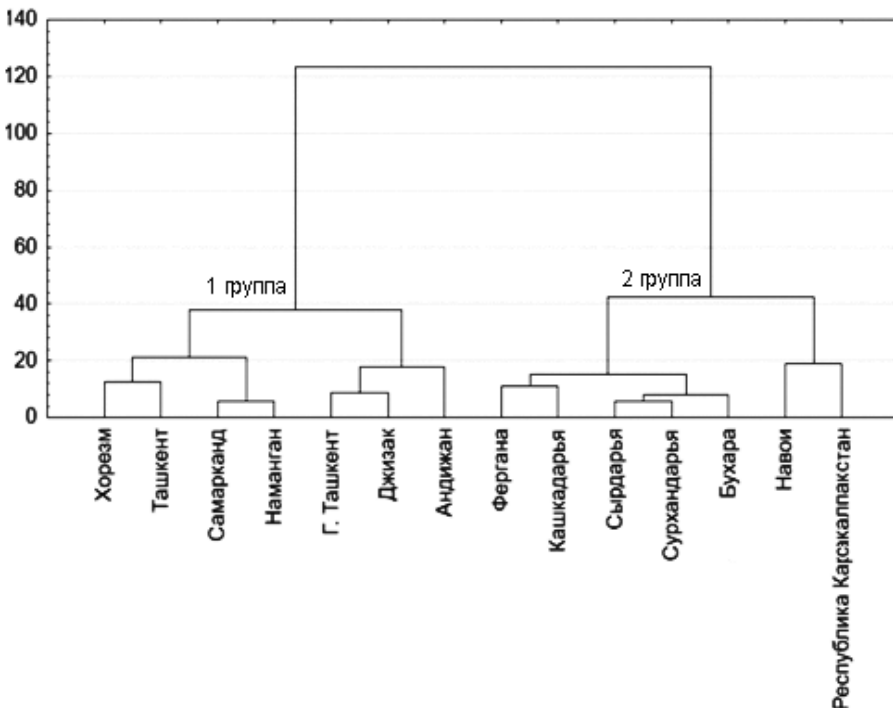

Рис. 2. Дендрограмма распределения регионов Республики Узбекистан на однородные группы по параметрам поступательной и циклической компонент динамики промышленного производства

Основными причинами различия циклов экономической динамики являются задержки по времени между изменениями зависимых, а иногда взаимозависимых экономических показателей. Существование экономических циклов, т. е. колебаний экономической конъюнктуры, могут привести к возникновению проблем. Если эти колебания происходят вокруг определенного поступательного тренда, то тогда цена кризиса – это незначительное уменьшение темпов роста ВВП, а не падение производства и уменьшение показателей совокупного спроса. Но циклические колебания в действительности могут происходить как под воздействием одной циклической волны, так и в результате суперпозиции нескольких видов циклических волн [3].

Таблица 1

Параметры моделей динамики промышленного производства в регионах Республики Узбекистан (по данным за 2000–2018 гг.)

Регионы	Параметры модели				Период волны (лет)
	a_1	a_2	a_3	k_2 (абс.)	
Республика Каракалпакстан	1,199	–6,687	6,971	2,346	4,94
Андижан	–0,329	9,411	–7,224	5,484	5,72
Бухара	0,169	1,836	–2,828	2,026	4,46
Джизак	–0,294	7,169	–6,88	2,512	8,94
Кашкадарья	–0,287	–5,894	7,649	1,79	4,62
Навои	0,0009	–1,505	–0,747	3,376	9,37
Наманган	–0,125	2,903	–1,604	0,573	5,47
Самарканд	0,537	2,055	–6,461	5,906	5,31
Сурхандарья	0,515	4,491	2,305	0,471	6,66
Сырдарья	–0,151	2,773	3,885	4,376	7,17
Ташкент	0,621	–1,091	4,057	0,233	7,25
Фергана	–0,094	–1,605	1,001	5,891	5,33
Хорезм	1,02	–4,285	8,115	1,506	6,96
г. Ташкент	0,722	7,017	0,982	0,746	4,21

Источник: составлено автором по: данные с сайта Госкомстата Республики Узбекистан за 2000–2018 гг.

Из анализа параметров моделей следует, что такие регионы, как Республика Каракалпакстан, Андижан, Джизак, Кашкадарья, Наманган, Сырдарья, имеют восходящий тип тренда, в то время как остальные имеют нисходящий тип. Длина цикла для промышленного производства регионов варьируется от 4,21 (г. Ташкент) до 9,37 (Навоинская область).

На рис. 3. представлены результаты кластеризации методом k -средних, из которого следует, что параметры циклической составляющей построенных моделей, являются кластерообразующими. Их средние значения отличаются по выделенным кластерам. Установленные средние значения кластерообразующих переменных позволяют определить расчетные значения темпов промышленного производства по выделенным кластерам регионов (см. рис. 3).

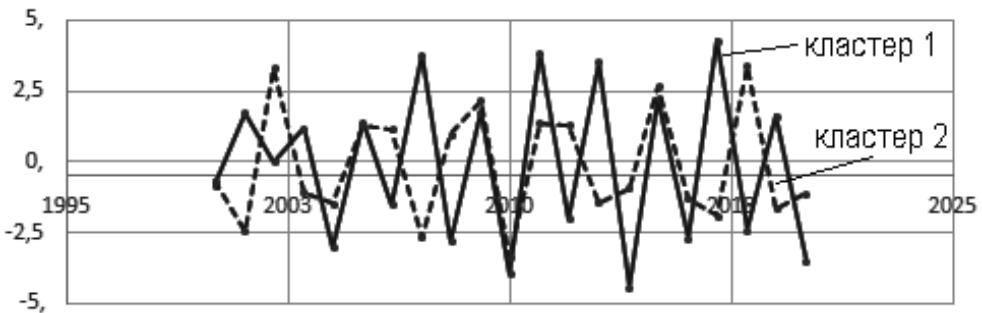

Рис. 3. Расчетные за 2000–2020 гг. значения отклонений темпов промышленного производства по выделенным кластерам регионов от среднегодового уровня за 2000–2018 гг., п. п.

Необходимо обратить внимание, что в регионах 1-го кластера и в регионах 2-го кластера (см. рис. 3) прогнозные данные, рассчитываемые по модели на 2020 г., дают падение темпов роста промышленного производства относительно среднегодового уровня на 3,5 и 0,4 п. п. соответственно. Из этого следует, что ситуация, вызванная коронакризисом, совпала с падением промышленного производства в регионах обеих групп в связи с закономерно проявляющейся циклическостью.

По результатам оценки параметров представленных выше динамических моделей выявлено четыре типа регионов, обладающих спецификой многолетней динамики промышленного производства, определяемой особенностями основной тенденции (тренда), формы циклическости и комбинации этих составляющих динамики:

1-й тип регионов (относящихся к 1 кластеру и характеризующихся восходящим типом экономического роста): Самарканд, Ташкент, Хорезм, г. Ташкент;

2-й тип регионов (относящихся к 1 кластеру и характеризующихся нисходящим типом экономического роста): Андижан, Джизак, Наманган;

3-й тип регионов (относящихся к 2 кластеру и характеризующихся восходящим типом экономического роста): Бухара, Навои, Сурхандарья;

4-й тип регионов (относящихся к 2 кластеру и характеризующихся нисходящим типом экономического роста): Республика Каракалпакстан, Кашкадарья, Сырдарья, Фергана.

Выявление зависимости циклической динамики текстильной промышленности от динамики промышленного производства

На основе данных о темпах роста промышленного производства по видам экономической деятельности за 2010–2018 гг. было установлено, что общая ситуация промышленного роста в регионах в значительной степени влияет на ситуацию производства текстильных изделий.

Как показывают расчеты парных коэффициентов корреляции годовых темпов роста промышленного производства по видам экономической деятельности, наибольший отклик объема производства текстильных изделий в регионе на изменение темпов роста промышленного производства в целом происходит с лагом в 4 года (см. рис. 4).

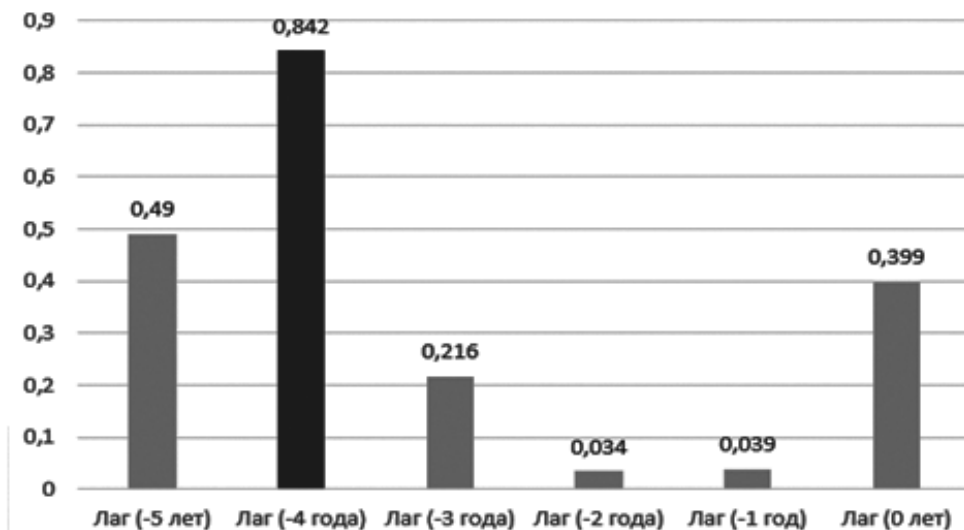

Рис. 4. Парные коэффициенты корреляции темпов роста промышленного производства в целом и производства текстильных изделий с лагами запаздывающего влияния, по данным Республики Узбекистан за 2010–2018 гг.

Влияющими факторами в данном случае являются: общее технико-технологическое развитие, совершенствование инфраструктуры, повышение качества рабочей силы, изменение рыночной конъюнктуры, обусловленное общими рыночными факторами спроса и предложения на промышленную продукцию.

Заключение

В исследованиях финансовой устойчивости текстильных предприятий в регионах Республики Узбекистан необходимо учитывать циклический фактор, поскольку кризисные явления усугубляют финансовое положение предприятия. Проведенное исследование позволило выявить тенденции поступательного и циклического развития для промышленного производства в регионах Республики Узбекистан, а также сгруппировать регионы по типам поступательного и циклического развития. Полученная информация имеет большую прогностическую ценность, поскольку позволит предсказать циклическую динамику на региональном уровне и, следовательно, предпринять превентивные меры по смягчению кризисных последствий для промышленности различных регионов Узбекистана. Таким образом, предложенная модель может служить повышению экономической безопасности Узбекистана.

Аналогичная информация была получена для текстильной промышленности регионов Узбекистана, что также позволит заблаговременно спрогнозировать спад производства в текстильной отрасли и предпринять превентивные меры. Кроме того, была выявлена зависимость циклической динамики в текстильной промышленности от фазы цикла в промышленности в целом: для Республики Узбекистан лаг между фазой цикла в текстильной промышленности и промышленности в целом составляет в среднем 4 года. Этот факт также может учитываться при разработке антикризисных мер в текстильной отрасли, что имеет большое значение в обеспечении экономической безопасности Узбекистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bidzhoyan D.S., Bogdanova T.K.* Modelling the financial stability of an enterprise taking into account macroeconomic indicators // *Business informatics*. 2016. No. 3(37). Pp. 30–36. doi.org/10.17323/1998-0663.2016.3.30.37.
2. *Zarova E.* Statistical Methodology for Evaluating Business Cycles with the Conditions of Their Synchronization and Harmonization, *Statistics, Statistics – Growing Data Sets and Growing Demand for Statistics*, Intech Open, 2018. P. 27–48.
3. *Тагиев М.Р.* О проблемах резонанса и цикличности в экономической динамике // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 11–2. С. 175–179. www.vaael.ru/ru/article/view?id=837. (Дата обращения: 01.03.2021).

REFERENCES

1. *Bidzhoyan D.S, Bogdanova T.K.* Modelling the financial stability of an enterprise taking into account macroeconomic indicators. Business informatics. 2016. No. 3(37). Pp. 30–36.
2. *Zarova E.* Statistical Methodology for Evaluating Business Cycles with the Conditions of Their Synchronization and Harmonization. / Statistics – Growing Data Sets and Growing Demand for Statistics. London. IntechOpen. 2018. Pp. 27–48.
3. *Tagiev M.R.* On the problems of resonance and cyclicity in economic dynamics // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. No. 11-2. S. 175–179. www.vaael.ru/ru/article/view?id=837 (дата обращения: 01.03.2021). (Access: 03/01/2021). (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Tursunov Bobir Ortikmirzaevich – Candidate of Economic Sciences, Head of "The Economic Security" Department of Tashkent State Economic University, Tashkent, Uzbekistan
tursunov-bobir@mail.ru

DEPENDENCE OF THE CYCLICAL DYNAMICS OF THE TEXTILE INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN ON THE DYNAMICS OF INDUSTRIAL PRODUCTION

In the undertaken research work the author examines trends of development of industrial production in the different regions of the Republic of Uzbekistan from 2000 through 2018, and groups the regions by types of progressive and cyclical development. The estimates obtained are of predictive value, since they allow predicting cyclical dynamics at the regional level and, therefore, taking preventive measures to mitigate the crisis consequences for the industry in various regions of Uzbekistan. Similar information was obtained for the textile industry of the regions of Uzbekistan, which will also make it possible to predict in advance the decline in production in the textile industry and, thus, take preventive measures. In addition, the dependence of the cyclical dynamics in the textile industry on the phase of the cycle in the industry as a whole was revealed. This fact can also be taken into account when developing anti-crisis measures in the textile industry; all this is important in ensuring the economic security of Uzbekistan.

Keywords: *industry, progressive and cyclical development; typology of regions, textile industry.*

JEL: G32; R11.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.Л. КИТОВА

аспирантка кафедры политического анализа факультета государственного
управления МГУ им. М.В. Ломоносова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Здоровье отдельного человека и здоровье населения, проживающего на той или иной территории, выступают драйвером социального, экономического и пространственного развития, оказывают существенное влияние на потенциал территории, в связи с чем вопросы общественного здоровья должны выйти на первый план повестки дня государственного управления развитием регионов. Целью данного исследования является анализ показателей, отражающих состояние здоровья населения регионов Уральского федерального округа, а также их сравнение со средними показателями по стране. В статье анализируются данные Выборочного наблюдения состояния здоровья населения, проведенного во всех субъектах Российской Федерации в 2019 г. Федеральной службой государственной статистики¹. По его итогам были получены данные об ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения, о доле лиц, ведущих здоровый образ жизни, систематически занимающихся физкультурой и спортом, о самооценке состояния здоровья, в том числе и психологического, о питании, поведенческих факторах риска. Полученные в ходе наблюдения результаты по отдельным регионам Уральского федерального округа, для которого в силу географического расположения характерно наличие производств, негативно сказывающихся на здоровье граждан, показывают, что задача формирования и поддержания здорового образа жизни населения данного округа является особенно актуальной.

Ключевые слова: *Уральский федеральный округ, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, самооценка состояния здоровья, самооценка психологического благополучия.*

JEL: J10, I12, R50.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_166_181.

В современном быстро меняющемся мире при возрастающих расходах на здравоохранение и увеличивающемся спросе на медицинские услуги, а в некоторых случаях ослаблении здравоохранительных институтов, ведение здорового образа жизни позволяет людям в большей

¹ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Федеральная служба государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

степени контролировать свое здоровье. Согласно Cockerham, «под здоровым образом жизни понимаются коллективные модели поведения, связанные со здоровьем и основанные на выборе вариантов, доступных людям в соответствии с их возможностями» [10, с. 52, 55]. На сегодняшний день в России наблюдается большое бремя инвалидизации и смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, в разы превышающей аналогичные данные по странам с развитой экономикой. Так, смертность от болезней системы кровообращения на 100 000 человек во Франции составляет 97, в Израиле – 105, в Испании – 122, в Норвегии – 125, в Великобритании – 135, в России – 523 человека².

Ведение здорового образа жизни снижает риск заболеть ишемической болезнью сердца, диабетом, раком и сердечно-сосудистыми заболеваниями в целом. Снижает риски инсульта у человека отказ от курения, индекс массы тела $< 25 \text{ кг/м}^2$, умеренное потребление алкоголя (мужчины – до 30 гр.; женщины – до 15 гр. алкоголя / день), здоровое питание, умеренная физическая активность (около 30 минут в день) [9]. Известно, что генетические факторы оказывают влияние на возникновение ишемической болезни сердца. Тем не менее генетический риск может быть смягчен здоровым образом жизни, который для населения с наличием высоких генетических рисков снижает возможность возникновения ишемической болезни сердца на 46% [3, с. 259; 14, с. 2349], а также на 58% риск развития рака поджелудочной железы [13, с. 764]. Приверженность здоровому образу жизни в целом связана с более низким риском смертности.

Поведенческие факторы, оказывающие влияние на образ жизни, такие как отказ от курения, умеренное употребление алкоголя, правильное питание, регулярные физические нагрузки, снижают смертность на 66%. Ответственное отношение к своему здоровью и образу жизни среди населения могло бы значительно снизить затраты на медицину и бремя болезней. Важной задачей для общественного здравоохранения является просвещение и мотивирование населения вносить свой вклад в охрану здоровья путем приверженности здоровому образу жизни [4]. Учитывая этот потенциал, профилактические и образовательные программы должны стать приоритетными в государственном финансировании, в исследованиях и в политике [15, с. 163, 169].

Здоровый образ жизни оказывает влияние и на здоровое старение. В исследовании, проводимом в течение 10 лет в Европейских странах, изучались данные о рационе питания, образе жизни и о здоровье населения. Физическая активность, соблюдение диеты и отказ от курения связаны с меньшим риском смертности и ухудшения здоровья по срав-

² SDR, Diseases of the circulatory system // European Health Information Gateway. Health for All explore. gateway.euro.who.int/en/hfa-explorer.

нению с неактивными и курящими людьми. Изменить или улучшить привычный образ жизни можно на разных этапах жизненного пути. Это относится как к населению в целом, так и к конкретным целевым группам. В целом переход к здоровому образу жизни, произошедший в раннем возрасте и продолжающийся в пожилом возрасте, наиболее эффективен для профилактики заболеваний и инвалидности, однако изменения в сторону здорового образа жизни в пожилом возрасте также эффективны. Поиск путей улучшения образа жизни конкретных целевых групп является проблемой будущих программ профилактики среди молодых и пожилых людей [11, с. 427, 432].

Основное внимание в пространственных исследованиях в советский период уделялось изучению размещения производительных сил на территории страны (промышленность, энергоресурсы, природные ресурсы и др. [2, с. 52]. Однако изучение человеческого капитала и социально-экономических процессов в контексте пространственных исследований долгое время оставалось без должного внимания. В настоящее время такие исследования набирают все большую популярность, однако объектами данных наблюдений по большей части являются субъекты Центральной России³, в связи с чем возрастает актуальность проведения исследований и в других регионах страны. В данной работе проводится сравнительный анализ показателей состояния здоровья населения регионов Уральского федерального округа. В состав округа входят шесть субъектов Российской Федерации: Курганская, Тюменская, Свердловская, Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ (мы рассматриваем Тюменскую область и входящие в нее Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ отдельно). Этот округ выбран потому, что, во-первых, он лидирует по добыче полезных ископаемых (нефть, газ, руды цветных металлов) и занимает ведущие позиции в металлургии (как черной, так и цветной), а следовательно, велика доля населения, занятая в металлургии и таким образом вовлеченная в экологически вредное производство, оказывающее негативное влияние на здоровье. Во-вторых, часть жителей округа проживает в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районах, что также негативно воздействует на здоровье.

В основе анализа используются данные Выборочного наблюдения состояния здоровья, проведенного Федеральной службой государ-

³ Шпакова Р.Н. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении как целевой показатель в национальных проектах и региональных стратегиях социально-экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. No. 84. С. 165–186. ejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2021/vipusk_84_fevral_2021_g./soziologija_upravlenija/shpakova.pdf.

ственной статистики в 2019 г. Единицей наблюдения являлось частное домашнее хозяйство и проживающие в нем члены домохозяйства. Генеральной совокупностью являлись все частные домашние хозяйства и их население, проживающее на территории Российской Федерации. Уровень представительности результатов – в целом по Российской Федерации, городскому и сельскому населению, а также по отдельным социально-демографическим группам. Наблюдение было организовано во всех регионах России с охватом 60 тысяч домохозяйств.

Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни

Эмпирические исследования показывают, что физические упражнения улучшают настроение и самочувствие, а также уменьшают беспокойство, депрессию и стресс, повышают самооценку, влияют на когнитивные процессы [16, с. 5, 9]. Регулярные аэробные упражнения защищают от дисфункции эндотелия сосудов, появляющейся с возрастом. Кроме того, аэробные упражнения снижают артериальную жесткость и восстанавливают сосудистую эндотелиальную функцию людей среднего и старшего возрастов, ранее ведущих сидячий образ жизни. Аэробные упражнения оказывают благотворное влияние на функцию артерий, модулируя структурные белки, уменьшая окислительный стресс и воспаление и восстанавливая биодоступность оксида азота. Аэробные упражнения не только снижают обычные факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний, но, вероятно, вызывают устойчивость к потенциально вредным воздействиям ряда неблагоприятных факторов, влиянию которых артерии человека подвергаются в течение жизни, особенно в пожилом возрасте. Контроль брюшного ожирения при старении, соблюдение сосудисто-защитной диеты, здоровое питание также важны для сохранения сосудов и снижения сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) [18, с. 296, 303].

В Выборочном наблюдении состояния здоровья населения при оценке доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, под высокой приверженностью к ЗОЖ понималось: отсутствие курения, потребление соли не более 5 г сутки, потребление овощей и фруктов ежедневно не менее 400 г, умеренная и высокая физическая активность (не менее 150 мин. умеренной или 75 мин. интенсивной физической нагрузки в неделю), потребление алкоголя не более 168 г чистого этанола в неделю для мужчин и не более 84 г – для женщин. В целом в Уральском федеральном округе доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, ниже, чем в среднем по стране, хотя наблюдается дифференциация показателя в разных субъектах округа. Так, значение показателя выше, чем в среднем по стране, в двух субъектах – в Курганской и Тюменской областях, самые низкие данные – у ХМАО-Югры и ЯНАО (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни (%)

Российская Федерация	12.0
Уральский федеральный округ	8.7
Курганская область	15.0
Свердловская область	8.3
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	5.4
Ямало-Ненецкий авт. округ	3.9
Тюменская область	16.9
Челябинская область	6.5

Источник: составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

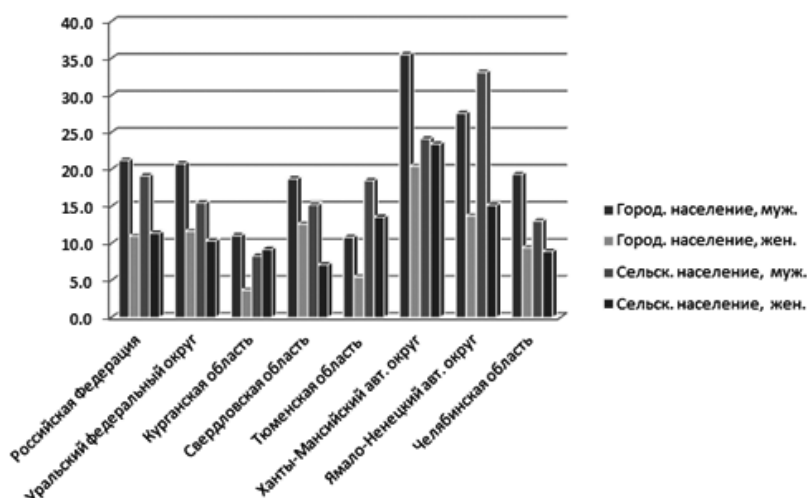
Употребление соли, фруктов и овощей

Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, потребление соли взрослым человеком не должно превышать 5 г в день⁴. Употребление соли выше данной рекомендации приводит к существенному росту риска развития ССЗ и осложнений. Существует подход, именуемый «Широкая популяционная стратегия», включающий в себя стратегию по лечению артериальной гипертензии и общепопуляционные мероприятия, которые направлены на трансформацию стиля и образа жизни населения с целью первичного предотвращения возникновения факторов риска развития артериальной гипертензии [6, с. 87, 94].

Согласно данным Выборочного наблюдения состояния здоровья населения, доля мужчин, избыточно потребляющих соль, в России составляет 20,7%, женщин – 11,1%.

Существенные различия наблюдаются при анализе данных избыточного потребления соли по полу и категории населения в регионах Уральского федерального округа. Однако практически во всех регионах доля мужчин, избыточно потребляющих соль, больше, чем доля женщин, и эта тенденция сохраняется (см. рис. 1). Наибольшая доля лиц, избыточно потребляющих соль, отмечена среди населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа. Среди городского населения наименьшая доля характерна для мужчин Тюменской области – 10,8% и женщин Курганской области – 3,7%; среди сельского – для мужчин Курганской области – 8,3% и женщин Свердловской области – 7,1%.

⁴ Всемирная организация здравоохранения // Здоровое питание. www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet.

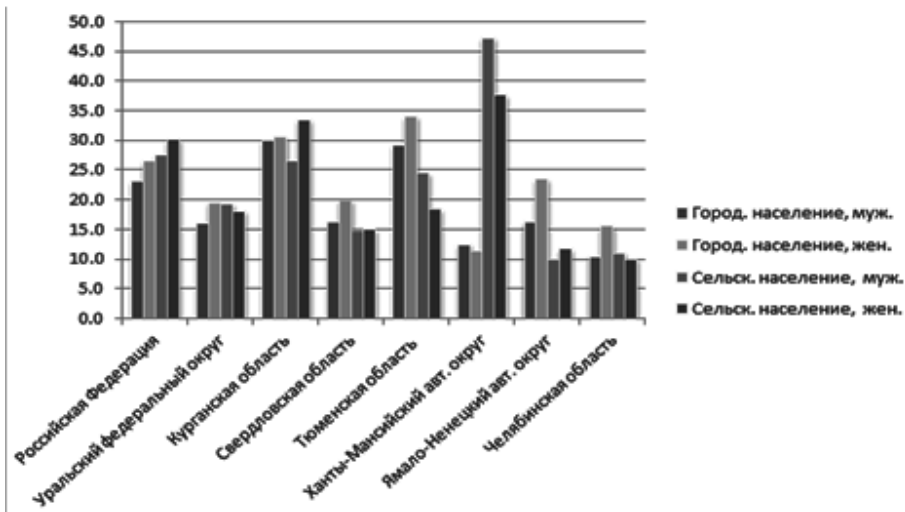

Источник: составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

Рис. 1. Доля лиц, избыточно потребляющих соль (более 5 гр. NaCl в сутки), по полу и категории населения, в возрасте 15 лет и более, %.

Отмечается наличие связи между увеличением потребления фруктов и овощей и снижением хронических заболеваний, таких как рак, болезни сердца и инсульт, а также снижением риска дивертикулеза, катаракты, хронической обструктивной болезни легких и гипертонии. Диеты с высоким содержанием овощей и фруктов (более 400 г в день) могут предотвратить как минимум 20% всех случаев заболевания раком [12, с. 1613; 8, с. 1511, 1512]. Также было отмечено, что люди, которые не включают в свой рацион фрукты и овощи или употребляют их очень мало, подвергаются повышенному риску указанных заболеваний [19, с. 3].

Для УрФО характерна меньшая доля граждан, придерживающихся рекомендации ежедневного потребления овощей и фруктов в количестве минимум 400 гр., чем в среднем по стране, хотя в некоторых регионах наблюдается превышение среднероссийского показателя (см. рис. 2). Доля мужчин, проживающих в городах округа и придерживающихся данной рекомендации, отличается от среднего показателя по стране в меньшую сторону – на 7,1 процентных пункта, в селах – на 8,2; доля женщин по соответствующему показателю меньше на 7 и 12 процентных пунктов соответственно. Наибольшие показатели характерны для мужчин и женщин среди городского населения Курганской (29,9% и 30,4% соответственно) и Тюменской (29,1% и 33,9% соответственно) областей. Среди сельского населения самая большая доля граждан, следующая данной рекомендации, наблюдается в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре: доля мужчин составляет 47,2%, женщин –

Источник: составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

Рис. 2. Ежедневное потребление не менее 400 гр. овощей и фруктов лицами в возрасте 15 лет и более (за исключением овощей: картофеля, топинамбура, батата), %.

37,5%. Также превышение среднероссийского показателя для женщин, проживающих на сельских территориях, характерно для Курганской области – 33,4%. Наименьшая доля граждан, ежедневно употребляющих не менее 400 гр. овощей и фруктов, наблюдается в Челябинской области, а также среди городского населения ХМАО – Югры и сельского населения Ямало-Ненецкого автономного округа. Одним из возможных факторов подобного питания в регионах является сложная транспортная доступность для многих муниципальных районов округа, что осложняет поставку свежих фруктов и овощей во многие населенные пункты. Логистические расходы влияют также и на стоимость овощей и фруктов, в связи с чем не все категории населения могут приобрести их в нужном для себя количестве. В то же время сложные климатические условия не позволяют выращивать овощи в количестве, необходимом для удовлетворения потребностей всего населения.

Самооценка состояния здоровья и психологического благополучия

Самооценка состояния здоровья является показателем, на который оказывают влияние многие социально-экономические детерминанты, в том числе развитость систем здравоохранения, уровень и образ жизни, факторы окружающей среды, поведенческие фак-

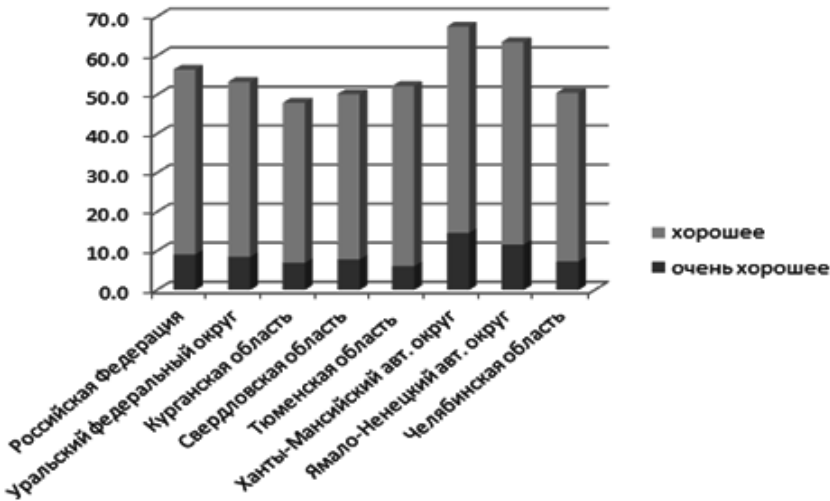
торы и др. Самооценка здоровья является относительно новым, нетрадиционным показателем здоровья, определяющим удовлетворенность его состоянием. Показатель и объективное состояние могут расходиться. Самооценка зависит от ряда факторов, включая информированность, самочувствие, уровень притязаний индивида, социокультурный фон. Однако исследователями признается обоснованность использования самооценок здоровья как субъективного показателя, соответствующего гуманистическим тенденциям в сфере здоровья [7, с. 58].

Из представленных графиков можно сделать вывод, что наилучшим образом по сравнению с другими регионами УрФО свое здоровье оценивают жители в ХМАО-Югре и ЯНАО (см. рис. 3): как очень хорошее оценили состояние своего здоровья 14,6% и 11,6% граждан соответственно (средний показатель по стране 9%). Меньше всего людей, оценивающих свое здоровье как «очень хорошее», в Тюменской области – 6%. 52,9% в ХМАО и 51,9% в ЯНАО дали оценку своему здоровью «Хорошо», в то время как в Курганской области – 41% (при среднем по стране – 47,3%). Меньше всего жителей, считающих свое здоровье удовлетворительным, проживает опять же в ХМАО-Югре и ЯНАО: 26,4% и 32,7%, все остальные оценки регионов превышают среднероссийский показатель – 35,7%. Оценивают свое здоровье как «плохое» 5,6% югорчан и 3,1% жителей ЯНАО, в то время как в Курганской области – 8,2% жителей (при среднем по стране 6,9%) (см. рис. 4).

Изменения, происходящие в современном обществе, стиль и темп жизни, обуславливают появление и обострение психологических проблем, высокий уровень стресса, тревожные расстройства, депрессию среди населения. Отмечается, что в настоящее время актуальным направлением является проведение региональных исследований в области психического здоровья населения. Данные, полученные в ходе исследования, могут выявить этнопсихологические и социокультурные детерминанты, определяющие психическое здоровье населения конкретного региона [5].

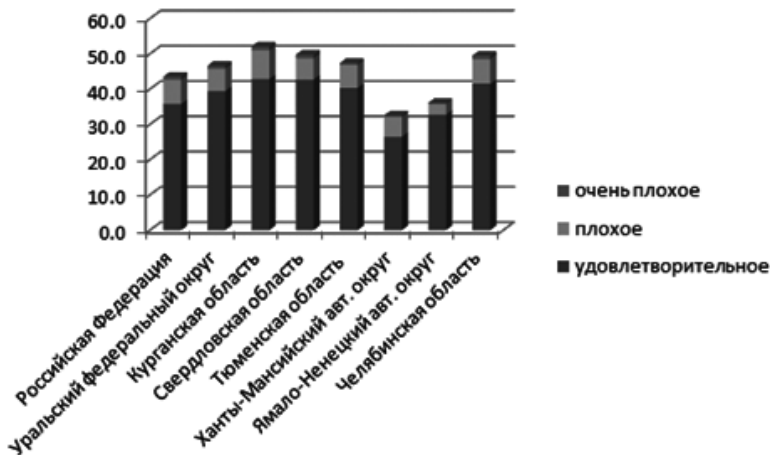
Психосоциальные факторы вносят значительный вклад в патогенез ишемической болезни сердца (ИБС); к ним относятся: 1) депрессия, 2) тревога, 3) личностные факторы и черты характера, 4) социализация и 5) хронический стресс. Хронический психосоциальный стресс может, вероятно, через механизм, включающий чрезмерную активацию симпатической нервной системы, обострять атеросклероз коронарной артерии, а также преходящую эндотелиальную дисфункцию и даже некроз [17, с. 2192].

Психическое здоровье является одним из основных приоритетов общественного здравоохранения из-за возможности возникновения

Источник: составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

Рис. 3. Самооценка состояния здоровья (%).

Источник: составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

Рис. 4. Самооценка состояния здоровья, %.

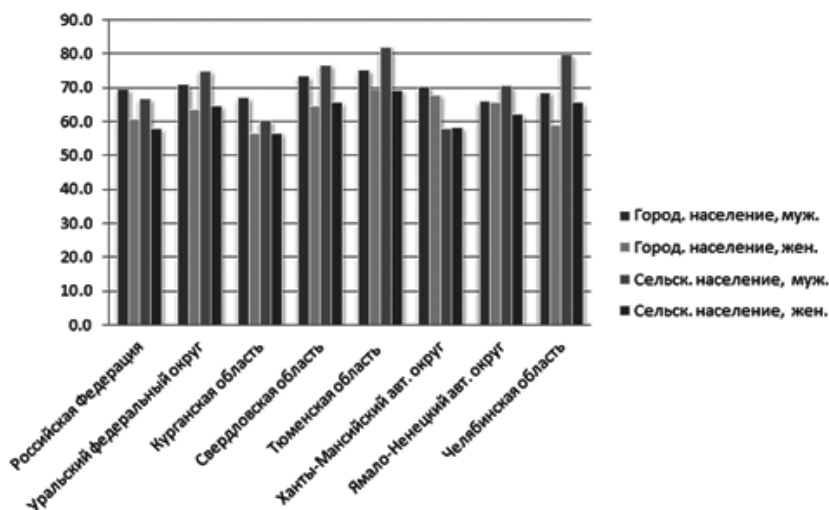
сопутствующих сердечно-сосудистых заболеваний⁵. По определению ВОЗ, «психическое здоровье – состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в раз-

⁵ World Health Organization // Healthy, prosperous lives for all: the European Health Equity Status Report. 2019. www.euro.who.int/en/publications/abstracts/health-equity-status-report-2019.

витие своего сообщества. В этом позитивном смысле психическое здоровье является основой благополучия человека и эффективного функционирования сообщества»⁶. Также психическое здоровье трактуется как «собственная жизнеспособность индивида, как жизненная сила, обеспеченная полноценным развитием, умение приспосабливаться к не всегда благоприятным, но обычным для большинства условиям» [1, с. 170].

Психологическое благополучие в Выборочном наблюдении состояния здоровья оценивалось положительно при получении респондентом 13 и более баллов при ответе на вопросы (распределенные по 5-балльной шкале):

- Я чувствую себя бодрой(-ым) и в хорошем настроении;
- Я чувствую себя спокойной(-ым) и раскованной (-ым);
- Я чувствую себя активной(-ым) и энергичной(-ым);
- Я просыпаюсь и чувствую себя свежей(-им) и отдохнувшей (-им);
- Каждый день со мной происходят вещи, представляющие для меня интерес.

Источник: составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

Рис. 5. Самооценка психологического благополучия здоровья, по полу и категории населения в возрасте 15 лет и более (доля граждан, положительно оценивших свое психологическое здоровье), %.

В целом в Уральском федеральном округе жители оценили свое психологическое здоровье выше, чем в среднем по стране: как в горо-

⁶ Всемирная организация здравоохранения // Психическое здоровье. www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response.

дах, так и в селах (см. рис. 5). Хотя наблюдается существенная дифференциация для каждого отдельно взятого региона. В округе доля мужчин, проживающих в городах и положительно оценивающих свое психологическое здоровье, на 1,5 процентных пункта выше, чем в среднем по стране; мужчин, проживающих в селах, – выше на 8,3. Доля женщин также выше на 2,7 и 6,8 процентных пункта соответственно. Среди городского населения ниже всего оценили свое психологическое благополучие мужчины Ямало-Ненецкого автономного округа – 65,7% и женщины Курганской области – 56,5%. Среди сельчан низкие показатели у мужчин ХМАО-Югры – 57,6% и у женщин Курганской области – 56,5. Лучшее свое психологическое здоровье оценили жители Тюменской области. Регион лидирует по всем рассматриваемым категориям населения: среди горожан 75% мужчин и 69,3% женщин хорошо оценили свое психологическое благополучие; для сельчан показатели составили 81,8% и 69,2% соответственно⁷.

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни

В настоящее время для оценки состояния здоровья населения используется ряд демографических показателей, в том числе ожидаемая продолжительность здоровой жизни. Данный "показатель позволяет оценить, сколько лет предстоит прожить в здоровом состоянии, то есть без каких-либо серьезных проблем со здоровьем, ограничивающих повседневную жизнедеятельность человека»⁸. Всемирная организация здравоохранения в качестве показателя, измеряющего ожидаемую продолжительность здоровой жизни, использовала Ожидаемую продолжительности жизни с поправкой на инвалидность – DALE (Disability-Adjusted Life Expectancy), однако позже он был заменен на Продолжительность жизни с поправкой на здоровье – HALE (Health-Adjusted Life Expectancy)⁹.

Рассмотрим данные Всемирной организации здравоохранения о продолжительности здоровой жизни в некоторых странах в 2016 г. Так, в Канаде данный показатель составил 73,2 года, Франции – 73,4, Финляндии – 71,7, Израиле – 72,9, Италии – 73,2, Новой Зеландии – 72,8, Японии – 74,8, Республике Корея – 73. По оценкам ВОЗ, показатель продолжительности здоровой жизни в России составил 63,5 года.

⁷ К сожалению, данные о возрасте респондентов по регионам отсутствуют.

⁸ Ожидаемая продолжительность здоровой жизни // ЕМИСС. www.fedstat.ru/indicator/59233.

⁹ Estimates of healthy life expectancy for 191 countries in the year 2000: methods and results // World Health Organization. <https://www.who.int/healthinfo/paper38.pdf>.

Сопоставимые данные у Республики Молдова – 63,6, Кыргызстана – 63,5, Бангладеш – 63,3, Таджикистана – 63,5 года¹⁰.

По данным Выборочного наблюдения состояния здоровья населения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России в 2019 г. составила 60,3 года¹¹.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни

Уральский федеральный округ	59,2
Курганская область	57,4
Свердловская область	59,7
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	58,3
Ямало-Ненецкий авт. округ	56,5
Тюменская область	58,6
Челябинская область	58,8

Источник: составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

Во всех регионах Уральского федерального округа рассматриваемый показатель ниже, чем в целом по стране, в среднем на 1,1 года (см. табл. 2). Самое низкое значение показателя у Ямало-Ненецкого автономного округа – 56,5 лет, дольше всего сохраняют здоровье жители Свердловской области – 59,7 лет.

* * *

Таким образом, согласно результатам Выборочного наблюдения, показатели, характеризующие состояние здоровья населения Уральского федерального округа, отличаются от средних показателей по стране, также как и данные каждого субъекта УрФО обладают собственной спецификой. Так, только в двух регионах – в Курганской и Тюменской областях – доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, выше, чем в среднем по стране, – 15 и 16,9% соответственно. Однако для всех субъектов округа актуальной является задача, установленная Нацио-

¹⁰ Global Health Observatory data repository // Healthy life expectancy (HALE). apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en.

¹¹ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Федеральная служба государственной статистики. gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

нальным проектом «Демография»¹², подразумевающая увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, в том числе увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 55% к 2024 г. Употребление соли выше нормы, установленной ВОЗ – один из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие сердечно-сосудистых заболеваний, которые являются одной из актуальных проблем отечественной системы здравоохранения [3]. Наибольшая доля граждан, избыточно потребляющих соль, наблюдается в автономных округах – ХМАО и ЯНАО, при этом в среднем в УрФО доля мужчин, употребляющих более 5 г соли в день, выше, чем женщин, что характерно и для России в целом. Что касается употребления овощей и фруктов, то в среднем наибольшая доля граждан, следующих установленным рекомендациям, проживает в Курганской области, тогда как в Челябинской области данные отличаются в меньшую сторону в 2,5 раза. Лучше всего свое здоровье оценивают жители Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, в то время как самооценка психологического благополучия выше у граждан, проживающих в Тюменской области. Для всех регионов округа, согласно целям Национального проекта «Демография», является актуальной задача по увеличению ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет¹³. Искомых показателей можно достичь при условии синергетического эффекта, который может быть получен за счет продуманной социально-экономической и демографической политики органов государственного и муниципального управления, при участии гражданского общества и самого населения, понимающих важность здорового образа жизни. Органам регионального и муниципального управления необходимо разрабатывать собственные программы по борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Прежде всего необходимо проведение профилактических мер: увеличение доли населения, систематически, занимающихся физической культурой и спортом, создание необходимых условий для развития массового спорта, информирование населения о здоровом питании и о нормах употребления соли.

¹² Паспорт национального проекта «Демография». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/180774acd89a0894a994b56df8351da20c67f368.

¹³ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалаева Н.В. Проблема психического и психологического здоровья в отечественной психологии // Успехи современного естествознания. 2013. № 4. С. 169–170.
2. Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одинцова А.В. Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 51–76.
3. Григорьева Н.С., Демкина А.Е. Ограничения и возможности для достижения целей Национального проекта «Здравоохранение» в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями в условиях современной модели государственного устройства // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 258–278. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10012.
4. Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Продвижение здоровья в контекст поведенческой экономики: гендерный аспект // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 112–124.
5. Николаев Е.Л. О психологическом подходе к оценке психического здоровья населения // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. № 3. С. 38–45.
6. Потешкина Н.Г. Потребление соли, артериальная гипертензия и риск развития сердечно-сосудистых заболеваний (ч. I) // Российский кардиологический журнал. 2011. № 3. С. 87–95.
7. Савельева Ж.В., Мухарьямова Л.М., Кузнецова И.Б. Справедливость и равенство в здравоохранении: мнения пациентов, экспертов и дискурс СМИ. Казань: Издательство Казанского университета, 2018.
8. Ann M., Duyn V., Pivonka E. Overview of the Health Benefits of Fruit and Vegetable Consumption for the Dietetics Professional: Selected Literature // Journal of the American Dietetic Association. 2000. № 12. Pp. 1511–1521.
9. Chiuve S. Rexrode K., Spiegelman D., Logroscino G., Manson J., Rimm E. Primary Prevention of Stroke by Healthy Lifestyle // Circulation. 2008. № 9. Pp. 947–954.
10. Cockerham W.C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behavior. 2005. № 1. Pp. 51–64.
11. Haveman-Nies A., De Groot L.C., Van Staveren W.A. Dietary Quality, Lifestyle Factors and Healthy Ageing in Europe: the SENECA Study // Age and ageing. 2003. № 4. Pp. 427–434.
12. Hu D., Huang J. Fruits and Vegetables Consumption and Risk of Stroke: a Meta-Analysis of Prospective Cohort Studies // Stroke. 2014. № 6. Pp. 1613–1619.
13. Jiao L., Mitrou P., Reedy J., Graubard B., Schatzkin A., Stolzenberg-Solomon R. A Combined Healthy Lifestyle Score and Risk of Pancreatic Cancer in a Large Cohort Study // Archives of Internal Medicine. 2009. № 8. Pp. 764–770.
14. Khera A., Emdin J., Drake I., Natarajan P., Bick A. Genetic Risk, Adherence to a Healthy Lifestyle, and Coronary Disease // The New England Journal of Medicine. 2016. № 24. Pp. 2349–2358.
15. Loefer M., Walach H. The Combined Effects of Healthy Lifestyle Behaviors on all-Cause Mortality: A Systematic Review and Meta-analysis // Preventive Medicine. 2012. № 3. Pp. 163–170.
16. Plante T.G., Rodin J. Physical Fitness and Enhanced Psychological Health // Current Psychology. 1990. № 1. Pp. 3–24

17. Rozanski A., Blumenthal J. A., Kaplan J. Impact of Psychological Factors on the Pathogenesis of Cardiovascular Disease and Implications for Therapy // *Circulation*. 1999. № 16. Pp. 2192–2217.
18. Santos-Parker J.R., LaRocca T.J., Seals D.R. Aerobic Exercise and Other Healthy Lifestyle Factors That Influence Vascular Aging // *Advances in Physiology Education*. 2014. № 4. Pp. 296–307.
19. Yahia E.M. The Contribution of Fruit and Vegetable Consumption to Human Health // *Fruit and Vegetable Phytochemicals*. 2010. Pp. 3–51.

REFERENCES

1. Basalaeva N.V. The problem of mental and psychological health in Russian psychology // *Successes of modern natural science*. 2013. No. 4. P. 169–170. (In Russ.).
2. Bukhvald E.M., Valentey S.D., Odintsova A.V. Economic problems of federalism, regional policy and local self-government // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 1. P. 51–76. (In Russ.).
3. Grigorieva N.S., Demkina A.E. Limitations and opportunities for achieving the goals of the national project “Health care” in the fight against cardiovascular diseases in the context of the modern model of state structure // *Public Administration. Electronic bulletin*. 2019. No. 76. P. 258–278. DOI: 10.24411 / 2070-1381-2019-10012. (In Russ.).
4. Grigorieva N.S., Chubarova T.V. Promoting health in the context of behavioral economics: a gender perspective // *Population*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 112–124. (In Russ.).
5. Nikolaev E.L. On the psychological approach to assessing the mental health of the population // *Social and clinical psychiatry*. 2006. No. 3. P. 38–45. (In Russ.).
6. Poteshkina N.G. Salt consumption, arterial hypertension and the risk of developing cardiovascular diseases (part I) // *Russian Journal of Cardiology*. 2011. No. 3. P. 87–95. (In Russ.).
7. Savelyeva Zh.V., Mukharyamova L.M., Kuznetsova I.B. Fairness and equity in health care: opinions of patients, experts and media discourse. Kazan: Kazan University Publishing House, 2018. – 154 p.
8. Ann M., Duyn V., Pivonka E. Overview of the Health Benefits of Fruit and Vegetable Consumption for the Dietetics Professional: Selected Literature // *Journal of the American Dietetic Association*. 2000. № 12. Pp. 1511–1521.
9. Chiuve S. Rexrode K., Spiegelman D., Logroscino G., Manson J., Rimm E. Primary Prevention of Stroke by Healthy Lifestyle // *Circulation*. 2008. № 9. Pp. 947–954.
10. Cockerham W.C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // *Journal of Health and Social Behavior*. 2005. № 1. Pp. 51–64.
11. Haveman-Nies A., De Groot L.C., Van Staveren W.A. Dietary Quality, Lifestyle Factors and Healthy Ageing in Europe: the SENECA Study // *Age and ageing*. 2003. № 4. Pp. 427–434.
12. Hu D., Huang J. Fruits and Vegetables Consumption and Risk of Stroke: a Meta-Analysis of Prospective Cohort Studies // *Stroke*. 2014. № 6. Pp. 1613–1619.
13. Jiao L., Mitrou P., Reedy J., Graubard B., Schatzkin A., Stolzenberg-Solomon R. A Combined Healthy Lifestyle Score and Risk of Pancreatic Cancer in a Large Cohort Study // *Archives of Internal Medicine*. 2009. № 8. Pp. 764–770.

14. Khera A., Emdin ., Drake I., Natarajan P., Bick A. Genetic Risk, Adherence to a Healthy Lifestyle, and Coronary Disease // The New England Journal of Medicine. 2016. № 24. Pp. 2349–2358.
15. Loefer M., Walach H. The Combined Effects of Healthy Lifestyle Behaviors on all-Cause Mortality: A Systematic Review and Meta-analysis // Preventive Medicine. 2012. № 3. Pp. 163–170.
16. Plante T.G., Rodin J. Physical Fitness and Enhanced Psychological Health // Current Psychology. 1990. № 1. Pp. 3–24
17. Rozanski A., Blumenthal J. A., Kaplan J. Impact of Psychological Factors on the Pathogenesis of Cardiovascular Disease and Implications for Therapy // Circulation. 1999. № 16. Pp. 2192–2217.
18. Santos-Parker J.R., LaRocca T.J., Seals D.R. Aerobic Exercise and Other Healthy Lifestyle Factors That Influence Vascular Aging // Advances in Physiology Education. 2014. № 4. Pp. 296–307.
19. Yahia E.M. The Contribution of Fruit and Vegetable Consumption to Human Health // Fruit and Vegetable Phytochemicals. 2010. Pp. 3–51.

ABOUT THE AUTHOR

Kitova Anastasia Lvovna – Postgraduate Student, Department of Political Analysis, School of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kitovaal@spa.msu.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE HEALTH STATUS OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Individual and public health acts as a driver of social, economic and spatial development, has a significant impact on the potential of the territory, and therefore, public health issues should come to the forefront of the agenda of regional public administration. The purpose of the study is a comparative analysis of the health indicators of the population of the regions of Ural Federal District, as well as a comparison of the data of the district with the average indicators for the country. The article analyzes the data of a Sample observation of the state of health of the population conducted in all subjects of the Russian Federation in 2019 by the Federal State Statistics Service, the purpose of which was to obtain data on the expected duration of a healthy life of the population, the proportion of people who lead a healthy lifestyle, systematically engage in physical education and sports, self-assessment of the state of health, assessment of well-being of psychological health, nutrition, behavioral risk factors. The article considers the results of the observation of the regions of Ural Federal District, for which, due to the geographical location and the presence of industries that negatively affect the health of citizens, the task of forming and maintaining a healthy lifestyle is particularly relevant.

Keywords: *Ural Federal District, healthy life expectancy, self-reported health status, self-reported psychological well-being.*

JEL: J10, I12, R50.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С.А. АНДРЮШИН

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

А.М. КАРМИНСКИЙ

доктор экономических наук, ординарный профессор
НИУ Высшая школа экономики

СОВРЕМЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И РЫНКИ, ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

**(обзор выступлений участников тематической
конференции «Банки и финансовые рынки»**

Четвертого Российского экономического конгресса)

В статье дан обзор выступлений участников тематической конференции «Банки и финансовые рынки» Четвертого Российского экономического конгресса (РЭК-2020), приведены ссылки на ранее опубликованные работы докладчиков по теме выступления. Конгресс был приурочен к 90-летию Института экономики РАН. Обсуждение докладов проходило в рамках семи сессий и двух круглых столов, на которых развернулась оживленная дискуссия по целому ряду проблем современной денежно-кредитной политики. В ходе заседаний были рассмотрены вопросы сочетания мер фискальной и монетарной политики, макроэкономической и финансовой стабильности, а также особенности развития международных финансовых рынков, региональные аспекты финансового развития, банковские и финансовые риски, инновации в области финансовых инструментов, использования цифровых финансовых активов, новых финансовых технологий, цифровых валют и проблемы регулирования на макро- и микроуровнях.

Ключевые слова: банковская система, денежно-кредитная политика, региональная экономика, регулирование, финансовые риски, финансовые инструменты, финансовые рынки, финансовые технологии, фискальная политика, цифровые валюты, цифровые финансовые активы.

JEL: E42, E44, F33, G15, G21, H61, H63.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_182_198.

21–25 декабря 2020 г. в онлайн-формате состоялся Четвертый Российский экономический конгресс (РЭК-2020), в ходе которого была проведена научная конференция «Банки и финансовые рынки». Обсуждение докладов проходило в рамках семи сессий и двух круглых столов, на которых развернулась оживленная дискуссия по следующим проблемам:

- денежно-кредитная политика (сессия № 1);
- банковский сектор и инновации (сессия № 2);
- финансовые рынки (сессия № 3);
- политики финансового развития (сессия № 4);
- банковские и финансовые риски (сессия № 5);
- инновации в области финансовых инструментов (сессия № 6);
- региональные аспекты финансового развития (сессия № 7).

Особое место в работе конференции занимали круглые столы. Один из них, основной, был посвящен цифровым финансовым активам, криптовалюте и финансовым технологиям. Дополнительно был проведен круглый стол, на котором обсуждалась тематика журнала «Корпоративные финансы», издающийся в Высшей школе экономики.

Участниками конференции было отмечено, что пандемия коронавируса, начавшаяся во второй половине 2019 г., а также необходимые меры по борьбе с ней создали принципиально новые условия для развития мировой экономики. Именно эти условия и привели к усилению глобальной деформации всех финансовых рынков. В частности, котировки на фондовых рынках стали расти при низких темпах роста экономики. При добавлении значительной ликвидности в экономику процентные ставки оставались низкими или даже отрицательными, цены не повышались, инвестиции не росли, что подрывало будущий рост экономики. Во многих странах объемы поддержки экономики из государственных бюджетов были более масштабными, чем средства, поступающие от центральных банков (ЦБ). Это в значительной степени связано с тем, что традиционно использовавшиеся инструменты денежно-кредитной политики (ДКП), по мнению *М.В. Ершова (Институт энергетики и финансов)*, исчерпали себя, о чем свидетельствует ситуация, складывающаяся во многих ведущих странах [1]. Поэтому инструментарий ЦБ, который является успешным при «нормальных» условиях развития финансового рынка, нельзя переносить на регулирование в условиях кризисного состояния экономики. В этой связи *А.Н. Буренин (МГИМО)*, разделяя критику процентной политики ЦБ, высказанную *К. Dowd* и *М. Hutchinson* [2, р. 304], считает, что во избежание экономических кризисов и рецессий ЦБ должны строить свою процентную политику в зависимости от текущей фазы делового цикла [3].

В исследовании *В.Ю. Белоусовой и др. (НИУ ВШЭ, УК «БКС», АКРА)* определяются факторы, влияющие на изменение элементов струк-

туры активов и пассивов государственных, частных и иностранных банков, функционировавших в России в течение периода с 1 января 2013 г. по 1 января 2020 г. Авторами было установлено, что направления банковского бизнеса в государственных банках, в отличие от частных и иностранных, не подвержены влиянию индикатора реальной процентной ставки, а размер капитала государственных банков не чувствителен к динамике активов и прибыльности [4].

Шок, вызванный коронавирусной инфекцией, заставляет, как считают А.В. Архипов и А.М. Карминский (ЮниКредитБанк, НИУ ВШЭ), кардинально пересмотреть оценки устойчивости и перспектив развития банковских систем по всему миру, как рейтинговыми агентствами, так инвесторами и регуляторами. В этой связи возникает вопрос о факторах, определяющих необходимость такого пересмотра, в числе которых институциональные характеристики банковских систем накануне кризиса, степень отличий в регулировании, ликвидность финансового рынка, связь локальных рынков с мировыми финансовыми центрами.

Одним из наиболее интересных для исследования регионов является Центральная и Восточная Европа, в банковских системах которой одновременно наблюдается достаточно много как сходных черт, так и отличий. Поэтому накапливаемый в этом регионе опыт работы и регулирования банковских систем в ряде случаев целесообразно использовать и в российской практике, так как Россия оказалась в группе стран, имеющих невысокий суверенный рейтинг [5].

В этих условиях, по мнению Е.Д. Копновой и А.А. Грачёвой (НИУ ВШЭ, EDHEC Business School, Ницца), часто можно наблюдать сильную корреляционную зависимость между страновым и корпоративным рейтингами, влияющую на уровень корпоративной кредитоспособности. Однако в русскоязычной научной литературе эта тема рассматривается лишь в единичных работах, которые исследуют в основном детерминанты суверенного и корпоративного рейтингов, без связи между этими рейтингами. Проведя анализ по данным 19 публично торгуемых нефинансовых компаний ведущих отраслей России (металлургической, нефтегазовой, химической и энергетической) за 2014–2018 гг. с использованием эконометрического инструментария (модели Хаусмана–Тэйлора и системы одновременных уравнений), авторы подтвердили наличие указанной корреляции и ее связи с уровнем кредитного риска российских компаний [6].

Н.Г. Синявский и А.А. Бахарева (Финансовый университет, АО «Райффайзенбанк») на основе данных за 1999 – 2019 гг. оценили корреляционную связь показателей суверенных рисков и внешних факторов, а также совместного воздействия этих групп факторов на изменение сырьевых цен и неопределенности индекса акций крупнейших компаний России на длительном временном горизонте. Была рассмотрена

динамика влияния традиционных факторов и новых глобальных тенденций (неблагоприятные природные явления, стихийные бедствия и киберугрозы) [7] на суверенный риск и уровень корпоративной кредитоспособности и устойчивость российских компаний.

Рейтинговая система для прогнозирования кредитного риска и оценка вероятностей дефолта российских банков с помощью моделей машинного обучения были рассмотрены в докладе А.А. Астаховой и С.В. Гришунина (НИУ ВШЭ). Авторы сравнили способность различных статистических методов прогнозировать вероятность дефолта российских финансовых институтов на основе общедоступной информации. Также была проведена оценка вероятности дефолта российских банков на основе модели машинного обучения и разработана шкала кредитных рейтингов для оценки кредитоспособности российских финансовых институтов.

Метод фильтрации данных Банка России для моделирования динамики вероятности дефолта корпоративных компаний и прочих заемщиков, проанализированный М.В. Помазаным и А.Д. Бережным (НИУ ВШЭ, МГУ, Промсвязьбанк), показал доверие к модели, основанной на уравнении баланса совокупной и просроченной задолженности, недостающие связи для соответствующих временных рядов которой строятся на основе метода фильтрации Hodrick–Prescott. В сегментах розничного кредитования (ипотека, потребительское кредитование) статистика дефолтов в настоящее время доступна и поставляется Национальным бюро кредитных историй (НБКИ). На основе этой статистики была проведена валидация, которая показала репрезентативность результатов. При этом полученные ряды вероятности дефолта могут служить экзогенными переменными для макроэкономического моделирования отраслевых кредитных рисков [8].

Пандемия COVID-19 создала исторический вызов финансовой нестабильности и угрозу глобальной рецессии. Примеры зарубежных стран и накопленный российский опыт показывают, что внешние шоки несут череду рисков, в первую очередь для компаний с высокой долговой нагрузкой. На фоне роста глобального долга в мире Россия на конец I квартала 2020 г. также накопила 384,9 млрд долл. корпоративных долгов, причем 34,6% этого долга принадлежит госкомпаниям, что несет риски перекладывания этого бремени на государственные финансы в периоды нестабильности. На основании накопленного опыта С.А. Переход (НИУ ВШЭ) выдвинул гипотезу, что системно значимые компании в РФ проводят более рискованную заемную политику, так как уверены в их страховании на основе принципа «toobigtofail», что делает российскую экономику более уязвимой к влиянию внешних шоков [9].

В ожидании нового кризиса необходимо стремиться к формированию в России такой модели национального финансового сектора,

которая, по мнению О.Г. Солнцева и др. (ЦМАКП, МГИМО, НИУ ВШЭ, ИНП РАН), способна создать необходимые условия для позитивного развития российской экономики. Данная модель должна отвечать требованиям сводного индекса финансового развития (СИФР), а также параметрам долгосрочного комплексного прогноза размера пяти ключевых сегментов российского финансового сектора (банковских кредитов, рынка акций, рынка корпоративных облигаций, рынка частных пенсионных накоплений, рынка страховых услуг) на горизонте до 2035 г. Авторами было показано, что долгосрочное развитие финансового сектора России, скорее всего, будет сопровождаться кардинальным изменением его структуры в пользу опережающего развития институциональных инвесторов (страховых компаний и пенсионных фондов), перехода от доминирования банковских ссуд к таким рыночным инструментам финансирования деятельности компаний, как облигации и акции, а также повышением защищенности прав собственности, стимулированием конкуренции и снижением уровня государственного участия в деятельности финансовых организаций [10].

В докладе Т.М. Ерофеевой (НИУ ВШЭ, ПАО «Промсвязьбанк») было представлено исследование функциональной взаимосвязи между спредом доходности корпоративных облигаций на российском рынке и спредом дефолта, характеризующим меру кредитного риска. В качестве объекта исследования выбран спред доходности (прежде всего кредитный спред, отражающий разницу в доходности между безрисковой ставкой по государственным и корпоративным облигациям, имеющим сопоставимый срок до погашения). По результатам исследования был сделан вывод, что на российском долговом рынке наиболее эффективны менее доходные, но более надежные облигации.

Анализ рынка высокодоходных российских облигаций, проведенный А.И. Столяровым (НИУ ВШЭ), показал, что на сегодняшний день российский рынок не выполняет тех функций, которые данный рынок выполняет на рынках развитых стран. Особенностью российского рынка высокодоходных облигаций является большое число розничных инвесторов. При этом важную роль играет и анализ существующей нормативной среды, анализ тех возможных инноваций в регулятивной среде, которые могут существенно изменить картину на этом рынке. Отдельный и самый дискутируемый вопрос – оценка возможной категоризации розничных инвесторов с целью их защиты от рисков.

Коронакризис привел к многочисленным изменениям на фондовых рынках. Как известно, в 2020 г. в течение нескольких месяцев фондовые индексы стремительно снижались, достигая 70% [11]. По оценкам А.С. Зыковой и др. (УрФУ, Уфимский ГАТУ), такое снижение было связано с так называемым хайпом. При этом авторы задаются вопросом:

виноват ли в данной ситуации вирус? Может ли оказаться, что главной причиной стал информационный фон в СМИ вокруг коронавируса и хайп, вызванный этим фоном? Ответ авторов положителен, также как и влияния самого вируса. Был сделан вывод о наличии эффекта хайпа для целого ряда фондовых индексов, когда влияние поисковой активности в Google и интереса в печатных СМИ имело сильный и значимый эффект в период истерии. Однако данный эффект со временем угасал, резко обостряя проблему доверия в экономике.

Доверие, по мнению *О.И. Лаврушина* (Финуниверситет), существует лишь там, где наблюдается их главный сущностный признак, где реализуются как интересы доверителя, так и интересы доверенного лица. Для того чтобы доверие к российским финансовым институтам выросло, необходимо повысить корпоративную социальную ответственность банков, способствовать развитию культуры, этики отношений между участниками финансового рынка, уточнить нормы регулирования деловой активности и создать условия для развития конкуренции, разработать методическое обеспечение оценки доверия в зависимости от характера субъекта, организации оценки мониторинга доверительных отношений, включения в антикризисный механизм мер, направленных на укрепление доверия, в том числе предоставление дополнительных мер поддержки реальному сектору экономики [12].

Доверие к банковской системе России может резко возрасти, если из практики российских банков искоренить проблему недобросовестных продаж (мисселинга), которая, по мнению *Ю.С. Эзроха* (Новосибирский госуниверситет экономики и управления), приводит к получению клиентом продукта, полностью или в существенной степени не отвечающего его потребностям. Мисселинг является признаком незрелости рынка, что, с одной стороны, затрудняет развитие финансово-банковской сферы (снижая лояльность клиентов и доверие к ней в кратко- и среднесрочной перспективе, а также угрожая судебными разбирательствами и выплатой крупных компенсаций /штрафов в отдаленном будущем), а с другой – повышает социально-экономические риски для большого числа «обычных» людей [13].

Не случайно фондовый рынок в России, по мнению *А.Е. Абрамова и др.* (НИУ ВШЭ, РАНХиГС), до сих пор не использует тот потенциал, которым он должен обладать в условиях рыночной экономики. Повысить его потенциал они предлагают за счет следующих мер: разработки новой концепции создания корпоративных пенсионных планов с высоким (не менее 70%) уровнем охвата работающих; проведения реформы индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС); реализации мер по значительному повышению доли сделок выдачи-погашения паев открытых ПИФов; развития регуляторных решений и стан-

дартизации, а также увеличения временных горизонтов финансовых инструментов.

Почему фондовый рынок иррационален? На это в своем докладе попытался ответить В.Д. Миловидов (МГИМО), рассматривая портрет идеального финансового трейдера. Ссылаясь на исследования Роберта Шиллера по «нарративной экономике» [14], он утверждает, что рынок всегда будет оставаться иррациональным из-за иррациональности трейдеров, предпочитающих различные нарративы объективному, рациональному анализу рынка и отдельных финансовых инструментов. Однако именно такое поведение может оказаться единственно правильным, когда невозможно найти всю необходимую информацию для принятия обоснованных решений. В условиях неопределенности нарративы оказываются не только «перформативными», но и «предиктивными» [15].

В условиях пандемии домохозяйства снова обратились в банки с целью изъятия своих вкладов, а ожидаемый рост невозврата розничных кредитов правительство пытается смягчить административным режимом кредитных каникул. В настоящее время, по мнению Ю.С. Евлаховой и др. (Ростовский государственный экономический университет), в банковской системе РФ возникает ситуация, которая воспроизводит реакцию российских банков на изменения финансового поведения домохозяйств, наблюдаемого в предыдущие кризисы. Несмотря на разнообразие причин, вызвавших шоки, в поведении российских банков может быть выявлена повторяющаяся последовательность действий (событий), которая наблюдалась в российской экономике в 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. [16].

Этот паттерн необходимо остановить, так как, по мнению В.В. Литвина (Финуниверситет), в условиях экономических санкций и сложной геополитической ситуации альтернативой внешним источникам финансирования для экономики РФ могут выступать только национальные сбережения – накопленные сберегательные ресурсы всех субъектов национальной экономики: домашних хозяйств, нефинансовых и финансовых предприятий (организаций), государства. Основываясь на положении о взаимообусловленности достигнутого уровня благосостояния и типа сберегательного поведения субъектов, автор, используя методы системного анализа и стохастического моделирования, разработал модель оптимизации сберегательного поведения субъектов российской экономики, в рамках которой была установлена взаимосвязь между темпами роста сбережений, инвестициями и ВВП.

В тоже время расширение кредита банками за счет вкладов до востребования ведет к снижению доли капитала в активах. В современных финансовых системах требование поддерживать минимальный уровень достаточности (адекватности) капитала ведет к усилению

искусственной кредитной экспансии. Это, по мнению Г.И. Пеникаса и В.А. Нечитайло (НИУ ВШЭ, ФИАИ), легко доказать. При невыполнении норматива достаточности капитала нужно часть средств из вкладов перевести в капитал. Это позволяет большую часть средств использовать в кредитной экспансии, неограниченной обязательными резервами. Для того чтобы обеспечить сохранение финансовой стабильности, необходимо в краткосрочном периоде держать ставку рефинансирования выше нуля, а в средне- и долгосрочном периодах необходимо ввести 100%-ное резервирование вкладов до востребования с запретом досрочного изъятия срочных вкладов [17].

Т.А. Белкина (ЦЭМИ) обосновала, что одним из классических вопросов математической теории риска в страховании, в том числе вкладов населения, может стать исследование вероятности разорения как функции начального резерва страховой компании, а также получение точных или асимптотических соответствующих оценок. Использование как безрисковых, так и рискованных финансовых активов в процессе инвестирования страховых резервов служит дополнительным средством аккумуляции капитала и вследствие этого может способствовать уменьшению результирующего риска разорения страховщика [18].

Для грамотного выбора таких мер макропруденциальной политики, направленных, с одной стороны, на ограничение рисков финансовой стабильности, с другой – на стимулирование процессов кредитования, важна корректная оценка их последствий, которая была представлена в докладах М.А. Абрамовой (Финуниверситет) и Е.А. Петреновой (Банк России). Ими было установлено, что макропруденциальные меры приводят к улучшению качества кредитов, а также позволяют корректировать склонность банков к риску в краткосрочном периоде. После проведения дополнительных мер в области макропруденциальной политики банки заметно ускоряют прирост запаса капитала. Эти меры не приводят к существенному росту «операционного левериджа», свидетельствующему о неэффективном «раздувании балансов». Более того, соответствующие регулятивные меры способны замедлить рост рублевого розничного кредитования. И наконец, проведение адресных макропруденциальных мер не вызывает ощутимых кросс-эффектов в банковском секторе [19].

В тоже время проведение адресных макропруденциальных мер может приводить и к снижению кредитования в регионах. Так, по оценкам А.Н. Новопашинной (Институт экономических исследований ДВО РАН), в настоящее время происходит стремительное закрытие региональных банков и резкое снижение кредитования малых и средних предприятий в российских регионах. Это тем более странно, так как для малых и средних предприятий кредиты являются основным источником (36 % в 2014 г.) общего объема их финансовых ресурсов [20].

Интересная взаимосвязь между спросом на ипотечные кредиты в регионах и процентной ставкой была проиллюстрирована в работе А.В. Мишуры (НГУ, ИЭОПП СО РАН). Автор показал, что процентные ставки по ипотечным кредитам в России, даже с учетом инфляции, являются более жесткими. В развитых и многих постсоциалистических странах они не превышают 5% и в основном находятся на уровне 1,5-3,5%. В качестве основного способа снижения ставок по жилищным кредитам и повышения доступности ипотеки в 2020 г. в РФ стало субсидирование процентных ставок в рамках государственных программ, обратной стороной которого, скорее всего, станет стремительно растущая нагрузка на государственный бюджет.

Острая фаза нового мирового финансово-экономического кризиса, вызванная пандемией, и начало глобальных реформ, инициированных «Группой двадцати», предопределили начало нового этапа развития международной валютно-финансовой системы (МВФС). Этот новый этап, по мнению В.В. Архиповой (ИЭ РАН), напрямую связан с «китайским фактором», претендующим на лидирующие позиции в МВФС в долгосрочной перспективе. Главным фактором при этом может стать новая парадигма «зеленых» финансов, связанная с созданием эффективной системы регулирования и надзора в области защиты окружающей среды [21].

Формирование и развитие системы «зеленого» финансирования, по мнению В.В. Рубцова (Финуниверситет), рассматривается в настоящее время как составная часть национальной стратегии развития любой страны. Но Россия в этом тренде находится на самой начальной стадии этого развития. И если за рубежом рынок «зеленых» облигаций развивался, как правило, «снизу», благодаря стремлению компаний выглядеть ответственными участниками рынка, то в России все наоборот. В российских условиях рассчитывать на высокую сознательность менеджмента в настоящее время было бы неверно. Без мер государственной поддержки и стимулирования, по мнению автора, не стоит ждать в российской экономике сколько-нибудь заметных эмиссий «зеленых» облигаций.

В своем докладе М.И. Столбов (МГИМО) отметил, что нарастающие негативные изменения климата и, как следствие, участвовавшие природные и техногенные катастрофы и реализующееся новые вызовы человечеству в виде пандемий, порождают в мире глубокую трансформацию финансовых рынков и создания регуляторами альтернативных механизмов передачи риска. Поэтому неудивительно, что в последние годы наблюдается существенное усложнение профиля финансовых инструментов и появление различных модифицированных гибридов.

Одним из таких примеров, по мнению Н.А. Хуторовой (РАНХиГС), являются облигации катастроф (catbonds), которые получили широкое

распространение в странах с развитым финансовым рынком. В своем докладе она показала, что страны с развитым страховым рынком восстанавливаются от разрушений быстрее, а последствия катастроф в целом преодолеваются с меньшими потерями. Вопросы совершенствования инструментов и механизмов передачи рисков порождает интерес к исследованию и агрегированию лучших практик [22].

Природные и техногенные катастрофы неразрывно связаны с добычей углеводородов. Широко обсуждаемый сценарий обнуления добычи и продажи углеводородов к 2035 г. ставит перед мировыми регуляторами несколько вопросов. Например, сможет ли финансовая система безболезненно перейти с финансирования добычи углеводородов на финансирование производства и сбережения энергии из возобновляемых источников энергии (ВИЭ)? Каковы будут масштабы изменения относительных цен? Повлияет ли это на инфляцию, ставки? Что будет с платежными балансами стран, добывающих углеводороды? Все эти вопросы были поставлены в докладе А.К. Моисеева (ИНП РАН), ответы на которые он сгруппировал в общий тезис – для мира переход на новые источники энергии будет выгоден, если рассматривать все через сферу финансов [23].

Современный миропорядок, по мнению С.К. Дубинина (АО «ВТБ Капитал», МГУ), не может быть сформирован и полноценно функционировать без решения вопросов развития глобального киберпространства. Например, в современном мире возникла реальная угроза разделения стандартов (*divergence in standards*) между ведущими участниками процесса создания платформы 5G. Такой процесс, скорее всего, примет структурный характер, телекоммуникационные платформы разделят киберпространство на соперничающие группировки. Полем борьбы наверняка станут крупные рынки большинства стран Южной и Юго-Восточной Азии, а возможно, и других континентов. В ближайшее время соперничество, по всей видимости, развернется между Китаем и США за то, чья модель 5G распространится на возможно большее киберпространство.

В настоящее время происходит активный процесс цифровизации финансового сектора. Начался этот процесс давно и стал хорошо заметен на примере расширения спектра финансовых инструментов. Появление цифровых валют и других цифровых активов – это, по мнению Ю.А. Данилова (РАНХиГС), лишь новый этап этого процесса. Однако современная цифровизация – это весьма значимый фактор финансового развития, который в настоящее время тесно взаимосвязан как с глобализацией, так и с финансиализацией всех сфер жизнедеятельности [24].

Эти процессы активно осуществляются в сети, в том числе и в глобальной, на основе электронного денежного оборота, при наличии

в ней некоторого количества концентраторов – хабов. В качестве таких хабов могут выступать банки, межбанковские центры обработки платежей, система электронного денежного оборота которых может быть разрушена в результате хакерских атак. В докладе *О.Е. Пыркиной и С.А. Зададаева* (Финуниверситет) были предложены индикаторы достижения сетью таких критических характеристик, которые гарантируют пользователям сети надежность передачи финансовой информации при хакерских атаках.

Рост цифровизации глобальной экономики и развитие новых финансовых технологий стремительно меняют денежный рынок и его инфраструктуру. Это ставит вопрос о необходимости появления в обращении новой формы денег, соответствующей условиям развития современной экосистемы. Речь в данном случае может идти о цифровой валюте центрального банка (Central Bank Digital Currency, CBDC), мотивы и практические аспекты выпуска которой будут определяться каждой страной в отдельности в зависимости от особенностей развития ее национальной экономики, в том числе от уровня развития и глубины финансового рынка [25].

Предложенный к обсуждению консультативный доклад Банка России по проекту создания в РФ цифрового рубля [26], несмотря на то, что в нем представлены некоторые базовые подходы, оставляет, по мнению *К.Н. Корищенко* (РАНХиГС), значительное количество вопросов, которые требуют серьезного обсуждения. В частности, вот некоторые из них: кто имеет право владеть цифровым рублем и учитывать их в своем балансе, как на стороне активов, так и на стороне обязательств? какой вариант учетной системы следует выбрать для цифрового рубля? какова будет процедура эмиссии цифрового рубля? будут ли какие-либо ограничения на эту эмиссию? кто будет осуществлять процедуру онбординга, идентификации, ПОД/ФТ? последствия выбора принципа эмиссии цифрового рубля (обменный курс 1:1)?

Цифровой рубль, по мнению *Д.А. Кочергина* (ЭФ СПбГУ), представляет собой электронное обязательство Банка России, выраженное в национальной денежной единице, которое выполняет функции средства обращения, платежа и сбережения. Цифровой рубль следует рассматривать в качестве новой формы денег ЦБ, которая отличается от традиционных форм денег – наличных денег и денежных средств на резервных и расчетных счетах в центральном банке. В зависимости от типа и целевого использования цифровой рубль может выпускаться для розничных (общецелевых) платежей и оптовых (специальных) расчетов. К числу основных экономико-функциональных характеристик цифрового рубля следует отнести: технологию эмиссии (децентрализованная; централизованная или гибридная); способ хранения валюты (на основе токенов; счетов или токенов, привязанных к счетам); степень

анонимности (абсолютно анонимная; полностью не анонимная; конфиденциальная), возможность использование в режиме офлайн-расчетов, начисление процентных платежей на остатки в цифровой валюте и др. [27].

Ю.Я. Дранева (НИУ ВШЭ) считает, что ключевая цель введения цифрового рубля – это постепенное сокращение оборота наличных денег. При этом для государства и регулятора положительные эффекты понятны – цифровой рубль, эмитируемый центральным банком, может обеспечить повышение прозрачности, отслеживание использования бюджетных средств, обеспечение надежности и непрерывности платежей в бюджеты различных уровней. Для населения положительные эффекты введения цифрового рубля менее ясны. Нефинансовым компаниям цифровой рубль не несет существенных преимуществ. Для банков и финансовых компаний переток средств с их счетов в цифровой рубль может негативно сказаться на объемах бизнеса и на их устойчивости.

А.Ю. Михайлишин (Платежный сервис Joys, ООО «Цифровые платежи») утверждает, что в докладе Банка России прослеживается пренебрежительное отношение к криптовалютам, и несколько раз подчеркивается, что криптовалюты, с точки зрения ЦБ РФ, – это не деньги. При этом даны крайне неубедительные, а иногда противоречащие определению денег и реальному положению дел аргументы. Также следует отметить, что существующие в обращении карточные системы платежей не приспособлены к оперированию цифровыми валютами, что требует создания новых платежных решений, поддерживающих базовых принципов цифровых валют: работа со смарт-контрактами, минимизация посредников и затрат, максимизация удобства и скорости.

А.И. Яковлев (СПбГЭТУ «ЛЭТИ») критикует позицию Банка России на предмет того, что «криптовалюты» и «стейблкоины» не являются деньгами, так как они, по мнению регулятора, не могут полноценно выполнять все функции денег. При этом Банк России старательно попытался дистанцироваться от признаков той или иной теории денег и подготовить максимально объективный документ. Текст доклада «Цифровой рубль» получился стерильным (не упоминается ни одна фамилия), эклектичным и легко критикуемым.

В.М. Солодков (НИУ ВШЭ) отмечает, что ведение реестра цифровых рублей исключительно ЦБ уничтожает саму идею распределенного реестра, поскольку противоречит принципу распределенности баз данных и их владельцев. Фактическая ликвидация анонимности транзакций для ЦБ, при декларируемой анонимности для участников операций, делает бессмысленным одно из главных преимуществ цифровой валюты по отношению к традиционным расчетам безналичными фиатными деньгами – анонимность. Уход платежей из банков в ЦБ

может вызвать сокращение ресурсной базы последних и создаст предпосылки для дальнейшего сокращения количества банков, что явно не пойдет на пользу конкуренции. Очевидно, что регулятор видит преимущества цифрового рубля в возможности тотального контроля за всеми транзакциями. Видимо, это дает преимущества для фискальных органов, но сомнительно, что такой тотальный контроль будет способствовать экономическому росту, в чем так нуждается экономика РФ.

Главная тенденция, характерная для институционального развития современной денежно-кредитной и финансовой системы (которая, впрочем, охватывает всю экономику), на взгляд А.О. Тихонова, И.В. Юзефальчик (Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский государственный экономический университет), заключается в формировании нового инвестиционно-финансового пространства (ИФП) [28], которое характеризуется такими отличительными особенностями, как отсутствие национальных границ, демократичность (низкие издержки входа) и высокая надежность проведения операций, при том что существуют вполне реальные возможности для сохранения анонимности. Если раньше на глобальном уровне могли работать только крупнейшие и крупные коммерческие структуры, сейчас такую возможность получают даже индивидуальные предприниматели и просто частные лица.

А.Е. Бражников (РАКИБ) считает, что предложенные в докладе Банка России организационные подходы эмиссии и обращения цифрового рубля ставят крест на поддержании конкурентной среды. В частности, все предлагаемые модели функционирования цифрового рубля предполагают введение цифровых кошельков граждан и бизнеса в ЦБ и осуществление расчетов по ним в системах ЦБ, исключая из процесса коммерческие банки, платежные системы и других участников рынка. Из доклада видно, что банки тащат инфраструктуру на себя, оставляя ЦБ функцию регулятора. Но, не имея платформы, они все, и ЦБ в том числе, будут искать отечественную платформу для функционирования цифрового рубля. РАКИБ со своим проектом национального майнингового пула мог бы им помочь в данном вопросе. Кроме того, для полноценного обращения цифрового рубля как валюты необходима экосистема, включающая все субъекты финансового рынка – банки, платежные системы, биржи и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершов М.В. Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 5–23.
2. Dowd K., Hutchinson M. From Excess Stimulus to Monetary Mayhem // Cato Journal. 2017. N 37(2).
3. Буренин А.Н. Пределы макроэкономической политики под углом зрения экономических кризисов // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 1. С. 76–91.
4. Белоусова В.Ю., Краюшкина Ж.П., Манжулин И.А., Солодков В.М., Сухов М.И., Чичканов Н.Ю. Текущее состояние и перспективы развития российских банков // Банковское дело. 2019. № 9. С. 14–23.
5. Карминский А.М., Полозов А.А. Энциклопедия рейтингов. М.: Форум-Инфра-М., 2016.
6. Standard & Poor's. Everything You Need to Know about Credit Ratings // Standard & Poor's Global Ratings, 2017.
7. Брагин А.И., Кузнецов Е.Н. Анализ значений суверенного кредитного рейтинга и его моделирование // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 2. С. 21–36.
8. Помазанов М.В. Метод фильтрации временного ряда вероятности дефолта из статистики просрочки кредитов и займов // Управление финансовыми рисками. 2020. № 3 (63). С. 166–177.
9. Переход С.А. Риски внешнего корпоративного долга российских компаний // Государственное управление и развитие России: национальные цели и институты. Сборник статей международной конференц-сессии РАНХиГС. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2019. Т. 1. С. 974–985.
10. Столбов М.И., Голощапова И.О., Солнцев О.Г., Ахметов Р.Р., Панкова В.А., Цепилова Е.А. Определение модели российского финансового сектора на основе межстранового анализа // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 1–20.
11. Financial Cbonds Information, 2020.
12. Лаврушин О.И. Эволюция теории кредита и его использование в современной экономике: монография. М.: Издательство КНОРУС, 2016.
13. Эзрох Ю.С. Российское банкострахование в розничном сегменте: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 92–109.
14. Shiller R. Narrative Economics. Princeton: Princeton University Press, 2019.
15. Миловидов В. Капитализация фейка: настроения инвесторов и семантика интернет-запросов // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6. С. 162–184.
16. Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., Трегубова А.А. Оценка уровня угроз финансовой безопасности России со стороны финансового поведения населения с помощью адаптивных методов прогнозирования // Финансовые исследования. 2018. № 1(58). С. 8–16.
17. Пономаренко А., Синяков А. Влияние усиления банковского надзора на структуру банковской системы: выводы на основе агентноориентированного моделирования // Серия докладов Банка России об экономических исследованиях. 2017. № 19. Июль.
18. Белкина Т.А., Конюхова Н.Б., Славко Б.В. Платежеспособность страховой компании в дуальной модели риска с учетом инвестиций: анализ и численные исследования сингулярных краевых задач // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2019. Т. 59. № 11. С. 174–198.

19. Иванова Н., Андреев М., Сияжков А., Шевчук И. Обзор конференции Банка России «Эффективность макропруденциальной политики: теория и практика» // Деньги и кредит. 2019. № 3. С. 89–121.
20. Агеева С.Д., Мишура А.В. Региональная банковская система в России: тенденции и факторы пространственного распределения // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 123–141.
21. Архипова В. «Озеленение» мировой финансовой системы: опыт Китая и перспективы для России // Мир перемен. 2019. № 2. С. 141–156.
22. Хуторова Н.А. Управление рисками катастроф посредством инновационных финансовых инструментов // Вестник МГУЛ. Лесной вестник. 2010. № 7. С. 119–123.
23. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Широков А.А. Ценовая динамика в России и ее влияние на денежно-кредитную политику и развитие экономики // Проблемы прогнозирования. 2020. Т. 182. № 5. С. 97–107.
24. Данилов Ю.А. Современное состояние глобальной научной дискуссии в области финансового развития // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 29–47.
25. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currency // BIS Paper. 2019. No. 101.
26. Цифровой рубль: Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2020. Октябрь.
27. Кочергин Д.А., Янгирова А.И. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 4. С. 80–98.
28. Тихонов А. Новое глобальное финансово-инвестиционное пространство и проблемы национальной финансовой политики // Банка ўсківе́нік. 2016. № 11 (640). С. 3–7.

REFERENCES

1. Ershov M.V. The world in 2020: New challenges expose systemic changes in the economy // Issues of Economics. 2020. No. 12. P. 5–23. (In Russ.).
2. Dowd K., Hutchinson M. From Excess Stimulus to Monetary Mayhem // Cato Journal. 2017. No. 37(2).
3. Burenin A.N. The limits of macroeconomic policy from the point of view of economic crises // Economic policy. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 76–91. (In Russ.).
4. Belousova V.Yu., Krayushkina Zh.P., Manzhulin I.A., Solodkov V.M., Sukhov M.I., Chichkanov N.Yu. Current state and development prospects of Russian banks // Banking business. 2019. No. 9. P. 14–23. (In Russ.).
5. Karminsky A.M., Polozov A.A. Encyclopedia of ratings. M.: Forum-Infra-M., 2016. (In Russ.).
6. Standard & Poor's. Everything You Need to Know about Credit Ratings // Standard & Poor's Global Ratings, 2017.
7. Bragin A.I., Kuznetsov E.N. Analysis of the values of the sovereign credit rating and its modeling // Russian foreign economic bulletin. 2011. No. 2. P. 21–36. (In Russ.).
8. Pomazanov M.V. The method of filtering the time series of the probability of default from the statistics of delinquent loans and borrowings // Financial risk management. 2020. No. 3 (63). P. 166–177. (In Russ.).
9. Perechod S.A. Risks of external corporate debt of Russian companies // Public administration and development of Russia: national goals and institutions. Collection

- of articles of the international conference session of the RANEP. M.: Publishing House "Scientific Library". 2019. Vol. 1. P. 974–985. (In Russ.).
10. *Stolbov M.I., Goloshchapova I.O., Solntsev O.G., Akhmetov R.R., Pankova V.A., Tsepilova E.A.* Determination of the model of the Russian financial sector on the basis of cross-country analysis // *Issues of Economics*. 2018. No. 5. P. 1–20. (In Russ.).
 11. Financial Cbonds Information, 2020.
 12. *Lavrushin O.I.* Evolution of the theory of credit and its use in modern economics: monograph. M.: Publishing house KNORUS, 2016. (In Russ.).
 13. *EzrokhYu.S.* Russian bank insurance in the retail segment: myths and reality // *Issues of Economics*. 2018. No. 5. P. 92–109. (In Russ.).
 14. *Shiller R.* Narrative Economics. Princeton: Princeton University Press, 2019.
 15. *Milovidov V.* Capitalization of fake: investor sentiment and semantics of Internet requests // *Problems of national strategy*. 2017. No. 6. P. 162–184. (In Russ.).
 16. *Alifanova E.N., EvlakhovaYu.S., Tregubova A.A.* Assessment of the level of threats to the financial security of Russia from the financial behavior of the population using adaptive forecasting methods // *Financial research*. 2018.No. 1 (58). P. 8–16. (In Russ.).
 17. *Ponomarenko A., Sinyakov A.* The impact of strengthening banking supervision on the structure of the banking system: conclusions based on agent-based modeling // *Series of reports of the Bank of Russia on economic research*. 2017 No. 19. July. (In Russ.).
 18. *Belkina T.A., Konyukhova N.B., Slavko B.V.* Solvency of an insurance company in a dual risk model taking into account investments: analysis and numerical research of singular boundary value problems // *Journal of Computational Mathematics and Mathematical Physics*. 2019. T. 59. No. 11. P. 174–198. (In Russ.).
 19. *Ivanova N., Andreev M., Sinyakov A., Shevchuk I.* Review of the conference of the Bank of Russia "The effectiveness of macroprudential policy: theory and practice" // *Money and credit*. 2019. No. 3. P. 89–121. (In Russ.).
 20. *Ageeva S.D., Mishura A.V.* Regional banking system in Russia: trends and factors of spatial distribution // *Problems of Economics*. 2017. No. 1. P. 123–141. (In Russ.).
 21. *Arkhipova V.* "Greening" of the world financial system: the experience of China and prospects for Russia // *World of changes*. 2019. No. 2. P. 141–156. (In Russ.).
 22. *Khutorova N.A.* Disaster risk management through innovative financial instruments // *Vestnik MGUL. ForestBulletin*. 2010. No. 7. P. 119–123. (In Russ.).
 23. *Kuvalin D.B., Moiseev A.K., Shirov A.A.* Price dynamics in Russia and its impact on monetary policy and economic development // *Problems of forecasting*. 2020. Vol. 182. No. 5. P. 97–107. (In Russ.).
 24. *Danilov Yu.A.* The current state of the global scientific discussion in the field of financial development // *Issues of Economics*. 2019. No. 3. P. 29–47. (In Russ.).
 25. *Barontini C., Holden H.* Proceeding with caution – a survey on central bank digital currency // *BIS Paper*. 2019. No. 101.
 26. *The Digital Ruble: A Public Consultation Report*. Moscow: Bank of Russia, 2020. October. (In Russ.).
 27. *Kochergin D.A., Yangirova A.I.* Central bank digital currencies: key characteristics and directions of influence on the monetary and payment systems // *Finance: theory and practice*. 2019.Vol. 23. No. 4. P. 80–98. (In Russ.).
 28. *Tikhonov A.* New global financial and investment space and problems of national financial policy // *Banking Bulletin*. 2016. No. 11 (640). P. 3–7. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS

Andryushin Sergey Anatolyevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
Sandr956@gmail.com

Karminsky Alexander Markovich – Doctor of Economic Sciences, Tenured Professor, National Research University (NRU) Higher School of Economics, Moscow, Russia
karminsky@mail.ru

MODERN FINANCIAL INSTITUTIONS AND MARKETS, THEIR REGULATION
IN CRISIS CONDITIONS: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND RUSSIAN PRACTICE
(Review of the Speeches of the Participants of the Thematic Conference "Banks and Financial Markets" of the Fourth Russian Economic Congress)

The article provides a review of the speeches of the participants of the thematic conference "Banks and Financial Markets" of the Fourth Russian Economic Congress (REC-2020), and links to previously published works of the speakers on the topic of the speeches, are given. The congress was timed to coincide with the 90th anniversary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The reports were discussed in seven sessions and two round tables, during which a lively discussion on a number of problems of modern monetary policy took place. During the meetings, the issues of combining fiscal and monetary policies, macroeconomic and financial stability, as well as the peculiarities of the development of international financial markets, regional aspects of financial development, banking and financial risks, innovations in the field of financial instruments, the use of digital financial assets, new financial technologies, digital currencies and regulatory issues at the macro and micro levels, were considered.

Keywords: *banking system, monetary policy, regional economy, regulation, financial risks, financial instruments, financial markets, financial technologies, fiscal policy, digital currencies, digital financial assets.*

JEL: E42, E44, F33, G15, G21, H61, H63.

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ СОРОКИН

14 марта 2021 г. ушел из жизни наш коллега и друг, видный ученый и организатор науки, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН Дмитрий Евгеньевич Сорокин.

Дмитрий Евгеньевич родился 1 января 1946 г. в Москве. После окончания Московского экономико-статистического института он начал вести преподавательскую деятельность в московских вузах и заниматься научно-исследовательской работой. Кандидатом экономических наук Дмитрий Евгеньевич стал в 1972 г., доктором экономических наук – в 1991 г., а в 2008 г. был избран членом-корреспондентом РАН.

В Институт экономики Российской академии наук Дмитрий Евгеньевич Сорокин пришел в 1988 г., где сначала возглавил сектор, а затем стал руководителем научного направления. С 2005 г. он являлся первым заместителем директора по научной работе, а в периоды отсутствия директора исполнял его обязанности. В 2014 г. Дмитрий Евгеньевич перешел в Финансовый университет при Правительстве России на должность проректора по научной работе. Затем он стал научным руководителем университета и в последнее время – руководителем Департамента экономической теории. В Институте экономики Дмитрий Евгеньевич продолжал трудиться уже как главный научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития.

Сфера научных интересов Д.Е. Сорокина была довольно обширной. Он занимался изучением трудовых отношений, проблемами развития промышленности, реформирования отношений собственности и институтов государственного регулирования экономики, анализировал процессы социально-экономической трансформации. Но при всем многообразии тематики его исследований отличительной их чертой был системный политико-экономический подход. Следуя традициям школы академика Л.И. Абалкина, Дмитрий Евгеньевич полагал, что фундаментальная разработка проблем развития экономических систем возможна только при условии интеграции всего накопленного научного знания о природе, обществе и человеке. Главную роль в такой интеграции он отводил именно политической экономии.

Много внимания Дмитрий Евгеньевич уделял разработке новой модели развития страны, органически сочетающей либерализацию экономической жизни и активизацию роли государства, обосновывал сценарий перехода к ней, а также необходимость усиления институ-

тов гражданского общества. Как политэконом, он исходил из необходимости преодоления несовершенства действующих экономических и организационных механизмов не только за счет отдельных улучшений и модернизаций, а прежде всего за счет их системного переустройства, сопряженного с трансформацией российского общества.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин – автор свыше 100 научных работ, в том числе монографии «Россия перед вызовом: политическая экономия ответа» (2003) и многих коллективных монографий: «Россия-2015: оптимистический сценарий» (1999), «Стратегический ответ России на вызовы нового века» (2004), «Россия в глобализирующемся мире: стратегия конкурентоспособности» (2005), «Стратегические ориентиры экономического развития России (2010), «Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста» (2017).

Под руководством и при непосредственном участии Дмитрия Евгеньевича в ИЭ РАН были выполнены многие крупные научно-исследовательские разработки (проекты стратегий, программы регионального и отраслевого развития) и научные экспертизы. Он активно содействовал развитию международных научных связей, продвигая исследовательские проекты с научными и университетскими центрами Армении, Беларуси, Казахстана, КНР. Очень большой вклад внес Дмитрий Евгеньевич в работу совместной комиссии экономистов Российской и Польской и академий наук.

Д.Е. Сорокин являлся вице-президентом Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов. Очень много сил он отдавал организации научных мероприятий, популяризации экономической науки. Дмитрий Евгеньевич являлся главным редактором журнала «Финансы: теория и практика», входил в редакционные коллегии и советы многих научных журналов, в том числе «Вопросы экономики» и «Вестник Института экономики Российской академии наук».

Для Института экономики РАН и его сотрудников кончина Д.Е. Сорокина – невосполнимая потеря. Светлая память о Дмитрие Евгеньевиче Сорокине – талантливом ученом, открытом, остроумном, любящем жизнь и умеющем по-настоящему дружить человеку, навсегда останется с нами.

*Коллектив Института экономики РАН,
Редакционная коллегия журнала
«Вестник Института экономики
Российской академии наук»*

ПОЛЬ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ САВЧЕНКО

26 марта 2021 г. на 90 году ушел из жизни наш коллега и друг, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник Института экономики РАН Поль Вячеславович Савченко.

Поль Вячеславович родился 2 сентября 1931 г. в г. Москве. Как он пишет в своей книге «Прошедшие годы: взгляд современника», он «прожил интересный период в истории России. Это – оттепель, застой, перестройка, переход от административно-командной к рыночной экономике».

В 1955 г. он с отличием окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Поль Вячеславович в течение 20 лет был первым заместителем заведующего кафедрой социально-экономических проблем экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Общий научный и педагогический стаж П.В. Савченко – более 60 лет.

В процессе трудовой деятельности П.В. Савченко прошел школу выдающихся отечественных ученых-экономистов: Л.И. Абалкина, А.И. Анчишкина, Н.А. Цаголова. С заслуженным деятелем науки РФ, д.э.н., профессором Николаем Александровичем Цаголовым он вместе работал на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ. С академиком АН СССР Александром Ивановичем Анчишкиным его связывала работа над Комплексной программой научно-технического прогресса. В Институт экономики РАН Поль Вячеславович пришел в сентябре 1979 г. С начала рыночных реформ в России он занимался исследованиями проблем смешанной российской рыночной экономики, продолжая разрабатывать идеи академика РАН Леонида Ивановича Абалкина о необходимости в ходе перестройки учитывать прежде всего национально-государственные интересы нашей страны, а также социальную направленность проводимых реформ.

В научной и преподавательской работе П.В. Савченко отличали широкая эрудиция, умение найти новаторские, нестандартные подходы к решению возникающих проблем, творческая энергия и трудолюбие. Он подготовил свыше 30 аспирантов.

Поль Вячеславович был талантливым исследователем и преподавателем, организатором творческих коллективов, мудрым наставником, общительным, внимательным, отзывчивым, справедливым, порядочным и неунывающим человеком. Он всегда был готов поделиться своими знаниями, дать совет и оказать помощь тем, кто к нему обращался.

П.В. Савченко — автор множества монографий, учебников, научных докладов и статей, известный специалист в области теоретических проблем социальной политики, аграрных отношений, мотиваций трудо-

вой и предпринимательской деятельности, уровня, качества и образа жизни. В последние годы он занимался теоретическими исследованиями актуальных проблем национальной экономики, рассматривая ее как социально-экономическую систему, функционирующую в сложный период перехода к информационно-индустриальному обществу в условиях глобализации. Его работы опубликованы на 11 языках.

Поль Вячеславович умел объединять ученых при подготовке совместных научных трудов и учебников, являясь не только генератором идей, но и прекрасным организатором. В работах, подготовленных при его непосредственном участии или изданных под его редакцией, приняли участие более 60 профессоров и докторов экономических наук из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, РАНХ и ГС при Президенте РФ, НИУ-ВШЭ, Финансового университета при Правительстве РФ, РЭУ им. Г.В. Плеханова, из Института экономики РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Центрального экономико-математического института РАН, Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, ВНИИ охраны и экономики труда Минтруда РФ и др.

П.В. Савченко пользовался огромным кредитом доверия среди ученых-экономистов. Всем, с кем Поль Вячеславович общался, он помогал раскрывать их творческий потенциал, делал каждого духовно богаче.

Сотрудники Института навсегда сохранят светлую память о Поле Вячеславовиче.

*Коллектив Института экономики РАН,
Редакционная коллегия журнала
«Вестник Института экономики
Российской академии наук»*